

- [Джеральд Даррел](#)
    - [Разговор](#)
    - [Часть первая. Лондон: прелюдия](#)
      - [Глава первая. Схватка с духами](#)
    - [Часть вторая. Перама](#)
      - [Глава вторая. Крещение](#)
      - [Глава третья. Бухта Среди Олив](#)
      - [Глава четвертая. Миртовые чащи](#)
    - [Часть третья. Контокали](#)
      - [Глава шестая. Крабы и каракатицы](#)
      - [Глава седьмая. Веселая суматоха под оливами](#)
      - [Глава восьмая. Совы и аристократия](#)
    - [Часть четвертая. Кризеда](#)
      - [Глава девятая. Про ежей и морских волков](#)
      - [Глава десятая. Говорящая голова](#)
      - [Глава одиннадцатая. Рассерженные бочки](#)
    - [Эпилог](#)
    - [Из переписки](#)
-

Джеральд Даррел

Птицы, звери и родственники

*Теодору Стефанидесу - в
благодарность за часы удовольствия и
учебу.*

Разговор

Зима в тот год была суровой, и, даже когда подошло время весне, крокусам – так трогательно и неколебимо верившим во времена года – пришлось с трудом пробиваться сквозь корку снега. Серое и низкое небо готово было в любую минуту обрушить новый поток снега, а вокруг домов завывал резкий ветер. Одним словом, погода не была идеальной для сбора семьи, особенно такой, как наша.

Мне было жаль, что, когда впервые после войны они встретились в Англии, их встреча скорее напоминала бурю. Она не выявила лучшие их черты, а сделала всех более раздражительными, чем обычно, и более чувствительными к обидам. Менее всего они могли прислушиваться к чьей-либо точке зрения, кроме своей собственной.

Словно стая сердитых львов, они сидели вокруг огня, такого обширного и яркого, что он мог в любую минуту перекинуться на каминную доску. Моя сестра Марго поддерживала огонь простым способом, втаскивая один конец принесенного из сада деревца в огонь, тогда как остаток ствола оставался снаружи. Мама вязала, по ее слегка рассеянному взгляду и мерному движению губ можно было подумать, что она молится, но на самом деле ее занимало меню к завтрашнему ленчу. Брат Лесли зарылся в учебник по баллистике, а старший брат Лоренс, одетый в свитер, какие обычно носят рыбаки (довольно великоватый для него), стоял у окна и непрерывно чихал и сморкался в большой красный платок.

– Вот уж ужасная страна, – сказал он, поворачиваясь к нам так воинственно, словно все мы были повинны в непрерывной дурной погоде. – Стоит только вступить на

берег у Дувра, и вас встретит прямо-таки заграда гриппозных микробов... понимаете ли вы, что это моя первая простуда в этом году? Просто потому, что у меня хватило разума подальше держаться от Острова Пуддингов. Все, кого я встретил до сих пор, были простужены. Такое впечатление, будто все население Британских островов целый год совершенно ничего не делает, а только топчется хороводом один за другим и с упоением чихает друг другу в лицо... своего рода инфекционная карусель. И как можно спастись от этого?

- Только потому что ты подхватил простуду, ты злишься так, будто всему миру пришел конец, - сказала Марго. - Не понимаю, почему мужчины всегда так волнуются из-за пустяков.

Ларри уничтожающе посмотрел на нее слезящимися глазами.

- Беда ваша в том, что вам нравится быть мучениками. Ни один человек без мазохистских наклонностей не остался бы в этом... этом вирусном раю. Вы все инертны, вы любите барахтаться в этом море инфекций. Простительно тем, кто никогда не видел ничего иного, но вы-то все вкусили солнце Греции, вам бы не мешало знать, что это такое.

- Да, милый, - сказала мама, желая его утешить, - но ведь ты приехал в самое плохое время. Ты же знаешь, здесь бывает очень славно. Весной, например.

Ларри метнул на нее злой взгляд.

- Мне бы не хотелось вытряхивать тебя из транса Рип-Ван-Винкля, - сказал он, - но ведь это и есть весна... а ты только посмотри на нее! Нужна команда здоровяков, чтобы спуститься вниз и отправить письмо.

- Полдьюма снега, - фыркнула Марго. - Ты явно преувеличиваешь.

- Я согласен с Ларри, - сказал Лесли, выглянув из-под своего учебника. - На улице чертовски холодно.

Прямо ничего не хочется делать. Нельзя даже прилично пострелять.

- Совершенно верно, - сказал, торжествуя, Ларри, - тогда как в такой разумной стране, как Греция, можно завтракать во дворе, а потом спуститься к морю для утреннего купания. Здесь же зубы у меня ходят таким ходуном, что я с трудом вталкиваю в себя завтрак.

- Я бы очень хотел, чтобы ты не заводил волюнку с Грецией, - сердито сказал Лесли. - Это напоминает мне об ужасной книге, которую написал Джерри. Понадобилось несколько лет, чтобы забыть все это.

- Несколько лет, - язвительно произнес Ларри, - а что он сделал со мной? Вы себе представить не можете, какой вред нанесла эта карикатура в духе Диккенса моему писательскому облику!

- Между прочим, он написал обо мне так, будто я ни о чем другом никогда не думал, кроме ружей и лодок.

- Но ты действительно ни о чем больше не думал, кроме ружей и лодок.

- Больше всех пострадала я, - заявила Марго. - Он только и говорил о моих прыщах.

- Я думаю, - сказала мама, - это было вполне точное изображение всех вас, но меня он выставил настоящей дурочкой.

- Я не возражаю, - заявил Ларри, - чтобы на меня писали памфлеты хорошей прозой, но быть высмеянным дурным английским языком просто невыносимо.

- Одно название чего стоит, - сказала Марго, - «Моя семья и другие звери». Мне надоело отвечать людям: «каким же из зверей изображена ты?»

- По-моему, заглавие довольно забавное, - сказала мама. - Только почему он не изобразил самые интересные события?

- В самом деле, - поддержал ее Лесли.

- Какие интересные события ты имеешь в виду? - с подозрением спросил Ларри.

- Например, твое плавание на яхте Макса вокруг острова. Это было чертовски забавно.

- Если бы эта история появилась в печати, я бы подал на него в суд.

- Не понимаю почему, - сказала Марго, - это было очень забавно.

- А что ты скажешь о спиритизме? - язвительно спросил Ларри. - Что, если бы он написал об этом, тебе бы это очень понравилось?

- Нет, нет! Он не посмел бы написать об этом! - со страхом сказала Марго.

- Ну вот, получай, - торжествовал Ларри. - А что вы скажете о судебном деле Лесли?

- Не понимаю, зачем меня впутывать в это дело, - воинственно заявил Лесли.

- Ведь это ты возмущался, что он не включил в книгу самые забавные случаи.

- По правде говоря, я уж забыла все эти истории, - сказала мама, посмеиваясь. - Но думаю, они были забавнее тех, что описал ты, Джерри.

- Рад это слышать, - сказал я задумчиво.

- Почему? - спросил Ларри, глядя на меня с подозрением.

- Потому что я решил написать еще одну книгу о Корфу и использовать все эти истории, - объяснил я с самым невинным видом.

Все сразу зашумели и заволновались.

- Я запрещаю это, - закричал Ларри, громко чихая, - категорически запрещаю!

- Ты не можешь писать о моем спиритизме, - вскрикнула Марго. - Мама, скажи ему, чтобы он не писал об этом.

- И о моем судебном деле, - закричал Лесли. - Я не потерплю этого.

- И если ты заикнешься о яхтах... - начал Ларри.

- Ларри, дорогой, говори потише, - попросила мама.

- Ну тогда запрети ему писать продолжение, - кричал Ларри.

- Не говори глупостей, дорогой, я не могу запретить ему, - сказала мама.

- Ты хочешь, чтобы все повторилось сначала? - спросил Ларри хриплым голосом. - Опять посыплется письма из банка: не будете ли вы так любезны снять ваш вклад, опять лавочки будут смотреть на вас с подозрением, опять у дверей появятся анонимные бандероли со смиренными рубашками, и все родственники отвернутся от вас. Ты считаешься главой семьи, так запрети ему писать об этом!

- Ты все преувеличиваешь, Ларри, дорогой, - сказала мама. - А кроме того, я никак не могу запретить ему, если он хочет написать об этом. Не думаю, что это причинит какой-нибудь вред. Все это отличные истории, и я не вижу, почему бы ему не написать продолжение.

Все семейство разом поднялось со своих мест, и все принялись громко растолковывать ей, почему нельзя писать продолжение. Я ждал, пока уляжется шум.

- Помимо этих историй есть еще немало других, - сказал я, припоминая.

- Каких же, милый? - с интересом спросила мама. Все семейство, с покрасневшими лицами, расшаркавшееся, рассерженное, уставилось на меня в выжидательном молчании.

- Ну, - сказал я в раздумье, - мне бы хотелось описать твой роман с капитаном Кричем, мама.

- Что? - возмутилась мама. - Ты, конечно, не напишешь ничего подобного... Вот еще, роман с этим противным стариком. Не позволю, чтобы ты писал об этом.

- Ну, а по-моему, это самая лучшая история из всех, - елевым голосом произнес Ларри, - трепетная страсть романтической истории, ласковое, старинное

очарование героя... манера, с которой ты обращалась со старым приятелем...

- Да успокойся же, Ларри, - сердито сказала мама, - ты раздражаешь меня такими вот разговорами. Не думаю, Джерри, что ты затеял доброе дело, написав эту книгу.

- Я тоже не думаю, - сказал Ларри. - Если ты опубликуешь ее, мы все подадим на тебя в суд.

Перед лицом такой спаянной, единой семьи, расвирепевшей в своей решимости помешать мне любой ценой, у меня оставался единственный выход. Я сел и написал эту книгу.

**Часть первая. Лондон:
прелюдия**

Глава первая. Схватка с духами

Все началось в те дни, когда Марго вдруг стала прибавлять в весе. К ее ужасу, за короткое время она сделалась почти круглой. Мама вызвала нашего доктора Андручелли, чтобы он взглянул, в чем тут дело. Он произнес целую серию горестных «по, по, по», когда увидел ожиревшую Марго, и назначил ей множество пилюль и микстур и разные диеты, но все оказалось безрезультатно.

- Он говорит, - сообщила Марго однажды со слезами за завтраком, - что, он думает, это миндалевидная железка.

- Миндалевидная? - спросила мама с тревогой. - Что это значит миндалевидная железка?

- Не знаю, - всхлипнула Маргарет.

- Надо ли нам, - спросил Ларри, - обсуждать ваши болезни во время еды?

- Ларри, дорогой, Андручелли говорит, что это миндалевидная железка, - сказала мама.

- Ерунда, - беззаботно ответил Ларри, - это попросту щенячий жир.

- Щенячий жир! - пропищала Марго. - Да знаешь ли ты, какой у меня вес?

- Тебе надо побольше двигаться, - сказал Лесли. - Почему бы тебе не заняться парусным спортом?

- Не думаю, что удастся найти лодку подходящих размеров, - заметил Ларри.

- Скоты! - сказала Марго, раздражаясь слезами. - Вы бы так не говорили, если б знали, как я себя чувствую.

- Ларри, милый, - сказала мама умиротворяюще, - не очень любезно говорить подобные вещи.

- Я бы и не говорил, если бы она не блуждала кругом, словно арбуз, покрытый пятнами, - заявил

Ларри с раздражением. – Можно подумать, что это по моей вине вы все тут без конца топчетесь на одном месте.

– Что-то надо предпринять, – сказала мама. – Завтра я снова повидаюсь с Андручелли.

Но Андручелли повторил, что, по его мнению, это миндалевидная железа, и он думает, что Марго нужно ехать в Лондон для лечения. И вот после потока телеграмм и писем Марго была отправлена в Лондон на попечение двух единственно стоящих родственников, с которыми мы все еще поддерживали отношения, – маминой племянницы Пруденс и ее матери, тетушки Фэн.

После коротенького письма, где сообщалось, что она благополучно доехала и вместе с кузиной Пру и тетушкой Фэн поселилась в отеле вблизи Ноттинг-Хилл Гейт и что она познакомилась с хорошим доктором, от Марго довольно долгое время не было никаких известий.

– Хорошо бы получить от нее письмо, – сказала мама.

– Не беспокойся, мама, – сказал Ларри, – о чем ей писать, разве что о ее теперешнем объеме?

– Да нет, я хочу знать, что там происходит, – сказала мама, – как-никак она в Лондоне.

– Какое отношение имеет к этому Лондон? – спросил Ларри.

– В таком большом городе, как Лондон, все может случиться, – мрачно сказала мама. – Сколько приходится слышать всяких историй о девушках в больших городах.

– Право же, мама, ты напрасно беспокоишься, – с раздражением сказал Ларри. – Скажи, ради Бога, что, по-твоему, с ней может случиться? Ты думаешь, ее завлекут в какой-нибудь притон? Да ноги ее там никогда не будет!

- Это не шуточное дело, Ларри, - сурово сказала мама.

- Но ты совсем напрасно поддаешься панике, - ответил Ларри. - Сама подумай, какой уважающий себя мужчина дважды посмотрит на Марго? А кроме того, где взять такого здоровяка, который решился бы ее похитить?

- И все равно я беспокоюсь, - сказала мама с вызовом, - и намерена послать телеграмму по этому поводу.

Она и в самом деле послала телеграмму на имя своей племянницы Пруденс, и та ответила наконец, что Марго связалась с людьми, которых она не одобряет, и что неплохо было бы маме приехать, чтобы поговорить с Марго как следует. Что тут началось! Обезумевшая мама послала Спиро, нашего добровольного и безотказного советчика, философа и друга, купить билеты и принялась поспешно упаковываться. Затем она вдруг вспомнила обо мне. Чувствуя, что это может принести больше вреда, чем пользы, если оставить меня под присмотром двух старших братьев, она решила взять меня с собой. Спиро еще раз послали за билетами и теперь уже дополнительно упаковали мои вещи. Я смотрел на все приготовления как на дар небес - дело в том, что мне только что дали нового учителя, мистера Ричарда Кралевского, который стремился - с твердой решимостью и несмотря на мое сопротивление - обучать меня не правильным французским глаголам, и эта поездка в Англию, думал я, принесет мне желанную передышку.

Путешествие на поезде прошло без особых происшествий, если не считать постоянного маминого страха быть арестованными фашистскими карабинерами. Этот страх тысячекратно возрос, когда в Милане я нарисовал на запыленном стекле вагона карикатуру на Муссолини. Мама минут десять стирала

ее носовым платком с самоотверженностью опытной прачки, пока наконец не решила, что от рисунка не осталось и следа.

Контраст между тихими, долгими, солнечными днями на Корфу и приездом в Лондон поздно вечером был для нас большим испытанием. Столько незнакомых людей на станции, сновавших взад-вперед с серыми озабоченными лицами. Язык, на котором говорят носильщики, почти непонятный, а Лондон – сияющий огнями и набитый людьми. Такси осторожно пробиралось по Пиккадилли, словно жук сквозь фейерверк. Холодный воздух делал ваше дыхание заметным, будто дым около губ, когда вы говорили, так что вы казались фигуркой из комикса.

Наконец такси остановилось возле покрытых копотью фальшивых коринфских колонн отеля «Балаклава». С помощью швейцара, пожилого кривоногого ирландца, мы внесли свой багаж в отель. Однако нас никто не встретил. Видимо, телеграмма о нашем приезде где-то еще блуждала. Молодая леди, сказал нам швейцар, ушла на свою встречу, а мисс Хьюз и старая леди отправились кормить собак.

– Что он говорит, милый? – спросила мама, когда швейцар вышел из комнаты, – его акцент был настолько сильным, что звучал как иностранный язык. Я сказал, что Марго пошла на встречу, а кузина Пру и тетушка Фэн кормят собак.

– Что бы это могло значить? – недоумевающе спрашивала мама. – На какую встречу пошла Марго и о каких собаках он говорит?

Я сказал, что не знаю, но, насколько мне удалось видеть Лондон, собак в нем маловато.

– Хорошо, – сказала мама, неумело вставляя шиллинг в счетчик и зажигая газ. – Я думаю, что нам надо устроиться поудобнее и ждать, пока они не вернуться.

Мы прождали час, когда вдруг раскрылась дверь и с криком «Лу, Лу, Лу» вбежала Пру, протягивая руки, словно удивительная болотная птица. Она обняла нас обоих, ее черные, как терновая ягода, глаза светились любовью и волнением. Красивое лицо приятно пахло и было нежное, как фиалка, когда я послушно прикоснулся к нему губами.

- Я уж думала, вы никогда не приедете, - сказала она. - Mamочка еще поднимается. Она с трудом ходит по лестнице, бедняжка. Вы оба чем-то обеспокоены, ну, расскажите-ка мне все. Тебе нравится этот отель, Лу? Он дешевый и удобный, но здесь много самого странного люда.

Сквозь открытую дверь послышалась тихая одышка.

- А, это мамочка, - крикнула Пру. - Mamочка, мамочка, Лу приехала.

В дверях показалась тетя Фэн. На первый взгляд, подумал я довольно бессердечно, она была похожа на ходячую палатку. На ней был ржаво-красный твидовый костюм невероятного стиля и размера. На голове красовалась слегка изношенная бархатная шляпка такого фасона, какие носят феи. Сквозь сверкающие очки глаза ее казались совиными.

- Лу! - закричала она, распахивая объятия и возводя глаза к небу, словно мама была божественным видением. - Лу и Джеральд! Вы прибыли!

Меня и маму сердечно обнимали и целовали. Это не было легкое, словно цветок, объятие Пру. Это было сильное, до хруста в ребрах, объятие и крепкий поцелуй, от которого, казалось, синели губы.

- Я так сожалею, Лу, дорогая, что нас не было дома, но мы не были уверены, когда вы приедете, и нам надо было кормить собак.

- Каких собак? - спросила мама.

- Ну, моих бедлингтонских щенят, конечно, - сказала Пру. - Разве вы не знаете? Мы с мамочкой

завели собак. – Она залилась звонким, как колокольчик, смехом.

– Но помнится, у вас появилось еще кое-что в последнее время, – сказала мама. – Кажется, козы.

– О, мы их до сих пор держим, – сказала тетя Фэн, – да еще моих пчел и цыплят. Но Пруденс решила, что неплохо было бы завести еще и собак. Она такая деловая.

– Я и впрямь думаю, что это доходное дело, Лу, дорогая, – серьезно сказала Пру. – Я купила Тинкербелла, а потом Люсибелла...

– А затем Тайнибелла, – перебила ее тетя Фэн.

– И Тайнибелла, – сказала Пру.

– И Люсибелла, – сказала тетушка Фэн.

– Успокойся, мамочка. Я уже сказала о Люсибелле.

– Есть еще Тинкербелл, – сообщила тетя Фэн.

– Мамочка плоховато слышит, – сказала Пру, что и без того было очевидно. – И у всех есть щенята. Я привезла их в Лондон на продажу и в то же время не спускаю глаз с Марго.

– Да, где же Марго? – спросила мама. Пру на цыпочках подошла к двери и тихонько ее закрыла.

– Она на сеансе, дорогая.

– Я знаю, но что это за сеансы? – спросила мама. Пру с беспокойством огляделась.

– Спиритические сеансы, – прошептала она.

– И затем, есть еще Люсибелл, – сказала тетя Фэн.

– Успокойся, мамочка.

– Спиритические сеансы? – спросила мама. – С какой стати она ходит на эти спиритические сеансы?

– Лечится от ожирения и от прыщей, – ответила Пру, – но, помяните мое слово, добра от этого не будет. Это злая сила.

Я заметил, что мама начинает волноваться.

– Но я не понимаю, – сказала она. – Я отправила Марго в Лондон, чтобы ее посмотрел доктор, забыла,

как его имя.

- Я знаю, дорогая, - сказала Пру. - Но после приезда в отель Марго попала во власть этой злой женщины.

- Какой злой женщины? - спросила мама, теперь уже по-настоящему обеспокоенная.

- Козы - это тоже хорошо, - сказала тетя Фэн, - но в этом году они дают чуть меньше молока.

- Ой, мамочка, да помолчи же ты, - сквозь зубы процедила Пру. - Я имею в виду эту злую женщину, миссис Хэддок.

- Хэддок, Хэддок, - растерянно повторила мама. Ее мысли всегда несколько отвлекались, стоило при ней произнести слово, связанное с кулинарией.

- Она медиум, моя дорогая, - сказала Пру, - и она расставила для Марго ловушки. Она сказала Марго, что ей нужен гид.

- Гид? - спросила мама, теряя силы. - Какой гид? По ее состоянию я мог видеть, что она теперь думает, будто Марго занялась альпинизмом или чем-то в этом роде.

- Духовный гид, - сказала Пру. - Его зовут Мауэйк. Должно быть, он индеец.

- У меня теперь десять ульев, - сказала тетя Фэн с гордостью. - Мы получаем в два раза больше меда.

- Помолчи, мамочка, - сказала Пру.

- Я не понимаю, - жалобно сказала мама, - почему она до сих пор не идет к доктору для уколов.

- Потому что Мауэйк ей не разрешает, - торжественно произнесла Пру. - Три сеанса назад сказал он - по словам Марго, и все это в передаче миссис Хэддок, так что в достоверности сказанного можно усомниться, - так вот, по словам Марго, Мауэйк сказал, что ей не нужны больше проколы.

- Проколы? - спросила мама.

- Ну, я полагаю, индеец имел в виду уколы, - сказала Пру.

- Как приятно повидаться с тобой, Лу, - сказала тетя Фэн. - Не попить ли нам чайку?

- Очень хорошая мысль, - едва слышно произнесла мама.

- Я не спущусь туда, чтобы заказать чай, - сказала Пру, взглянув на дверь, как будто за нею скрывались все демоны ада. - Во всяком случае, не теперь, когда у них там сеанс.

- Почему, что случилось? - спросила мама.

- И хорошо бы сделать тосты, - сказала тетя Фэн.

- Да помолчи же, мамочка, - сказала Пру. - Ты представления не имеешь, что происходит на этих сеансах, Лу. Миссис Хэддок входит в транс, затем начинает покрываться эктоплазмом.

- Эктоплазмом? - спросила мама. - Что такое эктоплазм?

- У меня в комнате есть горшок моего собственного меда, - сообщила тетя Фэн, - я уверена, он тебе понравится, Лу. Не сравнить со всей этой синтетикой, какую вы теперь покупаете.

- Это такое вещество, которое производят медиумы, - сказала Пру. - Оно похоже на... ну, на такое... я сама его никогда не видела, но говорят, что оно похоже на мозги. Потом они заставляют летать трубки и все такое. Скажу тебе одно, моя дорогая: я никогда не спускаюсь вниз, когда у них сеанс.

Как я ни был зачарован разговором, мне не хотелось упустить случая увидеть женщину по имени миссис Хэддок, покрытую мозгами и с парой трубок, летающих вокруг, поэтому я вызвался спуститься вниз и заказать чай.

К моему разочарованию, на нижнем этаже отеля я не увидел ничего хотя бы отдаленно напоминающего описание Пруденс. Но чай я раздобыл, его принес на подносе швейцар-ирландец. Мы попивали чай, и я пытался объяснить тете Фэн, что такое эктоплазм,

когда вошла Марго с большим кочаном капусты под мышкой и в сопровождении маленькой коренастой женщины с выпуклыми голубыми глазами и редкими волосами.

- Мама! - драматическим тоном произнесла Марго. - Ты приехала!

- Да, милая, - мрачно сказала мама, - и, кажется, как раз вовремя.

- Это миссис Хэддок, - сказала Марго, - она совершенно очаровательна.

Сразу бросилось в глаза, что миссис Хэддок страдает странной болезнью. Казалось, что она не может дышать, когда говорит, поэтому ее речь получалась бессвязной, все слова сливались в одну гирлянду, и затем, когда у нее прорывалось дыхание, она останавливалась и втягивала воздух, производя шум, звучавший как «уаааха».

Теперь она обратилась к маме.

- Рада вас видеть миссис Дрелл конечно мой духовный гид сбзил мне в вашем приезде надеюсь вы хорошо доехали... уаааха.

Мама, которая собиралась оказать миссис Хэддок весьма холодный и достойный прием, была сбита с толку этой странной дикцией.

- О да. А как вы? - сказала она, нервничая и напрягая слух, чтобы понять, о чем говорит миссис Хэддок.

- Миссис Хэддок спиритуалистка, мама, - с гордостью сказала Марго, как будто она представляла по меньшей мере Леонардо да Винчи или изобретателя аэроплана.

- В самом деле, милая? - сказала мама, холодно улыбаясь. - Это очень интересно.

- Очнь приятно узнать что те кто уехал рныпе теперь соединились... уаааха, - сказала миссис Хэддок

серьезно. - Так мнго людей... уаааха... не знает о духовном мире кторый лежит так близко.

- Ты бы повидала щенят, Марго, - заметила тетя Фэн. - Маленькие шалунишки изодрали всю свою подстилку.

- Помолчи, мамочка, - сказала Пру, оглядывая миссис Хэддок так, как будто ожидала, что у той в любой момент вырастут рога или хвост.

- Вашей дчери очень повезло так как он... уаааха... сумел получить одного из лучших гидов, - сказала миссис Хэддок, как будто Марго перелистывала Дебретта, прежде чем решить, какой дух вызвать, чтобы получить совет.

- Его зовут Мауэйк, - произнесла Марго. - Он просто прелесть!

- Кажется, он пока не принес тебе много добра, - резко ответила мама.

- Нет, принес, - возмутилась Марго. - Я похудела на три унции.

- Это требует времени и терпения и полной веры в будущую жизнь... уаааха... моя дорогая миссис Дррелл, - сказала миссис Хэддок, улыбаясь маме сладенькой улыбкой.

- Да, я верю, - сказала мама, - но я бы предпочла, чтобы Марго находилась под присмотром врача.

- Я не думаю, что это они нарочно, - сказала тетушка Фэн. - У них, наверно, режутся зубы и поэтому болят десны.

- Мамочка, мы говорим не о щенках, - сказала Пру. - Мы говорим о гиде Марго.

- Это будет славно для нее, - сказала тетя Фэн, ласково улыбаясь Марго.

- Мир духов намного мудрее любых существ на земле... уаааха... ваша дочь не могла бы быть в лучших руках... Мауэйк был великим врачомателем в своем

племени один из лучших во всей Северной Америке...
Уаааха.

- И он дал мне такой добрый совет, мама, - сказала Марго. - Правда ведь, миссис Хэддок?

- Нет больше проколов белая девушка не должна больше делать проколов... Уаааха, - произнесла миссис Хэддок.

- Ну вот! - сказала Пру торжествующе. - Я же тебе говорила.

- Поешьте немного меду, - радушно предложила тетя Фэн. - Это не синтетическая дрянь, какую теперь продают в магазинах.

- Помолчи, мамочка.

- Я все же предпочитаю, миссис Хэддок, чтобы у моей дочери был разумный врач, а не этот Мауэйк.

- О, мама, ты такой отсталый и старомодный человек, - в сердцах сказала Марго.

- Моя дорогая миссис Дррел вы должны научиться верить огромному влиянию духовного мира который только и старается помогать и руководить... Уаааха... - Миссис Хэддок перевела дух. - Я чувствую что если бы вы пришли на один из наших сеансов вы бы убедились в огромной силе духовного мира который в конечном счете единственный старается помочь и направить нас... Уаааха... Я чувствую что если бы вы пришли на один из наших сеансов вы бы убедились в огромной силе добра которое есть у наших духовных гидов. Уаааха.

- Благодарю вас. Я предпочитаю руководствоваться своим собственным духом, - с достоинством сказала мама.

- Мед теперь не такой, как раньше, - сказала тетя Фэн, следившая за разговором.

- У тебя просто предубеждение, мама, - сказала Марго. - Ты порицаешь вещь, даже не испробовав ее.

- Я чувствую уверенность что если бы ты смогла убедить свою маму присутствовать на наших сеансах... Уаааха... она бы нашла целый новый мир открывшийся перед нею.

- Да, мама, - сказала Марго, - тебе надо прийти на сеанс. Я уверена, что ты будешь убеждена в том, что увидишь и услышишь! В конце концов, нет дыма без огня.

Я видел, что мама страдает от внутренней борьбы. Много лет она проявляла глубокий интерес к суевериям, народной магии, колдовству и подобным вещам, и теперь соблазн принять предложение миссис Хэддок был очень велик. Я ждал, затаив дыхание, надеясь, что она примет предложение. В тот момент мне больше всего хотелось увидеть миссис Хэддок, покрытую мозгами и трубками, летающими вокруг ее головы.

- Ну ладно, - сказала мама нерешительно. - Там будет видно. Мы поговорим об этом завтра.

- Я уверена как только мы прорвем барьер для вас мы сможем оказать вам большую помощь и руководство... Уаааха... - сказала миссис Хэддок.

- Да, да, - сказала Марго, - Мауэйк просто прелесть!

- У нас будет завтра вечером еще один сеанс здесь в отеле... уаааха... и я очень надеюсь что и вы и Марго будете на нем. Уаааха.

Она чуть заметно, словно бы нехотя, улыбнулась нам, прощая все наши грехи, потрепала Марго по щеке и удалилась.

- Право же, Марго, - сказала мама, когда закрылась дверь за миссис Хэддок, - ты заставляешь меня злиться.

- Ох, мама, ты такая старомодная, - ответила Марго. - Этот доктор не принес мне никакой пользы своими уколами, а Мауэйк творит чудеса.

- Чудеса, - фыркнула мама с презрением, - по мне, так ты выглядишь точно такой, как была.

- Клевер, - сказала тетя Фэн, жуя тост, - считается самым лучшим, хотя я предпочитаю вереск.

- Послушай, дорогая, - сказала Пру, - эта женщина зажала тебя в тиски. Она злая. Поостерегись, пока не поздно.

- Я только прошу, чтобы вы пришли на сеанс и посмотрели, - ответила Марго.

- Никогда, - сказала Пру, содрогаясь. - Мои нервы этого не вынесли бы.

- Интересно, - сказала тетя Фэн, - что для опыления клевера нужны шмели.

- Ох, я слишком устала, - сказала мама, - чтобы обсуждать это теперь. Мы поговорим об этом утром.

- Не поможете ли вы мне с капустой? - спросила Марго.

- Что сделать? - спросила мама.

- Помочь мне с капустой, - ответила Марго.

- Я всегда интересовалась, - в раздумье сказала тетя Фэн, - можно ли разводить шмелей.

- Что ты делаешь с капустой? - спросила мама.

- Она кладет ее на лицо, - презрительно сказала Пру. - Просто смех.

- Ничего смешного, - рассердилась Марго. - Это приносит моим прыщам мир добра.

- Что? Ты варишь ее или как? - спросила мама.

- Нет, - ответила Марго, - я положу листья на лицо, а ты завяжешь их на мне. Так посоветовал Мауэйк, и это делает чудеса.

- Один смех, Лу, дорогая. Ты должна остановить ее, - сказала Пру, оцетинившись, как котенок. - Это не что иное, как колдовство.

- Я очень устала, чтобы спорить об этом, - сказала мама. - Не думаю, чтобы это могло принести тебе какой-нибудь вред.

Марго села на стул и приложила большие морщинистые листья капусты к лицу, а мама

торжественно привязала их красной ленточкой к голове. Я подумал, что в таком виде Марго похожа на странную зеленую мумию.

- Это же язычество, вот что это такое, - сказала Пру.

- Ерунда, Пру, напрасно ты волнуешься, - ответила Марго заглуженным капустными листьями голосом.

- Я иногда думаю, - сказала мама, завязав последний узел, - вся ли моя семья в своем уме.

- Марго собирается на маскарад? - спросила тетя Фэн, с интересом следившая за происходящим.

- Нет, мамочка, - захохотала Пру. - Это для ее прыщей.

Марго встала и ощупью направилась к двери.

- Пойду прилягу.

- Если тебе встретится кто-нибудь на лестничной площадке, он испугается до смерти, - сказала Пру.

- Повеселись хорошенько, - сказала тетя Фэн. - Не возвращайся слишком поздно. Знаю я вас, молодых. Когда Марго ушла, Пру повернулась к маме.

- Вот видишь, дорогая Лу? Я не преувеличивала. Эта женщина имеет злое влияние. Марго ведет себя как ненормальная.

- Да ладно, - сказала мама, чей жизненный принцип был всегда защищать молодых, как бы не правы они ни были. - Просто она несколько неблагоразумна.

- Неблагоразумна! - воскликнула Пру. - Капустные листья на все лицо! Никогда ничего не делает, если Мауэйк ей не скажет. Это вредно для здоровья.

- Я нисколько не удивлюсь, если она возьмет первый приз, - засмеялась тетушка Фэн. - Вряд ли там найдутся другие, изображающие капусту.

Спор продолжался с перевесом то в одну, то в другую сторону, перемежаясь с воспоминаниями тети Фэн о балах-маскарадах, на каких она бывала в Индии. Наконец Пру и тетушка Фэн ушли, и мы с мамой приготовились ко сну.

- Мне иногда кажется, - сказала мама, снимая одежду и выключая свет, - мне иногда кажется, что я единственный нормальный человек в семье.

На следующее утро мы решили походить по магазинам, так как на Корфу не было много, что маме хотелось бы купить и взять с собой. Пру сказала, что это отличный план и она может занести по дороге бедлингтонских щенят к их новым владельцам.

И вот в девять часов мы все собрались на тротуаре у отеля «Балаклава» и, должно быть, представляли занятную картину для прохожих. Тетушка Фэн, наверное в честь нашего приезда, надела шляпку феи с большим пером. Она стояла на тротуаре, обвитая, словно майское дерево, поводками восьми бедлингтонских щенков, которые дрались, играли и мочились вокруг нее.

- Я думаю, нам лучше взять такси, - сказала мама, с беспокойством глядя на прыгавших щенят.

- Ой нет, Лу, - сказала Пру, - подумай о расходах! Мы можем поехать на метро.

- Со всеми щенками? - с сомнением спросила мама.

- Да, дорогая, мамочка привыкла справляться с ними. Тетя Фэн, связанная теперь почти до неподвижности поводками щенят, вынуждена была выпутаться, прежде чем мы могли спуститься к станции метро.

- Сироп из дрожжей и клена, - сказала Марго. - Ты не должна, мама, позволить мне забыть о сиропе из дрожжей и клена. Мауэйк говорит, что это отличное средство от прыщей.

- Если ты еще раз упомянешь имя этого человека, я рассержусь всерьез, - ответила мама.

Наше продвижение к станции метро было медленным, так как щенки обходили каждый предмет на нашем пути в обратном направлении и мы без конца останавливались, чтобы размотать поводок и

освободить тетю Фэн от фонарного столба или почтового ящика, а иногда и от прохожих.

- Маленькие проказники! - восклицала она, теряя дыхание после каждой встречи. - Это они не нарочно.

Когда мы наконец прибыли к билетной кассе, Пру долго и язвительно спорила о цене для провоза бедлингтонов.

- Но ведь им всего восемь недель, - протестовала она, - а вы не берете платы с детей до трех лет.

Но вот наконец билеты были куплены, и мы направились к эскалаторам, навстречу потоку теплого воздуха, идущего от отверстий в земле. Щенят это, по-видимому, подбадривало. Рыча и таякая, в путанице поводков, они рвались вперед и тянули за собой тетю Фэн, как тяжелый галион. И только увидев эскалаторы, они стали опасаться того, что до сих пор казалось им чудесным приключением. Судя по всему, им не нравилось стоять на чем-то, что двигалось, и в своем решении они были единодушны. Вскоре все мы образовали тугой узел на верху эскалатора, сражаясь с истерически визжавшими щенками.

Позади нас образовался хвост.

- Это следовало бы запретить, - сказал строгого вида мужчина в котелке. - Собак нельзя пускать в метро.

- Я за них заплатила, - задыхнулась Пру. - У них столько же прав ехать в метро, как и у вас.

- Черти проклятые! - сказал другой мужчина на ярко выраженном кокни. - Я очень спешу. Пропустите меня.

- Маленькие мои проказники! - заметила тетя Фэн, смеясь. - Они такие веселые в этом возрасте.

- Может быть, каждый из нас возьмет по щенку? - предложила мама. Ее все больше смущал ропот толпы.

В этот момент тетя Фэн оступилась на первой ступеньке эскалатора, поскользнулась и упала в

водопад твида, потащив за собой твякающих щенят.

- Слава Богу, - сказал мужчина в котелке, - теперь мы, может быть, пройдем.

Пру стояла на верху эскалатора и смотрела вниз. К этому времени тетя Фэн достигла половины эскалатора, но не могла подняться из-за облепивших ее щенков.

- Мамочка, мамочка, у тебя все в порядке? - кричала Пру.

- Я уверена, дорогая, что все в порядке, - успокаивала ее мама.

- Маленькие мои шалунишки! - с трудом говорила тетя Фэн, когда ее несло по эскалатору.

- Теперь, когда ваши собаки убрались, мадам, - сказал мужчина в котелке, - быть может, и мы наконец воспользуемся удобствами этой станции?

Пру повернулась к нему, исполненная решимости вступить в битву, но Марго и мама утихомирили ее и поехали вниз по лестнице, к гуде твида и бедлингтонов, представлявшей собой тетю Фэн.

Мы подняли ее, отряхнули и распутали щенят, после чего направились к платформе. Теперь щенки являли собой подходящий сюжет для афиши. В обычное время бедлингтоны - весьма воспитанные собаки, но в критические моменты мне не приходилось видеть более жалкого зрелища. Дрожащие от страха щенки стояли на платформе, издавая высокие жалобные звуки, словно миниатюрные морские чайки, и то и дело приседали на кривых ножках, чтобы украсить платформу результатом своего страха.

- Бедняжки, - посочувствовала проходившая мимо толстая женщина, - стыдно так обращаться с животными.

- Нет, вы слышали, что она говорит? - воинственно сказала Пру. - Хотелось бы мне пойти за ней и сказать ей пару теплых слов.

К счастью, в этот момент с шумом, изрыгая потоки теплого воздуха, подошел поезд и отвлек всеобщее внимание. На щенят его приход оказал немедленное действие. С минуту они продолжали стоять дрожа и воя, словно стадо полумертвых от голода серых ягнят, затем бросились вдоль платформы не хуже упряжки лаек и потянули за собой тетю Фэн.

- Мамочка, мамочка, иди назад! - закричала Пру, когда мы бросились им вслед.

Пру совсем упустила из виду метод тети Фэн вести собак на поводке, который та мне подробно объяснила: никогда не тянуть за поводок, это может повредить им шею. Следуя новому методу, тетушка бежала по платформе, а бедлингтоны бежали впереди. Наконец мы догнали ее и сдержали щенков как раз в тот момент, когда двери поезда закрылись с самоуспокоенным шипением и он с грохотом умчался От станции, так что нам вместе с бедлингтонами пришлось ждать следующего поезда. Когда мы наконец затащили их в вагон, щенки оживились. Они весело боролись друг с другом, рычали и визжали, обматывая поводками ноги пассажиров, а один из них так разошелся, что подпрыгнул и вырвал газету «Тайме» из рук пассажира, который сидел с видом управляющего Английским банком.

Когда мы прибыли на место, голова у нас шла кругом, только тетя Фэн чувствовала себя отлично и была в восторге от живости щенят. Следуя совету мамы, мы переждали, пока схлынул людской поток, и только тогда рискнули воспользоваться эскалатором. К нашему удивлению, подъем щенков вверх не доставил особых хлопот. Судя по всему, они стали закаленными путешественниками.

- Слава Богу, все позади, - сказала мама, когда мы наконец оказались наверху.

- Боюсь, что щенята были несколько надоедливы, - волновалась Пру, - но ведь они привыкли жить за городом, а в городе им все не по нраву.

- А? - спросила тетя Фэн.

- Не по нраву, - крикнула Пру. - Щенкам. Им кажется, что все не так.

- Какая жалость, - сказала тетя Фэн и, прежде чем мы успели ее остановить, повела собак к другому эскалатору, и они исчезли в недрах земли.

Избавившись от щенков, мы благополучно справились с покупками, хотя и были несколько утомлены. Мама купила все, что ей было нужно. Марго достала свой сироп из дрожжей и клена, а я, пока они занимались приобретением всех этих ненужных мне предметов, сумел обзавестись красивым красным кардиналом, пятнистой саламандрой, толстой и лоснящейся, как атласное стеганое одеяло, и чучелом крокодила.

Удовлетворенные каждый своими покупками, мы вернулись в отель «Балаклава».

По настоянию Марго мама решила вечером побывать на сеансе.

- Не делай этого, дорогая Лу, - сказала Пруденс, - это связано с неведомым.

Но мама оправдывала свои действия весьма логично.

- Я чувствую, что должна встретиться с этим Мауэйком, он все же лечит Марго.

- Ну вот что, дорогая, - сказала Пру, видя мамину непреклонность, - я считаю это сумасшествием. Но я считаю своим долгом пойти с тобой. Нельзя же позволить, чтобы ты одна присутствовала на подобных вещах.

Я попросил взять и меня с собой, ссылаясь на то, что недавно в мои руки попала книга об искусстве

разоблачения псевдомедиумов, так что мои знания могли пригодиться.

- Мне кажется, не следует брать мамочку, - сказала Пру. - Это на нее может плохо подействовать.

И вот в шесть часов вечера в сопровождении Пру, трепещущей, словно только что пойманный птенец, мы отправились на нижний этаж, где жила миссис Хэддок. Там уже собралось довольно много народу. В числе других были миссис Глат, управительница отеля, высокий мрачный русский, говоривший с таким сильным акцентом, точно его рот был набит сыром, молодая, очень серьезная блондинка и вялый молодой человек, который, по слухам, собирался стать актером, но единственным занятием которого было дремать безмятежно в пальмовом шезлонге. К моей досаде, до начала сеанса мама не позволила мне обыскать комнату, чтобы обнаружить спрятанные веревки или фальшивый эктоплазм. Но мне все же удалось сказать миссис Хэддок, какую книгу я читал: если она не шарлатанка, думал я, это ее заинтересует. Однако взгляд, который она бросила на меня, был далеко не доброжелательный.

Мы сели в кружок, держась за руки. Начало сеанса было довольно неблагоприятным, потому что, едва погасили свет, Пру с пронзительным криком вскочила со стула, на котором сидела. Как оказалось, кожаная сумочка, которую она прислонила к ножке стула, соскользнула и коснулась ее ноги. После того как мы успокоили Пру и убедили ее, что это не козни злого духа, все вернулись на свои места и снова взялись за руки. Комната освещалась свечой на блюдце, она оплывала, мигала и посылала волнистые тени, поэтому лица у всех выглядели так, будто они только что восстали из мертвых.

- Теперь никто не должен разговаривать и я должна просить всех держать руки крепко сжатыми так чтобы

мы не теряли ни единой сущности... Уаааха, – сказала миссис Хэддок на одном дыхании. – Я знаю что среди нас есть неверующие тем не менее я прошу вас держать свой рассудок спокойным и восприимчивым.

– Что она имеет в виду? – шепотом спросила Пру у мамы. – Я не могу считать себя неверующей. Наоборот, я верю слишком сильно.

Проинструктировав нас, миссис Хэддок уселась в кресло и с напускным спокойствием погрузилась в транс. Я пристально следил за ней, решив не пропустить эктоплазм. Вначале она просто сидела с закрытыми глазами и все было тихо, за исключением шороха и поскрипывания стула, на котором вертелась возбужденная Пру. Но вот миссис Хэддок начала глубоко дышать, потом раздался храп с громким резонансом. Казалось, на чердаке кто-то рассыпает по полу мешок картошки. На меня это не произвело впечатления, ведь храп легче всего подделать. Рука Пру, сжимавшая мою руку, стала влажной от пота, и я почувствовал, как по ней пробегает дрожь.

– Ааааа, – произнесла вдруг миссис Хэддок, а Пру подпрыгнула на своем стуле и отчаянно вскрикнула, словно ее ударили кинжалом.

– Аааааааа, – повторила миссис Хэддок, извлекая полные драматизма возможности из этого простого звука.

– Мне это не нравится, – прошептала дрожавшая всем телом Пруденс. – Лу, дорогая, мне это не нравится.

– Успокойся, не то ты все испортишь, – прошипела Марго. – Расслабься и постарайся сделать свой ум восприимчивым.

– Я вижу среди нас новичков, – сказала вдруг миссис Хэддок с таким сильным индийским акцентом, что я чуть не рассмеялся. – Новичков, которые пришли в наш кружок. Я говорю им: добро пожаловать.

Мне показалось странным, что миссис Хэддок больше не соединяла свои слова вместе и не производила удивительных вдохов. Она побормотала и поворчала с минуту что-то непонятное, а потом сказала ясно:

- Это Мауэйк.

- Ооо! - воскликнула Марго с восторгом. - Он пришел! Вот и он, мама! Это Мауэйк!

- Кажется, мне сейчас будет плохо, - сказала Пру. Я внимательно смотрел на миссис Хэддок в тусклом мерцающем свете, но, как ни старался, не заметил ни единого следа эктоплазма или летающих трубок.

- Мауэйк говорит, - объявила миссис Хэддок, - что белой девушке не нужны больше проколы.

- Вот! - сказала Марго торжествующе.

- Белая девушка должна слушаться Мауэйка. Ей не нужно влияние неверующих.

Я услышал, как мама воинственно фыркнула в темноте.

- Мауэйк говорит, что, если белая девушка доверится ему до наступления двух лун, она будет здорова. Мауэйк говорит...

Но, что собирался сказать Мауэйк, мы так и не узнали, потому что в эту минуту кошка, которая разгуливала незамеченная по комнате, прыгнула на колени Пру. Раздался оглушительный крик. Пруденс вскочила на ноги и с отчаянным призывом «Лу, Лу, Лу!», как ослепленный светом мотылек, ощупью заблуждала по комнате вокруг сидящих людей, вскрикивая всякий раз, когда касалась чего-нибудь.

Кто-то догадался включить свет, прежде чем Пру в своей цыплячьей панике не причинила бы какого-нибудь вреда.

- Послушайте, не слишком ли это, а? - заметил вялый молодой человек.

- Вы могли нанести ей большой вред, - сказала девушка, глядя на Пру сверкающими глазами и обмахивая миссис Хэддок носовым платком.

- Меня что-то задело. Что-то коснулось, оказавшись у меня на коленях, - со слезами сказала Пру. - Эктоплазм.

- Ты все испортила, - рассердилась Марго, - как раз тогда, когда проходил Мауэйк.

- Мне кажется, мы достаточно слышали Мауэйка, - сказала мама. - Теперь самое время кончить валять дурака с этой чепухой.

Миссис Хэддок, которая невозмутимо похрапывала в течение всей сцены, вдруг проснулась.

- Чепухой? - повторила она, уставившись на маму своими выпуклыми глазами. - Вы смеете называть это чепухой?... Уаааха.

Это был один из крайне редких случаев, когда я видел маму по-настоящему рассерженной. Она выпрямилась во весь свой рост и рассвирепела.

- Шарлатанка! - бросила она в лицо миссис Хэддок. - Я сказала, что это чепуха, и повторяю: чепуха. Я не позволю, чтобы моя семья имела какое-нибудь отношение ко всякому вздору. Пойдем, Марго, пойдем, Джерри, пойдем, Пру. Мы уходим.

Нас так удивило проявление решительности обычно спокойной мамы, что мы кротко последовали за ней и вышли из комнаты, оставив разгневанную Хэддок в окружении нескольких ее учеников.

Едва мы очутились в безопасности своих комнат, Марго разразилась потоком слез.

- Ты все испортила, испортила, - говорила она, ломая руки. - Миссис Хэддок больше никогда не станет разговаривать с нами.

- И правильно сделает, - сказала мама непреклонно, наливая бренди дрожавшей и все еще не пришедшей в себя Пруденс.

- Хорошо ли вы провели время? - спросила проснувшаяся вдруг тетя Фэн, глядя на нас совиными глазами.

- Нет, - ответила мама резко. - Плохо.

- Я не могу отделаться от мысли об эктоплазме, - сказала Пру, судорожно глотая бренди. - Это похоже на... похоже... ну знаете, на что-то влажное.

- Как раз когда появился Мауэйк, - стонала Марго. - Когда он собирался сказать что-то важное.

- Хорошо, что рано вернулись, - продолжала тетя Фэн, - потому что даже в это время года вечерами холодно.

- Я уверена, что это искало мое горло, - сказала Пру, - хотело наброситься на горло. Это было похоже на... нечто вроде влажной руки.

- Только Мауэйк мог принести мне пользу.

- Мой отец всегда говорил, что в это время года погода неустойчивая, - сказала тетя Фэн.

- Марго, прекрати болтать глупости! - сердито сказала мама.

- Лу, дорогая, я просто чувствовала, как ужасные влажные пальцы нащупывали мое горло, - сказала Пру, не обращая внимания на стенания Марго, поглощенной расцвечиванием своих переживаний.

- Отец всегда брал с собой зонтик и зимой и летом, - говорила тетя Фэн. - Все смеялись над ним, но он считал, что даже в самые жаркие дни должен иметь зонтик при себе.

- Ты вечно все портишь, - хныкала Марго, - вечно вмешиваешься.

- Беда в том, что я недостаточно вмешиваюсь, - ответила мама. - Еще раз говорю, чтобы ты прекратила все эти глупости, перестань плакать, и мы сию же минуту едем обратно на Корфу.

- Если бы я не вскочила, - сказала Пру, - это впилось бы мне в вену.

- Отец всегда говорил, что нет ничего лучше, чем пара калош, - сказала тетя Фэн.

- Не поеду я на Корфу. Не поеду. Не поеду.

- Ты поступишь так, как тебе сказано.

- Это обвилось вокруг моего горла так ужасно.

- Он никогда не одобрял резиновых сапог, считал, что от них кровь приливает к голове.

Я перестал слушать. Все мое существо ликовало. Мы едем обратно на Корфу. Покидаем каменный, бездушный Лондон. Едем назад к чудесным оливковым рощам и синему морю, к теплу и смеху наших друзей, к долгим, золотистым, ласковым дням.

Часть вторая. Перама

Глава вторая. Крещение

Корфу лежит между албанскими и греческими берегами подобно длинному, изъеденному ржавчиной кривому турецкому ятагану. Там, где эфес ятагана, расположена гористая местность острова, большей частью бесплодная и каменистая, с высокими отвесными скалами, излюбленное место голубых каменных дроздов и соколов. Однако в долинах, где с красных и золотистых скал струятся потоки воды, вы найдете целые леса миндаля и грецкого ореха, отбрасывающих тень, прохладную, как родник, батальоны пирамидальных кипарисов и густые заросли фиговых деревьев с серебристой коркой и крупными, как поднос, листьями. Лезвием ятагана служат растущие уступами серебристо-зеленые раскидистые гигантские оливы – говорят, что некоторым из них не менее пятисот лет, – и каждая отличается своей особой изогнутой формой, а стволы их усеяны сотнями дыр наподобие пемзы. На конце лезвия вы найдете Лефкими с его ослепительно сверкающими дюнами и обширными соляными топями с зарослями бамбука, который скрипит, шуршит и тайно перешептывается друг с другом.

Возвратиться на Корфу – значило для меня возвратиться домой. Впервые мы приехали туда год или два назад и быстро устроились в светлом розовом доме с зелеными ставнями в форме кирпичиков. Он приютился в роще олив, спускаясь по склону холма к морю, и был окружен крошечным садиком, цветные клумбы которого выложены с геометрической точностью в викторианском духе, и весь садик обнесен высокой густой оградой из фуксий, где таинственно шелестели птицы.

Как ни роскошны были разные сады, которые я видел в Англии, они никогда не давали мне такого ассортимента живности. Я находился под очень странным впечатлением нереальности, словно родился впервые. В этом сияющем хрупком свете я мог в полную меру оценить красные крылышки божьей коровки, великолепный шоколадный и янтарный цвет ухвертки и темный блестящий агат муравьев. Затем моему взору представилось множество неизвестных доселе существ. Большие пушистые шмели-плотники, подобно голубым игрушечным медвежатам, с гудением перелетали с цветка на цветок; ярко-желтые в черную полосу бабочки-парусники в своих элегантных визитках совершали пируэты над оградой из фуксий, исполняя сложные па менуэта друг с другом; бабочки-колибри неподвижно висели в воздухе перед цветами, исследуя каждый цветок своим длинным тонким хоботком.

У меня не было сведений, даже простейших, об этих созданиях и не было книг, чтобы узнать о них. Я мог только наблюдать за ними, когда они хлопотали в саду, или ловить их, чтобы изучить более тщательно. Очень скоро моя спальня заполнилась множеством банок из-под варенья и жестянками из-под бисквитов, набитых трофеями, которые я находил в нашем маленьком садике. Все это приходилось проносить домой тайком, так как вся семья, разве что за исключением мамы, с тревогой смотрела на внедрение фауны в дом.

Каждый сверкающий день множил загадки о поведении насекомых, словно бы подчеркивал мою неосведомленность. Одним из созданий, которое особенно интриговало и раздражало меня, был навозный жук. Обычно я лежал на животе с Роджером, моей собакой, припавшей к земле рядом со мной подобно горе черных кудряшек, и наблюдал за двумя черными блестящими жуками, каждый с изящно изогнутым носорожьим рогом на голове. Они катали

между собой (с огромной самоотверженностью) чудесной формы шар из коровьего помета. Прежде всего мне хотелось узнать, как им удастся сделать совершенно круглый шар. По собственному опыту с глиной и пластилином я знал, как это трудно сделать, сколько бы вы ни терли и ни мяли материал, тогда как жуки, пользуясь только своими заостренными ногами как инструментом, без циркуля и другой помощи ухитрялись лепить очаровательные шарики навоза, круглые, как луна. Вторая загадка: зачем они делают эти шарики и куда их несут?

Я разрешил эту проблему или часть ее, посвятив однажды целое утро парочке навозных жуков и отказавшись от наблюдений за другими насекомыми в саду. Даже тихое тьяканье и зевота скучающего Роджера не могли отвлечь меня от этой задачи. Медленно, на четвереньках, я следовал за жуками фут за футом через сад, такой маленький для меня и такой обширный мир для них. Наконец они подползли к небольшому склону под оградой из фуксий. Катить шарик вверх по склону было им очень трудно, несколько раз нога то одного, то другого жука срывалась, и шарик скатывался к подножию. Тогда жуки спешили к нему и, как представлялось моему воображению, бранили друг друга за оплошность. Мало-помалу они все-таки втаскивали его наверх и затем направлялись вниз по противоположной стороне. У основания склона я впервые заметил круглое отверстие вроде колодца, уходившее в глубь земли; туда-то и направились жуки. Когда они были дюймах в двух от отверстия, один из жуков продвинулся вперед и попятился к отверстию, где и уселся, отчаянно работая передней ножкой, тогда как другой с большим усилием (я почти убедил себя, что слышу его тяжелое дыхание) подкатил шарик к краю ямки. Какое-то время они толкали и тянули его, пока он вместе с жуками не

скрылся под землей. Меня взяла досада. Ведь они, несомненно, собирались что-то сделать с навозным шариком, но если они делают это под землей, как я мог увидеть, что именно? Надеюсь пролить некоторый свет на эту проблему, я поставил ее перед родными, когда мы собрались за ленчем.

Что, спросил я, делают навозные жуки с навозом? На минуту воцарилась неожиданная тишина.

- Ну, я полагаю, они извлекают из него пользу, милый, - неопределенно сказала мама.

- Надеюсь, ты не собираешься тащить их в дом? - спросил Ларри. - Я отказываюсь жить в доме, где весь пол украшен навозными шариками.

- Нет, нет, милый, он этого не сделает, - миролюбиво сказала мама, но в ее тоне чувствовалось сомнение.

- Ну, мое дело было предупредить вас, не более, - сказал Ларри. - Кажется, в его спальне спрятаны все самые опасные насекомые из сада.

- Может быть, они нужны им для тепла, - произнес Лесли после некоторого раздумья. - Очень теплое вещество навоз. Ферменты.

- Не нужно ли нам обзавестись центральным отоплением? - спросил Ларри. - Пожалуй, я об этом подумаю.

- Может быть, они едят их, - сказала Марго.

- Марго, милая, - сказала мама, - только не за завтраком.

Как обычно, недостаток биологических знаний у моей семьи разочаровал меня.

- Что тебе нужно почитать, - заметил Ларри, рассеянно накладывая себе в тарелку еще жаркого, которое, как он только что втолковывал маме, было совсем невкусное. - Что тебе нужно почитать - это Фабра.

Я спросил, что такое или кто такой этот Фабр, скорее из вежливости, чем по другой причине, так как, поскольку совет исходил от Ларри, я был убежден, что Фабр мог оказаться каким-нибудь незаметным средневековым поэтом.

- Натуралист, - сказал Ларри с полным ртом, махнув вилкой в мою сторону. - Писал о насекомых и прочем. Постараюсь достать тебе книгу.

Пораженный таким неожиданным великодушием моего старшего брата, я был очень осторожен в течение следующих двух-трех дней, стараясь ничем не вызвать его гнева, но проходили дни, а книга не появлялась, и в конце концов я забыл о ней и занялся другими насекомыми в саду.

Но слово «почему» преследовало и обескураживало меня на каждом шагу. Почему шмель вырезает маленькие круглые кусочки из листьев розы и улетает с ними? Почему муравьи ведут себя так, будто они страстно влюблены в огромную массу тли, которой заражены многие растения в саду? Что это были за странные янтарного цвета насекомые или раковинки, которых я находил на стеблях травы и на оливковых деревьях? Они представляли собой пустую оболочку, хрупкую, как пепел, каких-то созданий с круглым телом, выпуклыми глазами и парой толстых колючих передних ног. Почему у этих раковин распорота спина? Может быть, на них напали и высосали из них все жизненные соки? Если так, то кто это сделал и кто они сами? Вопросы сыпались на меня как из рога изобилия, но никто из моего семейства не мог дать ответа.

Я был на кухне, когда утром несколько дней спустя прибыл Спиро и показал маме мое последнее приобретение: длинную, тонкую, цвета жженого сахара сороконожку, которая, как я утверждал, вопреки ее недоверию светилась по ночам белым светом. Спиро

ввалился в кухню весь в поту и по обыкновению со свирепым и озабоченным видом.

- Я принес вам почту, миссис Даррелл, - сказал он маме и затем взглянул на меня:

- Доброе утро, мастер Джерри.

Полагая по своей наивности, что Спиро разделяет мой восторг по поводу моего последнего приобретения, я протянул ему под нос банку из-под варенья и пригласил полюбоваться на нее. Он бросил быстрый взгляд на сороконожку, которая крутилась на дне банки, как часовой механизм, выронил почту на пол и быстро отступил за кухонный стол.

- Право, мастер Джерри, - сказал он хрипло, - что вы с ней делаете?

Озадаченный его реакцией, я объяснил, что это всего-навсего сороконожка.

- Эта тварь ядовитая, миссис Даррелл, - серьезно сказал Спиро маме. - Честное слово, мастер Джерри не должен возиться с такими вещами, как эта.

- Возможно, вы и правы, - сказала мама неуверенно. - Но ему все это так интересно. Вынеси ее, милый, чтобы Спиро не мог ее видеть.

- Держитесь подальше, - услышал я слова Спиро, когда выходил из кухни со своей драгоценной банкой. - Честное слово, миссис Даррелл, держитесь подальше от всего, что этот мальчик находит.

Мне удалось унести сороконожку в свою спальню, не встретив по пути никого из других членов семьи, и поместить ее в маленькую миску, украшенную мхом и кусочками коры. Я решил, что родня оценит мою находку - ведь сороконожка светилась в темноте, - и строил планы, как затею настоящий пиротехнический спектакль после обеда. Однако все мысли о фосфоресцирующей сороконожке улетучились из моей головы, так как среди прочего в почте оказался толстый

коричневый пакет, который Ларри перебросил мне, когда мы сидели за ленчем.

- Фабр, - сказал он кратко.

Забыв о еде, я разорвал пакет, и там внутри была толстая зеленая книга, озаглавленная «Священный жук и другие» Жана Анри Фабра. Открыв ее, я пришел в восторг, так как на фронтисписе была картинка с изображением двух навозных жуков, столь хорошо мне знакомых, словно это были близкие родственники моих собственных жуков. Жуки катили красивый круглый шарик из навоза. В восторге, смакуя каждую страницу, я медленно листал книгу. Текст был восхитительный. Это не была ученая заумная книга. Написана она была таким простым, ясным языком, что даже я мог понять его.

- Оставь книгу на попозже, милый, - сказала мама. - Ешь завтрак, пока он не остыл.

Нехотя я положил книгу на колени и набросился на еду с такой скоростью и свирепостью, что у меня потом полдня болел живот. Однако это нисколько не помешало мне зарыться в книгу Фабра. Пока семья отдыхала, я лежал в тени мандаринового дерева и пожирал страницу за страницей, и, когда наступило время чая, я - к моему огорчению - закончил книгу. Но моему восторгу не было предела. Теперь я был вооружен знаниями, я чувствовал, что знаю все, что нужно, о навозных жуках. Они более не были таинственными насекомыми, с трудом ползающими по оливковым рощам, они стали моими близкими друзьями.

К этому времени мой интерес к естественной истории расширило и подстегнуло еще одно обстоятельство - хотя не могу сказать, что я оценил это тогда, - встреча с моим первым репетитором Джорджем, другом Ларри. Джордж был высокий, худощавый молодой человек, с темной бородкой, в очках, обладающий неброским и сардоническим

чувством юмора. Одно утро в неделю он посвящал исключительно естественной истории. Это было единственное утро, когда я выходил ему навстречу. Я шел через оливковые рощи на полпути к его маленькому дому, и затем мы с Роджером скрывались в зарослях миртов и ждали его приближения. Вскоре появлялся Джордж. Все его одеяние составляли пара сандалий, выцветшие шорты и огромная рваная соломенная шляпа; под мышкой он нес связку книг, а свободной рукой размахивал длинной изящной тросточкой. Мы с Роджером сидели на корточках среди душистых миртов и держали пари друг с другом, станет ли Джордж и в это утро сражаться с оливковым деревом.

Джордж был искусный фехтовальщик, подтверждением чему служили многочисленные кубки и медали; неудивительно, что желание пофехтовать часто находило на него. Он размашисто шагал по тропинке, поблескивая очками и размахивая тростью, когда внезапно одно какое-нибудь оливковое дерево превращалось в злого противника, которому следовало преподать урок. Отбросив книги и шляпу, Джордж осторожно продвигался к дереву, его правая рука держала трость, превратившуюся теперь в шпагу, а левая была изящно откинута назад. Медленно, напрягая ноги, словно терьер, приближавшийся к мастифу, он обходил вокруг дерева, наблюдая прищуренными глазами за его первым недружелюбным движением. Внезапно он делал выпад, и конец трости исчезал в одном из отверстий на стволе оливы. Он произносил довольное «ха» и немедленно отступал назад, прежде чем дерево могло ответить ему тем же. Я заметил, что, если ему удавалось загнать свою шпагу в одно из маленьких отверстий в стволе оливы, это не означало смертельной раны, а только легкую царапину, которая, надо полагать, приводила его противника в ярость,

потому что через секунду он боролся так беспощадно, словно от этого зависела его жизнь, легко танцевал вокруг оливы, делая выпады и отступления, отскакивая в сторону, рубил сверху вниз шпагой, увертываясь от страшного выпада оливы, но так быстро, что я не успевал заметить движений. С некоторыми деревьями он справлялся совсем легко, нанося смертельный удар в большое дупло, где его шпага исчезала почти до эфеса, но иногда олива оказывалась достойным противником, и около четверти часа между ними шел бой не на жизнь, а на смерть. Лицо у Джорджа было суровое, и он пускал в ход все хитрые трюки, какие знал, чтобы пробить оборону гигантского дерева. Убив противника, Джордж тщательно вытирал кровь со шпаги, надевал шляпу, поднимал книги и, напевая про себя, продолжал свой путь вниз по тропинке. Я всегда давал ему пройти значительное расстояние, прежде чем присоединиться к нему, из опасения, как бы он не догадался, что я наблюдаю за его воображаемым сражением, и это смутило бы его.

Джордж познакомил меня с человеком, который сразу стал самой важной личностью в моей жизни: доктором Теодором Стефанидесом. Теодор – самый замечательный из всех людей, которых я когда-либо встречал (и тридцать три года спустя я по-прежнему держусь того же мнения). Со своими пепельными волосами и бородой, с прекрасными орлиными чертами лица Теодор был похож на греческого бога и, конечно, казался мне таким же всеведущим. Он был не только хорошим врачом, но также биологом, поэтом, писателем, переводчиком, астрономом и историком. А между этими многочисленными занятиями он еще находил время и помогал вести рентгеновский кабинет, единственный на Корфу. Побывав впервые в его квартире в городе, я спросил маму, можно ли мне пригласить его к нам на чай.

- Думаю, что да, милый, - ответила мама, - надеюсь, он говорит по-английски.

Сражение мамы с греческим языком окончилось неудачей. Только день назад она потратила целое утро, приготавливая какой-то особенно вкусный суп для ленча. Наконец, когда все было готово, с чувством удовлетворения она перелила суп в супницу и вручила служанке. Та вопрошающе посмотрела на нее, и тогда мама произнесла одно из немногих греческих слов, какие она могла припомнить. «Эксо, - сказала она твердо, махнув руками, - эксо». Затем она продолжала свою стряпню и повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как служанка выливала остатки супа в раковину. Это, естественно, вселило в маму страх перед собственными лингвистическими способностями.

Я с возмущением заявил, что Теодор превосходно говорит по-английски; если уж на то пошло, лучше, чем мы. Успокоенная этим, мама предложила написать Теодору записку и пригласить его в следующий четверг. Я провел два мучительных часа, бродя по саду в ожидании его приезда во власти самых ужасных чувств, и поминутно выглядывал сквозь ограду из фуксий. Что, если записка не дошла до него? Или, быть может, он положил ее в карман и забыл о ней и в этот самый момент слоняется где-то на южной оконечности острова в поисках знаний? А может быть, он наслышался о нашем семействе и просто не захочет прийти? Если так, я поклялся, что не прощу им этого. Но вскоре я увидел Теодора в изящном костюме из твида и в фетровой шляпе, аккуратно сидевшей на голове. Он шел среди олив, размахивая тростью и напевая про себя. Через плечо у него была перекинута сумка для коллекций, такая же неотъемлемая часть его самого, как руки и ноги.

К моей великой радости, Теодор сразу же и бесповоротно пришелся по душе моей родне. Ему

ничего не стоило с застенчивой учтивостью беседовать с Ларри о мифологии, греческой поэзии и истории Венеции; говорить с Лесли о баллистике и лучших охотничьих местах на острове; с Марго обсуждать диету для похудения и способы лечения прыщей; делиться с мамой деревенскими рецептами и рассказывать ей детективные истории. Вся семья вела себя так же, как и я, когда пришел к нему на чашку чая. Он оказался таким кладезем знаний, что все засыпали его вопросами, и Теодор непринужденно, как ходячая энциклопедия, отвечал на все из них, сдабривая их для полноты картины невероятно плохими каламбурами и веселыми анекдотами об острове и его жителях.

К моему негодованию, Ларри сказал, что Теодор не должен поощрять моего увлечения естественной историей, так как наш дом небольшой и уже забит до отказа всякими отвратительными жуками, каких я только мог поймать.

- Не это меня беспокоит, - сказала мама, - а беспорядок, в который он приводит себя. Право, Теодор, после прогулок с Роджером он должен менять всю одежду. Я не знаю, что он с нею делает.

Теодор весело хрюкнул.

- Я помню, как однажды, - сказал он, отправляя в рот кусок пирога и медленно жуя, при этом борода его приподнялась, а глаза светились радостью, - я пошел пить чай с некоторыми... э... знаете ли, моими друзьями здесь, в Пераме. В то время я служил в армии и очень гордился тем, что меня произвели в капитаны. Итак... э... вы знаете... э... чтобы похвалиться, я надел униформу, которая в числе прочего включала отлично начищенные сапоги со шпорами. В Пераму меня перевезли на пароме, и, когда я проходил через маленький болотистый участок, мне бросилось в глаза незнакомое растение. Я подошел ближе, чтобы сорвать его. Наступив на то... знаете ли... что казалось твердой

землей, я вдруг обнаружил, что погрузился под самые подмышки. К счастью, поблизости росло маленькое деревце, и я... э... сумел ухватиться за него и выбрался наверх. Но теперь я был покрыт от самой талии черной вонючей грязью. Море было... э... знаете ли... совсем близко, так что я... э... подумал, что лучше обмыться чистой морской водой, чем быть в грязи, поэтому я вошел в море и принялся ходить взад-вперед. Как раз в этот момент по дороге вверху проходил автобус, и, когда они увидели меня в фуражке и мундире, разгуливавшего в море, водитель остановился, чтобы все пассажиры могли... э... получше разглядеть меня. Все они были сильно удивлены, но удивились еще больше, когда я вышел из моря и они увидели на мне сапоги со шпорами.

Теодор торжественно ждал, когда успокоится смех.

- Я думаю, знаете ли, - сказал он с задумчивым видом и вполне серьезно, - что я подорвал их веру в здравомыслие армии.

С тех пор Теодор приходил к нам по крайней мере раз в неделю, а иногда и чаще, если мы могли отвлечь его от бесчисленных дел.

К этому времени у нас уже было много друзей среди крестьян, живших вокруг, и все они были столь гостеприимны, что даже короткая прогулка затягивалась на неопределенное время, так как в каждом домике, мимо которого мы проходили, нас непременно угощали стаканом вина или уговаривали отведать фруктов и побеседовать с хозяевами. В чем-то это было весьма полезно для нас, так как каждая такая встреча укрепляла наше довольно нетвердое владение греческим языком, и вскоре мы обнаружили, что в состоянии вполне умело вести довольно сложные беседы с нашими сельскими друзьями.

Затем произошло посвящение - акт, который доказал нам, что мы приняты всей общиной: нас

пригласили на свадьбу. Замуж выходила Катерина, сестра нашей служанки Марии, – пышная девушка с широкой сверкающей улыбкой и карими глазами, большими и мягкими, как анютины глазки. Веселая, дерзкая и певучая как соловей, она в свои двадцать лет разбивала сердца во всей округе. Теперь она остановила свой выбор на Стефаносе, крепком, красивом парне, который немел при одном взгляде на Катерину и краснел от любви.

Когда вас приглашают на свадьбу, как мы вскоре обнаружили, дело не ограничивается полумерами. Празднества начинаются с помолвки, когда вы приходите в дом невесты и приносите подарки, а она горячо благодарит вас и подносит вино. Угостив гостей, жених и невеста отправляются в свой будущий дом, возглавляемые деревенским оркестром (две скрипки, флейта и гитара), играющим веселые мелодии, и в сопровождении несущих подарки гостей. Подарки Катерины представляли собой довольно смешанную массу. Самой важной была огромная двуспальная латунная кровать – ее во главе процессии несли четыре друга Стефаноса. Вслед за ними тянулась цепочка гостей, несших простыни, наволочки, подушки, деревянный стул, сковородки, большие бутылки оливкового масла и прочие дары. Сложив подарки в новом доме, мы пили за здоровье четы и тем самым отмечали новоселье будущей семьи. Затем все, слегка опьяневшие, возвращались домой и ждали следующего акта спектакля, самой свадьбы.

Несколько неуверенно мы спросили, может ли Теодор присутствовать с нами на свадьбе. И невеста, и ее родители чрезвычайно этому обрадовались, потому что, как они объяснили с подкупающей искренностью, очень немногие свадьбы в округе могли похвастаться присутствием в качестве гостей английской семьи и настоящего доктора.

Великий день настал, и, надев свои лучшие наряды и прихватив из города Теодора, мы направились к дому родителей Катерины, стоявшему среди олив у самого сверкающего моря. Там должна была происходить церемония венчания. Когда мы прибыли туда, дом гудел как улей. Из отдаленных деревень на ослах приехали родственники. Вокруг дома группками сидели старики и дряхлые старухи, поглощая вино в изрядных количествах. Все непрерывно и оживленно болтали, словно сороки. Для них это был великий день – не только из-за свадьбы, но и потому, что, живя далеко друг от друга, они, возможно, впервые за двадцать лет получили возможность обменяться новостями и сплетнями. Деревенский оркестр был в ударе;

Жалобно плакали скрипки, брэнчала гитара, флейта периодически издавала жалобный писк, словно заброшенный щенок, и под эту музыку гости помоложе танцевали под деревьями, а неподалеку под огромной пламенеющей хризантемой из горячих углей на вертелах шипели и пузырились туши четырех ягнят.

– Ага! – сказал Теодор, его глаза засветились интересом. – Танец, который они исполняют, – это национальный танец Корфу. Он... э... и мотив возникли здесь, на Корфу. Конечно, найдутся люди, которые скажут, что этот танец – так сказать, его па – впервые появился на Крите, но что касается меня, то я считаю, что это... э... целиком детище Корфу.

Девушки в нарядных золотистых костюмах образовали красивый полукруг, перед ними скакал смуглый молодой человек с алым носовым платком. Он прыгал, крутился, наклонялся – ни дать ни взять цветистый петушок в окружении восхищенных курочек. Катерина в сопровождении всей семьи подошла к нам, чтобы приветствовать и провести на почетное место за шаткий дощатый стол, накрытый белой скатертью, за которым уже сидел величественный старый священник

- это ему предстояло провести церемонию венчания. Старец был огромных размеров в объёме, со снежно-белыми бровями, усами и бородой, столь пышными, что они закрывали все лицо, оставляя открытыми лишь два оливковых-черных озорных глаза и большой выступающий красный нос. Услышав, что Теодор врач, он по доброте душевной принялся живописать со всеми подробностями бесчисленные симптомы своих болезней (которые Господь счел нужным ниспослать на него) и под конец громко рассмеялся, услышав наивные рекомендации Теодора о том, что поменьше вина и побольше движения - и все его недуги как рукой снимет.

Ларри внимательно рассматривал Катерину, которая в белом подвенечном наряде присоединилась к кружку танцующих. В тугом белом атласе живот Катерины выступал рельефнее и заметнее, чем обычно.

- Эта свадьба, - сказал Ларри, - происходит не слишком рано.

- Потихонечку, милый, - прошептала мама. - Некоторые из них могут знать английский.

- Любопытно, - сказал Теодор, пропустив слова мамы мимо ушей, - что на многих свадьбах вы можете увидеть невесту... э... гм... в подобном положении. Крестьяне здесь придерживаются весьма устаревших взглядов. Если молодой человек... э... серьезно ухаживает за девушкой, ни одна семья ни на минуту не допустит, что он на ней не женится. Если он попробует... гм... знаете ли... ускользнуть, обе семьи, и его собственная, и невесты, удержат его. Поэтому, когда молодой человек... э... ухаживает, его поддразнивают, то есть подначивают, все окрестные парни, которые говорят, что они сомневаются в его... гм... доблести как... гм... возможного отца. Они ставят беднягу в такое положение, что он почти вынужден... э... знаете ли... гм... доказать обратное.

- Очень неумно, я бы сказала, - заметила мама.

- Нет, нет, - сказал Теодор, стараясь исправить мамин ненаучный подход к проблеме. - На самом деле беременность считается хорошим признаком для невесты. Это доказывает ее... гм... плодovitость.

Но вот священник поднял свой упитанный корпус на подагрические ноги и направился в главную комнату дома, приготовленную для церемонии. В это же время Стефаноса, сильно вспотевшего - костюм был маловат для него - и слегка ошеломленного своим счастьем, со смехом и шутками подталкивали к дому молодые парни, а группа пронзительно кричавших женщин то же проделывала с Катериной.

Главная комната была слишком мала, так что, когда грузная фигура священника втиснулась в нее и туда же препроводили все принадлежности его профессии, там едва нашлось место только для счастливой пары, чтобы стать перед ним. Остальные довольствовались заглядыванием в двери или в окна. Служба была невероятно длинной и для нас непонятной, хотя я слышал, как Теодор переводил отрывки для Ларри. Мне казалось, что обряд включает в себя совершенно ненужное количество речитативов, сопровождаемых бесчисленными осенениями креста и окроплением волнами святой воды. Но вот над головами Катерины и Стефаноса появились два маленьких цветочных венка, словно два парных ореола, и пока священник продолжал гудеть, их время от времени меняли местами. Поскольку люди, державшие венки, прибыли на церемонию уже давно, они от усталости иногда не правильно понимали указания священника, и над головами сочетаемой пары происходило, если можно так выразиться, столкновение венков. Наконец жених и невеста обменялись кольцами, их надели на загорелые, мозолистые от работы пальцы, и Катерина со

Стефаносом по-настоящему стали мужем и женой, как мы надеялись, на всю жизнь.

Во время церемонии тишина стояла почти полная, ее нарушало лишь случайное сонное кудахтанье курицы или пронзительный, тут же подавляемый крик ребенка, но когда торжественная часть церемонии была окончена, празднество расцвело с новой силой. Оркестр старался выдать весь свой репертуар и с каждым разом исполнял все более веселые и живые мелодии. Смех и рискованные шутки раздавались со всех сторон. Вино, булькая, лилось из бутылок, и гости, раскрасневшиеся и счастливые, кружились, и кружились, и кружились в танце, неутомимые, как стрелки часов на циферблате.

Веселье кончилось далеко за полночь. Гости постарше разъезжались по домам на понурых ослах. Костры с остатками бараньих туш угасали в пелене серого пепла, и только отдельные гранатовые угольки изредка вспыхивали в них. Мы выпили последний стакан вина с Катериной и Стефаносом и сонные направились через оливковые рощи, посеребренные луной, огромной и белой, как цветок магнолии. Сова печально перекликалась друг с другом, и отдельные светлячки мерцали на нашем пути изумрудно-зеленым светом. Теплый воздух пах дневным солнечным светом, росой и сотней ароматических листьев. Опьяневший и разомлевший от вина, проходя между большими изогнутыми оливами и полосатыми от прохладного лунного света стволами, я думал о том, что все мы наконец по-настоящему дома, что мы приняты островом. Под спокойным мягким светом луны мы чувствовали себя истинными жителями Корфу. Ночь была прекрасной, а завтра, мы знали, нас ожидает еще один тигрово-золотистый день. Казалось, Англии не было и в помине.

Глава третья. Бухта Среди Олив

Если от нашего дома спуститься через оливковые рощи вниз по холму и выйти на дорогу, покрытую толстым слоем белой, мягкой, как шелк, пыли, а потом пройти по ней еще немного, вы попадете на крутую козью тропку, сбегаящую сквозь заросли олив к маленькой бухточке в форме полумесяца. Бухта окаймлена белым песчаным пляжем и грудями сухих бурых водорослей, выброшенных сюда во время зимних штормов и теперь похожих на большие растрепанные гнезда птиц. С двух сторон в бухте поднимаются мелкие скалы, и там, среди скал, видимо-невидимо всякой морской живности.

Как только мой учитель Джордж понял, что ему не удастся овладеть моим вниманием, если он будет держать меня каждое утро в четырех стенах, он сделал новый шаг в педагогике и учредил «уроки под открытым небом». Песчаный пляж и косматые груды водорослей сразу превратились в знойные пустыни или непроходимые джунгли, где мы вели свои исследования, а неповоротливые крабы и мелкие рачки-бокоплавы исполняли у нас роль Кортеса или Марко Поло. Теперь уроки географии стали для меня необыкновенно привлекательными. Несколько позднее мы задумали выложить из камней карту мира, расположив ее вдоль самого берега, так что карта у нас была с настоящим морем. Работа эта растянулась надолго. Во-первых, не так-то легко было найти камень, похожий на Африку, Индию или Южную Америку. Иногда, чтобы получить желаемый континент, приходилось складывать вместе по два или по три камня. Во-вторых, разыскав нужный камень, мы обнаруживали под ним кучу всяких морских животных и

занимались ими добрых четверть часа, пока Джордж вдруг не спохватывался, сообразив наконец, что так мы с нашей картой мира далеко не продвинемся.

Этот заливчик стал одним из любимейших моих мест, куда мы с Роджером ходили каждый день в жаркие послеполуденные часы, когда в доме все отдыхали. Мы проходили через застывшие оливковые рощи, пронизанные звоном цикад, и брели по дороге. Роджер вздымал своими огромными лапищами белую пыль и все время сладострастно чихал, как от нюхательного табака. Добравшись до бухты, которая в это время была такой тихой и прозрачной, словно в ней и вовсе не было воды, мы купались на мелком месте, а затем каждый отправлялся по своим делам.

У Роджера они заключались в отчаянных и безуспешных попытках поймать шнырявших по мелководью рыбок. Уставившись в воду и наострив уши, он медленно крался за рыбками и что-то тихо ворчал про себя. Потом голова его вдруг исчезала под водой, слышался лязг сомкнувшихся челюстей, и вскоре он снова вытаскивал из воды голову, громко чихал и встряхивался, а бычок или морская собачка, за которой он охотился, успевала тем временем проскочить ярда на два вперед и, пристроившись у камня, оборачивала к нему свою надутую мордочку и кокетливо махала хвостом.

В этой крохотной бухте ютилось столько разнообразных животных, что я просто не знал, с чего начать свой сбор. Повсюду на камнях виднелись известково-белые ходы кольчатых червей, будто сложный извилистый узор из сахарной глазури на пироге, а в местах чуть поглубже из песка торчали прямо-таки обрубки миниатюрного шланга. Если постоять и понаблюдать внимательно, можно увидеть, как на концах шлангов появляется пучок нежных, пушистых, переливчато-синих, красных и бурых

щупалец. Это сидячие многощетинковые черви. Очень неблагозвучное, на мой взгляд, название для таких прекрасных созданий. Иногда они встречались небольшими скоплениями, напоминая цветочную клумбу, где все цветы непрестанно шевелились. Подходить к ним надо очень осторожно, так как при слишком быстром передвижении от ваших ног по воде разойдутся волны и уведомят их об опасности. Щупальца тогда сразу сцепятся вместе и с невероятной быстротой исчезнут в трубке.

Кое-где на песчаном дне бухточки чернели полумесяцы блестящих водорослей ламинарий – словно кто-то разбросал по песку боа из темных перьев. И там среди них можно было увидеть морскую иглу. Голова ее удивительно напоминает вытянутого морского конька, приставленного к длинному гибкому телу. Морские иглы держатся среди ламинарий в вертикальном положении и почти сливаются с ними, сразу их и не разглядишь.

Около берега у подножий скал можно разыскать маленьких крабиков или пурпурных актиний – настоящие подушечки для булавок, расшитые алым и голубым бисером. Встречаются там и другие актинии с нежной, кофейного цвета ножкой и длинными извивающимися щупальцами, которым позавидовала бы сама Медуза-горгона. Все камни были покрыты розовыми, белыми или зелеными кораллами и нежной порослью миниатюрных морских водорослей, среди них – изящная *Acetabularia mediterranea* с тонкими нитевидными стеблями. На конце каждого стебля красовался маленький зеленый зонтик, как бы вывернутый наизнанку каким-то подводным ветром. Иногда на скале виднелась большая черная губка с открытыми высокими устьицами, похожими на конусы вулканов. Такую губку неплохо оторвать от скалы и разрезать бритвой пополам, внутри у нее иногда можно

найти какое-нибудь интересное животное. Правда, в отместку губка зальет ваши руки слизью с отвратительным запахом чесночного перегара, который очень долго не проходит.

У берега и между скалами я собирал новые раковины для своей коллекции, и мне доставляла удовольствие не только красивая форма раковин, но и их необычайно выразительные названия. Я узнал, например, что остроконечная раковина, у которой один край вытянут наподобие полуперепончатых пальцев, называется «нога пеликана», а белая, почти круглая в основании коническая раковина, сходная по форме с улиткой-блюдечком, носила название «китайская шляпа».

Были там еще раковины «ковчег». Разъятые створки этой удивительной вроде сундучка раковины вполне можно сравнить (если у вас есть хоть капля воображения) с двумя маленькими ковчегками. Скрученная раковина «башня» заострена, как бивень нарвала, а раковина «волчок» расписана яркими зигзагами алого, черного и синего цвета. У подножия больших скал встречались блюдечки с названием «замочная скважина». На верхушке у этой раковины необычное, действительно в форме замочной скважины отверстие, через которое дышит ее обитатель. Но особенно радостно найти «морские ушки» – уплощенную слоисто-серую раковину с рядом отверстий на одной стороне. Если перевернуть эту раковину и вытащить из нее законного владельца, вам откроется вся ее внутренность, сияющая опаловыми и радужными красками невероятной красоты. В то время у меня еще не было аквариума, поэтому в одном уголке бухты я отгородил камнями заводь – футов восемь в длину и четыре в ширину, – где мог держать всю свою разнообразную добычу, почти не сомневаясь, что найду ее там и на следующий день.

Именно в этой бухточке мне удалось поймать своего первого краба-паука. Я бы наверняка прошел мимо него, вообразив, что это покрытый водорослями камень, если бы краб не сделал неосторожного движения. И по величине, и по форме тело его напоминало небольшую плоскую грушу с шипами на верхнем суженном конце и двумя выступами над глазами вроде рогов. Ноги и клешни у него были очень тонкие и длинные, но больше всего я удивился тому, что вся спина его и ноги были густо усеяны мелкими морскими водорослями, словно они росли у него из скорлупы. Меня очаровало это необыкновенное создание, я поднял его и торжественно понес в свою заводу. Держать его надо было очень крепко, так как он уже сообразил, что в нем распознали краба, и отчаянно пытался убежать, поэтому, когда мы добрались до заводи, почти все водоросли с него были посодраны.

Я посадил краба на мелком месте и, растянувшись на животе, стал следить сквозь прозрачную воду, что он будет делать дальше. Краб поднялся на своих высоких ногах, словно паук в погоне за жертвой, отбежал примерно на фут от того места, где я его посадил, и застыл как неживой. Так он просидел довольно долго, я уж даже решил, что он будет сидеть неподвижно всю первую половину дня и приходить в себя от пережитого потрясения, но краб вдруг вытянул тонкую, длинную клешню и очень деликатно, почти застенчиво, сорвал кусочек водоросли с ближайшего камня, поднес ко рту и стал жевать. Я думал, он ее ест, но это было вовсе не так. С угловатой грацией краб занес клешню за спину, осторожно нащупал местечко и прикрепил туда кусочек водоросли. Очевидно, он смочил основание водоросли слюной или каким-то сходным веществом, чтобы можно было прилепить ее к щитку. Я продолжал наблюдать за ним, а он медленно колесил по всей заводи и с самоотверженным усердием ученого-ботаника собирал

разнообразные водоросли. Уже примерно через час спина его прокрылась таким густым слоем растительности, что если бы я на минуту отвел глаза, а краб застыл бы на месте, мне не сразу удалось бы определить, где он находится.

Заинтригованный таким хитроумным камуфляжем, я тщательно обыскал весь залив, нашел еще одного краба-паука и отгородил для него особый маленький бассейн с песчаным дном, где не было и признаков водорослей. Когда я посадил туда краба, вид у него был вполне довольный. На следующий день я принес из дому щеточку для ногтей (хозяйном ее оказался Ларри) и, схватив несчастного краба, стал немилосердно скрести, пока ни на спине, ни на ногах у него не осталось и следа водорослей. Потом набросал в его запруду всякой всячины (раковинок волчков, кусочков коралла, миниатюрных актиний, мелких осколков бутылочного стекла, превращенных морем в невиданные драгоценности) и, присев рядом, стал наблюдать.

Несколько минут краб сидел не шелохнувшись – видно, приходил в себя после той унижительной чистки, какую я ему учинил. Затем, как бы не в состоянии до конца поверить в постигшую его злую участь, он поднял обе клешни над головой и очень осторожно потрогал спину. Наверно, вопреки всякой очевидности надеялся найти там хоть веточку водорослей. Он сделал несколько неуверенных шагов, остановился и с полчаса просидел в мрачном унынии, но потом все же преодолел свою подавленность и подошел к краю бассейна, пробуя протиснуться под темные камни ограды. Там он и остался сидеть, предаваясь грустным мыслям об исчезнувшей маскировке, а мне уж подоспело время возвращаться домой.

На следующее утро я пришел к заливу очень рано и, к своему восторгу, увидел, что в мое отсутствие краб

времени даром не терял. Стараясь не поддаваться отчаянию, он украсил свой панцирь всем тем добром, что я для него оставил. Вид у него стал очень потешный, точно он оделся для карнавала. На спине вперемежку с обломками коралла торчали расписные раковинки волчков, а ближе к голове была прикреплена актиния – прямо-таки шикарная шляпка с лентами. Я наблюдал, как краб ползет по песчаному дну, и думал, что теперь он стал слишком уж бросаться в глаза, но вот он подполз к облюбованному им местечку под скалой и, на мое удивление, превратился просто в кучку раковин и коралловых обломков с парочкой актиний на верхушке.

Слева от моей бухты, примерно на расстоянии четверти мили от берега, расположен остров Пондиконисси, или Мышиный остров, – по форме почти равнобедренный треугольник. Весь он зарос олеандрами и высокими старыми кипарисами, приютившими белую церквушку и маленький домик рядом с ней. Жил на острове вредящий старый монах в длинном черном одеянии и головном уборе наподобие цилиндра. Днем ему, очевидно, полагалось временами звонить в колокол в своей крохотной церквушке, а вечером он не торопясь отправлялся на лодке к видневшемуся невдалеке мысу, где стоял маленький монастырь и жили три древние монашки. Там он получал еду и чашку кофе, вел беседы (должно быть, о греховности современного мира), а когда заходящее солнце превращало тихие воды вокруг его острова в разноцветный шелковый муар, медленно плыл обратно сгорбившись, словно черный ворон, в своей скрипучей, подтекавшей лодке.

Как раз в те времена Марго, разочаровавшись в воздушных ваннах, решила испробовать другое целебное средство Матери Природы – морские купания. Каждое утро она поднималась около половины шестого,

вытаскивала меня из постели, и мы вдвоем шли к морю, окунались в прозрачную воду, все еще прохладную от лунного сияния, и потом не спешаплыли к Пондиконисси.

Марго сразу же растягивалась на солнышке, а я с увлечением копался в мелкой воде. К сожалению, визиты наши на остров очень не нравились монаху. Не успевала Марго опуститься на скалу и принять эффектную позу, как по каменным ступеням длинной, ведущей к церквушке лестницы уже топал монах, грозил ей кулаком и извергал из глубин своей большой, косматой бороды потоки непонятных греческих слов. Марго встречала монаха светлой улыбкой и дружески махала рукой, что приводило его в бешеную ярость. Рассекая воздух своим черным одеянием, он носился в разные стороны и дрожащим, замусоленным перстом указывал на небеса, а потом на Марго. Это повторялось изо дня в день, и, поскольку словарный запас монаха не был обширным, мне в конце концов удалось запомнить несколько его излюбленных выражений. Когда я потом спросил у своего друга Филемона, что они значат, тот покотился со смеху. От хохота он почти не мог говорить, но все же я наконец понял, что монах осыпал Марго бранными словами, и самое мягкое среди них было «белая ведьма».

Однако со временем все это превратилось просто в игру. Отправляясь теперь на остров, мы прихватывали для монаха несколько сигарет, а он, завидев нас, слетал вниз по каменным ступеням, потрясал кулаком и грозил божьей карой. Исполнив таким образом свой долг, монах поддергивал рясу, садился на каменную ограду и благодушно курил наши сигареты. Иногда он даже возвращался к церквушке, чтобы принести нам горсть инжиру со своего дерева или свежего, сочного миндаля, который мы кололи на берегу двумя гладкими камнями.

Между Пондиконисси и моим любимым заливом цепочкой тянулись рифы, некоторые размером не больше стола, но иные и с маленький садик. Почти все они были с плоской верхушкой и не доходили до поверхности моря лишь дюйма на два, так что, если залезть на них и стоять наверху, издали может показаться, будто вы ходите по воде. Мне уже давно хотелось исследовать рифы, потому что там водились морские животные, каких не встретишь в мелких водах залива. Однако тут я столкнулся с непреодолимыми трудностями, потому что не мог взять с собой необходимого снаряжения. Как-то я попытался доплыть к одному из рифов с двумя большими стеклянными банками на шее и с сачком в руке, но на полпути обе банки вдруг разом наполнились водой и потянули меня вниз. Прошло несколько секунд, прежде чем я сумел избавиться от них и вынырнуть на поверхность. Пока я отдувался и отплевывался, банки мои уже лежали в глубине вод, покачивались, поблескивали и были так же недоступны, как если б оказались на Луне.

Однажды в знойный день я возился в своей бухточке, разыскивая там под камнями длинных, разноцветных червей немертин, и так увлекся своим занятием, что не заметил, как подошла лодка. Только когда под носом лодки зашуршал песок, я оглянулся. На корме, опершись о весло (все рыбаки гребли там одним веслом, взмахивая им в воде наподобие рыбьего хвоста), стоял молодой парень, загоревший почти до черноты. У него были темные кудрявые волосы, блестящие глаза, черные, как тутовая ягода, и ослепительно белые зубы, сверкавшие на загорелом лице.

- Ясу, - сказал он, - будь здоров.

Я ответил на приветствие, глядя, как ловко парень выскочил из лодки с небольшим ржавым якорьком в руках и закрепил его на берегу позади широкой гряды

сухих водорослей. Потом он вернулся и по-приятельски сел рядом со мной, достав из кармана жестянку с табаком и папиросной бумагой. Одет он был только в драную фуфайку и штаны, бывшие когда-то синими, но теперь выгоревшие почти до белизны.

- Жарко сегодня, - поморщившись, сказал парень, а в это время его толстые загорбелые пальцы с необычайным проворством скрутили сигаретку.

Он прикурил от большой металлической зажигалки, глубоко затянулся и вздохнул, а потом, вздернув бровь, поглядел на меня своими ясными, как у малиновки, глазами.

- Ты не из тех иностранцев, что живут на том холме? - поинтересовался он.

К тому времени я уже вполне сносно говорил по-гречески и ответил ему, что да, мол, я из тех иностранцев.

- А другие? - спросил он. - Другие в доме, они кто? Я уже давно знал, что все жители Корфу, в особенности крестьяне, любят порасспрашивать вас обо всем, да и сами расскажут вам все подробности своей личной жизни. Я объяснил ему, что другие в доме - это моя мама, два брата и сестра. Он кивнул с серьезным видом, будто это были сведения исключительной важности.

- А твой отец? - продолжал он расспросы. - Где твой отец?

Я объяснил, что отец умер.

- Бедняга, - откликнулся он с живым сочувствием. - И твоя несчастная мать осталась с четырьмя детьми на руках!

Он горестно вздохнул от столь тяжелых мыслей, но потом успокоился и философски заметил:

- Такая уж она, жизнь. Ты что ищешь там под камнями?

Я постарался растолковать ему это получше, хотя мне всегда было трудно объяснить, почему меня так

интересуют все эти противные на вид и совсем несъедобные животные.

- Как тебя зовут? - спросил он.

Я объяснил, что в греческом языке моему имени Джеральд больше всего подходит Герасимос, но что друзья называют меня Джерри.

- А меня зовут Таки, - сказал он. - Таки Танатос. Я живу в Беницесе.

Я спросил, что же он тут делает, в такой дали от своей деревни.

- По пути из Беницеса, - сказал он, - я все время ловил рыбу. Сейчас я поем и посплю, а к ночи зажгу огонь и поплыву обратно. Снова буду ловить рыбу.

Это известие сильно взволновало меня. Совсем недавно мы возвращались поздно вечером из города и, остановившись на дороге перед своим холмом, видели, как внизу медленно проплыла лодка с большой дуговой лампой на носу. Рыбак не торопясь вел лодку по мелкой темной воде, и круг света от его лампы ярко освещал морское дно, а когда лодка проходила мимо рифов, они все вспыхивали желтыми, бурыми, розовыми и лимонно-зелеными красками. Я сразу понял, какое это чудесное занятие, только у меня еще не было знакомых рыбаков. Теперь я с восторгом поглядел на Таки и сразу спросил, в какое время он начнет рыбную ловлю и собирается ли огибать рифы между этой бухтой и островом Пондиконисси.

- Я отправляюсь в десять часов, - ответил он. - Обойду остров, потом поплыву домой.

Я спросил, не может ли он взять меня с собой. И пояснил, что на рифах водится множество интересных животных, которых без лодки я добыть не могу.

- Отчего же не взять? - ответил он. - Я буду ждать напротив Менелаоса. Приходи туда в десять. Обойдем рифы, и я снова высажу тебя у Менелаоса, а потом уж поплыву домой.

Я горячо заверил его, что в десять буду на берегу, потом свистнул Роджеру, схватил сачок и бутылки и поспешил убраться, пока Таки не передумал. Оказавшись на порядочном от него расстоянии, я замедлил шаг и стал напряженно думать, как бы уговорить своих домочадцев, и в особенности маму, отпустить меня в десять часов в море.

Маму, как известно, всегда беспокоило мое нежелание отдыхать в жаркую пору дня. Я объяснял ей, что это самое лучшее время для насекомых и подобной живности, только мама не считала это веским доводом. А по вечерам, как раз в то время, когда происходило что-нибудь особенно интересное (например, словесная перепалка между Ларри и Лесли), мама сердито ворчала:

- Пора в постель, милый. Не забывай, что днем ты совсем не спал.

Я понимал, что именно это обстоятельство может стать препятствием для моей ночной рыбной ловли. Сейчас еще только три часа, и, конечно, в эту пору все в доме спят без задних ног за закрытыми ставнями. Лишь к половине шестого они начнут просыпаться и загудят, как сонные мухи.

Я что есть духу помчался к дому, а ярдах в ста от него на минуту остановился, снял рубашку и старательно обернул ею банки, чтобы не выдать себя ни стуком, ни звоном, а Роджеру наказал молчать под страхом смерти. Мы осторожно прокрались в дом и, словно тени, скользнули в мою спальню. Роджер, затаив дыхание, уселся посреди комнаты и с заметным удивлением стал следить, как я раздеваюсь и ложусь в постель. У него вовсе не было уверенности, что такое поведение можно одобрить. Ведь впереди у нас, думал он, еще целых полдня чудеснейших приключений, а я вдруг собрался спать. Пес попробовал было заскулить, но я так свирепо цыкнул на него, что он, поджав

обрубок хвоста, залез под кровать и улегся там с печальным вздохом. Я взял книжку и попытался читать. Комната с закрытыми ставнями превратилась как бы в прохладный зеленый аквариум; на самом же деле воздух в ней был горячий и душный, и по моим ребрам струйками стекал пот. Я ворочался на взмокшей уже простыне и удивлялся: что уж такого хорошего находят люди в этом послеполуденном сне? Какой им от него прок? Мне было неясно, как они вообще могут уснуть. И именно в этот момент я мигом погрузился в сон.

Проснулся я в половине шестого и заспанный вышел на веранду, где все уже пили чай.

- Боже мой! - воскликнула мама. - Неужели ты спал?

Я сказал, как бы между прочим, что сегодня мне было полезно отдохнуть.

- Может, ты нездоров, милый? - забеспокоилась мама. Я ответил, что совсем здоров, а отдыхать решил потому, чтобы сберечь к вечеру силы.

- А что случилось, милый? - спросила мама. Стараясь держаться со всей возможной для меня небрежностью, я сказал, что отправляюсь в десять часов в море с одним рыбаком, который берет меня с собой на ночной лов. Потом объяснил, что некоторые животные выходят только ночью и это самый лучший способ добыть их.

- Надеюсь, - угрожающе произнес Ларри, - это не означает, что у нас в доме на пол начнут шлепаться спруты и морские угри. Ты лучше не пускай его, мама, а то не успеешь опомниться, как весь дом и по виду, и по запаху станет похож на рыбные ряды.

Я в запальчивости ответил, что вовсе не собираюсь тащить животных в дом, я посажу их прямо в свой специальный бассейн в заливчике.

- Десять часов - это очень поздно, милый, - сказала мама. - Когда же ты вернешься?

Я отважно солгал, что рассчитываю вернуться к одиннадцати.

- Ладно, оденься только потеплее, - сказала мама. Она всегда думала, что если на мне не будет шерстяной фуфайки, то, несмотря на тихие, теплые ночи, я обязательно схвачу двустороннее воспаление легких.

Честно пообещав тепло одеться, я допил чай и потом около часа проверял и осматривал снаряжение. С собой я брал сачок с длинной ручкой, большую бамбуковую палку с тремя проволочными крюками на конце, чтобы подтягивать к себе для осмотра скопления морских водорослей, восемь стеклянных банок с широким горлом и несколько коробочек и жестянок для ракушек и крабов. Удостоверившись, что мамы поблизости нет, я надел под шорты купальные трусики, а на дне коллекционной сумки спрятал полотенце. Ведь за некоторыми образцами мне наверняка придется нырять. Если б мама знала, что я собираюсь прыгать в воду, ее страх перед двусторонним воспалением стал бы в сто раз сильнее.

Без четверти десять я закинул за спину сумку и с фонариком пошел через оливковые рощи. На звездном небе виднелся бледный, тусклый серпик луны, почти не дававший света. В темноте среди олив мерцали изумрудные огоньки светлячков и было слышно, как окликают друг друга совы - тоинк, тоинк!

Когда я подошел к берегу, Таки сидел в лодке и курил. Он уже зажег на носу лампу. Она отбрасывала в воду круг яркого света и сердито шипела, распространяя сильный запах чеснока. Я сразу заметил, как много живности привлекал ее свет. Из своих норок выплыли бычки и морские собачки, расположились на покрывших камни водорослях и, поглывая воду, сидели там с надутыми мордочками - совсем как публика в театре, ждущая поднятия занавеса. Кругом сновали береговые крабы, на каждом шагу они

останавливались и, деликатно отщипнув кусочек водоросли, затискивали ее в рот. То и дело появлялись раковины волчков, их таскали на себе маленькие, сердитые на вид раки-отшельники, сменившие законных владельцев.

Я положил свое снаряжение на дно лодки и со вздохом удовлетворения сам забрался в нее. Таки оттолкнулся от берега, взял одно весло и, действуя им как шестом, повел лодку через мелководье по скоплениям бурых водорослей, которые тихо шуршали, задевая борта лодки. На глубоком месте он приладил оба весла и стал грести. Двигались мы очень медленно, Таки не отрывал глаз от светлого нимба, озарявшего морское дно футов на двенадцать в разные стороны, и что-то напевал про себя. Ритмично поскрипывали уключины. У одного борта лежал восьмифутовый шест с пятью устрашающими зубьями на конце. На носу я заметил бутылочку с оливковым маслом – непременною часть снаряжения рыбака. При легком ветре, когда на воде появляется рябь, стоит только побрызгать из бутылочки, и взбаламученная поверхность моря чудесным образом успокаивается. Мы медленно подбирались к черному треугольнику Пондиконисси, туда, где были рифы, и, когда подошли к ним, Таки на минуту перестал грести и сказал:

– Сначала мы поколесим тут немного, пока я не поймаю что-нибудь, а потом уж высаживайся на рифах и лови что хочешь.

Я охотно согласился. Мне очень хотелось посмотреть, как Таки будет действовать своей огромной острогой. Лодка медленно стала огибать самый большой риф. Свет озарял удивительные подводные скалы, покрытые розовыми и багряными водорослями, похожими на пушистые дубы. Склонившись над водой, я вообразил себя птицей,

парящей на распахнутых крыльях над пестрым осенним лесом.

Вдруг Таки перестал грести и осторожно погрузил весла в воду, чтобы затормозить ход. Лодка была уже почти неподвижной, когда он взялся за острогу.

- Гляди, - сказал он, показывая на песчаное дно под нависшей подводной скалой. - Скорпиос.

Сначала я ничего не увидел, но потом понял, куда он показывает. Там, на песке, лежала рыба фута два в длину. На спине у нее поднимался целый лес острых колючек наподобие гребня дракона, по песку распластались огромные плавники. Голова у рыбы была необычайно широкая, с золотыми глазами и сердитым, надутым ртом. Но больше всего меня поразила ее расцветка. Рыба была окрашена в красные тона - от алого до винного - и усеяна белыми точками и пятнами. Вид у этой яркой красоти, лежавшей на песке, был очень самоуверенный и очень опасный.

- У нее вкусное мясо, - прошептал, к моему удивлению, Таки, потому что рыба казалась мне исключительно ядовитой.

Таки осторожно опустил острогу в воду и постепенно, дюйм за дюймом, стал подводить к рыбе зубцы с зазубринами. Все было тихо, слышалось только сердитое шипение лампы. Острога медленно приближалась к рыбе. Я затаил дыхание. Эта крупная, златоглазая рыба, думал я, уж наверняка заметит свой надвигающийся рок. Взмахнет вдруг хвостом, поднимет вихрь песка - и поминай как звали. Но нет, она все еще лежит там и с важным видом поглатывает воду. Когда зубцы были уже в футах от нее, Таки остановился. Я видел, как его рука, сжимавшая острогу, чуть переменяла положение. Какую-то секунду, хотя мне она показалась вечностью, он стоял не шелохнувшись и вдруг с такой быстротой, что я попросту не увидел этого движения, всадил все пять зубьев прямо в

затылок большой рыбьей головы. Взметнулось облако песка и крови, и рыба закрутилась и задержалась на зубьях. Она так взвивалась, что колючки на ее спине втыкались в острогу. Но вырваться ей было невозможно: Таки слишком ловко нанес свой удар. Быстро перебирая руками он вытащил из воды шест, и рыба, переброшенная через борт, забилась на дне лодки. Я подошел ближе, чтобы помочь Таки снять ее с зубьев, но он резко оттолкнул меня назад.

– Осторожно, – сказал он. – Скорпиос опасная рыба.

Я смотрел, как он лопастью весла снимает рыбу с остроги, и, хотя ей, по существу, уже полагалось быть мертвой, она все еще извивалась и билась и норовила вонзить в борт лодки свои острые спинные колючки.

– Гляди, гляди, – сказал Таки. – Понимаешь теперь, почему мы называем ее скорпиос? Если бы ей удалось вонзить в тебя эти колючки, святой Спиридион, какая бы это была боль! Тебе пришлось бы немедленно идти в больницу.

Ловко действуя веслом и острогой, Таки поднял скорпену в воздух и швырнул в пустую банку из-под керосина, где она никому не могла причинить вреда. Я спросил, почему ее считают вкусной, если она такая ядовитая.

– А-а, – произнес Таки, – это только ее колючки. Их срезают, а мясо у нее сладкое как мед. Я тебе ее отдам, когда будешь уходить домой.

Он снова взялся за весла, и лодка, поскрипывая, заскользила вдоль рифа. Через некоторое время Таки опять остановился. Дно в этом месте было песчаное, лишь кое-где зеленели пучки молодых водорослей. Он вновь замедлил ход лодки и взялся за острогу.

– Гляди, – сказал он. – Осьминог.

От волнения у меня захватило дух, потому что до сих пор я видел только мертвых осьминогов, которых продавали в городе, и был уверен, что они совсем не

похожи на живых. Но как я ни таращил глаза, песчаное дно казалось совсем безжизненным.

- Вон там, там, - показывал Таки, осторожно опуская острогу в воду. - Не видишь? У тебя что, глаза на затылке? Ну вот, смотри, я почти касаюсь его.

Но я все еще ничего не видел. Таки опустил острогу еще на фут.

- Ну, теперь видишь, дурачок? - засмеялся он. - Как раз под зубьями.

И вдруг я увидел. Я и раньше смотрел туда, но осьминог был такой серый и так сливался с песком, что отличить его от морского дна было почти невозможно. Он лежал на песке, окруженный щупальцами, из-под его лысой куполообразной головы на нас смотрели жутко человеческие, несчастные глаза.

- Большой, - сказал Таки.

Он слегка передвинул пальцы, сжимавшие острогу, но движение было неосторожным. Осьминог мгновенно сменил свою тусклую, песочно-серую окраску на яркую, зеленую, с изумительными переливами, выпустил из сифона струю воды и под ее прикрытием бросился сквозь тучи песка наутек. Он несся по воде с откинутыми назад щупальцами, напоминая летящий аэростат.

- А, гаммото! - воскликнул Таки.

Он бросил острогу, схватился за весла и быстро последовал за осьминогом. Осьминог, по-видимому, трогательно верил в свой камуфляж, так как футов через тридцать снова опустился на дно.

Таки опять подвел к нему лодку и стал опускать острогу в воду. На этот раз он действовал осторожнее. Когда зубья были всего в футе от куполообразной головы осьминога, Таки крепче сжал в руке острогу и направил ее в цель. Закружился облаком серебряный песок, задергались, заколотились щупальца, обвилась вокруг остроги. Из тела осьминога вылетела струя

чернильной жидкости, заколыхалась черным кружевным занавесом и, как дым, поползла над песком. Таки теперь смеялся от радости. Он быстро вытащил острогу наверх, и, когда переваливал осьминога в лодку, два щупальца присосались к борту. Таки сделал резкий рывок, и щупальца отстали с таким звуком, будто отдирался липкий пластырь, только в тысячу раз громче. Ухватившись за круглое скользкое тело осьминога, Таки ловко снял его с зубьев, а потом, к моему изумлению, подхватил эту корчившуюся голову медузы и приставил к своему лицу. Щупальца обвили вокруг его лба, шеи, щек, и присоски оставляли белые следы на смуглой коже. Старательно выбрав местечко, Таки вдруг впился зубами в самую сердцевину осьминога, мотнул головой и хрустнул зубами, будто терьер, переломивший крысиный позвоночник. Очевидно, он перекусил какой-то жизненно важный нервный узел, потому что щупальца сразу оторвались от его головы и повисли как плети. Только у самых кончиков они еще чуть дергались и извивались. Таки бросил осьминога туда же, где лежала скорпена, сплюнул за борт и, зачерпнув в сложенные ладони морской воды, прополоскал рот.

- Ты принес мне удачу, - сказал он с улыбкой и вытер губы. - Не каждую ночь мне попадается и осьминог, и скорпиос.

Но, видно, удача Таки на этом и оборвалась. Сколько мы потом ни объезжали вокруг рифа, нам больше ничего не удалось поймать. В одном месте мы видели голову мурены, высунувшуюся из отверстия в рифе, - злющая на вид голова размером с голову небольшой собаки. Но когда Таки опустил в воду острогу, мурена спокойно, с большим достоинством и мягкой грацией скрылась в глубинах рифа. Больше мы ее не видели. Лично меня это только обрадовало, так как мурена была, вероятно, не меньше шести футов в длину, а

схватиться в едва освещенной лодке с шестифутовой муреной было таким испытанием, что даже я, страстный натуралист, мог вполне без него обойтись.

- Ну что ж, - философски заметил Таки. - Поедем теперь за твоей добычей.

Он подвез меня к самому большому рифу и со всем снаряжением высадил на его плоскую верхушку. Вооружившись сачком, я бродил вдоль краев рифа, а Таки вел лодку футах в шести позади и освещал эту затаенную красоту. Там было столько разнообразных животных, что я не надеялся поймать их всех.

Были там хрупкие, золотисто-алые морские собачки и какие-то крохотные, размером с половину спички, ярко-красные рыбки с большими черными глазами и еще одни такого же размера - серо-голубые вперемежку с лазурью. Кроваво-красные и ломкие офиуры, или змеехвостки, с их тонкими, длинными, колючими лучами, которые беспрерывно то скручивались, то раскручивались. Захватывать их сачком надо очень осторожно, малейший толчок - и они с отчаянной щедростью расшвыривают все свои лучи.

Были там улитки-туфельки; если их перевернуть, то с обратной стороны на одной половине увидишь отчетливый выступ, так что вся раковина действительно похожа на разношенную домашнюю туфлю для подагрической ноги. Были там еще раковины ципреи, одни белоснежные, слегка ребристые, другие бледно-кремовые, густо усеянные багряно-черными точками. По расщелинам скал, как огромные мокрицы, торчали раковины хитонов длиной около двух с половиной дюймов. В одном месте я заметил маленькую каракатицу размером со спичечный коробок и чуть не свалился с рифа, пытаясь поймать ее. К моему величайшему огорчению, ей удалось удрать. Уже через полчаса я обнаружил, что все мои банки, склянки и

коробки набиты до отказа, и мне волей-неволей пришлось сворачиваться.

Таки в очень веселом расположении духа доставил меня к моей любимой бухте и стал с интересом наблюдать, как я осторожно вынимаю свои образцы и пересаживаю их в заводь. Потом мы поехали к пристани у Менелаоса. Когда я вышел из лодки, Таки взял веревочку, продел ее сквозь жабры теперь уж мертвой скорпены и вручил мне.

- Передай своей маме, - сказал он, - что ее надо готовить с красным перцем и оливковым маслом и есть с картошкой и молодыми кабачками. Это очень вкусно.

Я поблагодарил его за рыбу и за то, что он так долго возился со мной.

- Порыбачим еще разок, - сказал он. - Я буду здесь через неделю. В среду или четверг. Дам тебе знать, когда приеду.

Я поблагодарил и сказал, что буду ждать с нетерпением. Таки оттолкнул лодку от берега и с шестом в руках повел ее через мелкие места, направляясь к Беницесу.

Вслед ему я крикнул: «Будь счастлив!»

Я повернулся и устало побрел вверх по холму. К моему ужасу, оказалось, что уже половина третьего ночи. У мамы теперь, конечно, нет никаких сомнений, что я утонул, попал в пасть акулы или со мной случилось что-нибудь не менее страшное. Однако я надеялся задобрить ее скорпеной.

Глава четвертая. Миртовые чащи

Примерно в полумиле от нашего дома, с северной стороны, оливковые рощи редуют, и их сменяет плоская котловина площадью акров в пятьдесят-шестьдесят. Оливковых деревьев здесь нет, кругом раскинулись только заросли миртов с сухими, каменистыми прогалинами, где красуются необыкновенные канделябры чертополоха, сияющие яркими голубыми огнями, и большие чешуйчатые луковицы морского лука.

Это было мое любимое место охоты, так как здесь обитало множество замечательных животных. Мы с Роджером устраивались в пахучей тени миртовых кустов и наблюдали, как мимо нас проносится масса разнообразных насекомых. В определенное время дня среди миртовых ветвей царило такое же оживление, как на главной улице города.

В миртовых чащах было полно богомол, крупных, дюйма в три, с ярко-зелеными крыльями. Они раскачивались среди ветвей на своих тонких ногах, подняв в притворной молитве переднюю пару ног, оснащенных страшными коготками. Их заостренные личики с выпуклыми, соломенного цвета глазами вертелись то в одну, то в другую сторону, ничего не пропуская. Если белая капустница или перламутровка опускалась на глянцевый листок мирта, богомол приближался к ней с большой осторожностью, двигаясь почти незаметно. Он то и дело останавливался, чтобы покачаться на ногах и тем самым заставить бабочку поверить, будто это всего лишь взъерошенный ветром листок.

Однажды я видел, как богомол подкрался и напал на большого махаона, который, пошевеливая крыльями,

грелся на солнышке и в задумчивости о чем-то мечтал. Однако в последнюю минуту богомол оступился и вместо того, чтобы схватить махаона за тело, как он собирался сделать, вцепился ему в крыло. Вздрогнув, махаон вышел из транса и взмахнул крыльями с такой силой, что передняя часть богомола приподнялась над листвой. Еще несколько сильных взмахов, и, к досаде богомола, махаон, припадая на один бок, улетел с оборванным крылом. С философским спокойствием богомол уселся на лист и стал уничтожать кусок крыла, оставшийся у него в коготках.

Под камнями среди чертополоха ютилось поразительное множество всевозможных тварей, хотя земля в этом месте, выжженная солнцем, была сама как камень и такая горячая, что на ней можно было жарить яичницу. Здесь водились зверюги, от которых меня всегда пробирала дрожь. Это были плоские многоножки около двух дюймов в длину, с густой бахромой очень длинных тонких ног с обеих сторон. Многоножки были такие плоские, что сумели бы проникнуть в самую незначительную щель, и двигались с огромной скоростью, скорее скользили по земле, чем бежали, – так катится плоский камешек по льду. Полатыни они называются *Scutigeridae* «*Scutigeridae* (лат.) – многоножки плоские.», и я не представляю себе более подходящего названия для этих созданий, которые так противно передвигаются.

В разных местах среди камней можно было увидеть пробуранные в твердой земле отверстия, каждое размером с монету в полкроны или побольше. Внутри они обтянуты шелковой паутиной, а над входом паутина расстилается кольцом в три дюйма. Это норы тарантулов, огромных жирных пауков шоколадного цвета в рыжих крапинках. С раскинутыми ногами они занимают пространство, равное, пожалуй, величине кофейного блюдца, а тело у них – с половинку

небольшого грецкого ореха. Это очень сильные, быстрые и безжалостные охотники, удивительные по своей злой смышленности. Охотятся тарантулы в основном ночью, но иногда и в дневное время можно увидеть, как они торопливо шагают среди чертополоха на своих длинных ногах и выискивают жертву. Обычно при виде человека они удирают и скрываются среди миртов, но однажды я видел паука, который так увлекся охотой, что подпустил меня совсем близко.

Он сидел на стебле голубого чертополоха футах в шести или семи от своей норы, шевелил передними ногами и внимательно оглядывал все вокруг, напоминая охотника, который вскарабкался на дерево, чтоб посмотреть, нет ли поблизости дичи. Так продолжалось минут пять. Затем паук слез с чертополоха и с решительным видом устремился куда-то, словно высмотрел для себя добычу со своей наблюдательной вышки. Оглядевшись, я нигде не заметил никаких признаков жизни. К тому же я вовсе не был уверен, что у тарантула может быть такое острое зрение. Однако шагал он очень уверенно и вскоре оказался у зарослей коикса (или слез Иова), красивого дрожащего злака, у которого головки с семенами напоминают плетеные батончики хлеба. Подойдя ближе, я вдруг сообразил, за какой дичью охотится тарантул. Поя нежными метелочками светлой травы виднелось гнездо жаворонка и в нем четыре яйца. Из одного яйца только что вылупился розовый, пушистый птенчик, который все еще барахтался в обломках скорлупы.

Прежде чем я успел сделать что-нибудь разумное для спасения птенчика, тарантул перешагнул через край гнезда. Секунду помедлив, это страшное чудовище быстро притянуло к себе дрожавшего малыша и запустило ему в спину свои длинные изогнутые жвалы. Птенчик раза два чуть слышно пискнул и, широко раскрыв рот, задержался в волосатых объятиях паука.

Скоро подействовал яд. Малыш на мгновение застыл и потом, обмякнув, безжизненно поник. Паук сидел неподвижно, пока не убедился, что яд сделал свое дело. Тоща он повернулся и зашагал прочь, сжимая в своих челюстях болтавшегося птенца. Он напоминал длинноногую собаку со своей первой в сезоне куропаткой в зубах. Нище не останавливаясь, тарантул быстро добрался до своей норы и исчез там вместе со слабеньким, жалким тельцем птенчика.

Меня эта встреча поразила по двум причинам: во-первых, я даже не представлял, что тарантул может справиться с таким крупным живым существом, как птенец, во-вторых, мне было непонятно, откуда он знал, что в траве есть гнездо. А он, несомненно, это знал, так как без колебания шел прямо к нему. От чертополоха до гнезда было около тридцати пяти футов (как я определил шагами); с такого расстояния, думалось мне, ни один паук не сумеет увидеть так хорошо замаскированное гнездо и птенца в нем. Оставался только запах, но и тут (хотя я и знал о способности животных улавливать тончайшие запахи, недоступные нашим грубым ноздрям) надо было обладать сверхъестественным обонянием, чтобы в такой безветренный день учуять на расстоянии тридцати пяти футов птенца жаворонка. Я мог придумать только одно объяснение: паук обнаружил это гнездо во время своих прежних прогулок и потом время от времени проверял, не появился ли там птенец. Однако такое объяснение меня не удовлетворяло. Ведь я наделял паука способностью мыслить, а этой способностью он, конечно, не обладал. Даже мой оракул Теодор не смог удовлетворительно разрешить эту загадку. Я же знаю только одно: несчастной паре жаворонков в тот год не удалось вырастить ни единого птенца.

Из других обитателей миртовой чаши мое воображение особенно занимали личинки муравьиного

льва. Взрослые муравьиные львы бывают разной величины и почти всегда отличаются довольно серой расцветкой. Они похожи на свихнувшихся, растрепанных стрекоз. Крылья у них вроде бы совсем не пропорциональны телу, и при полете муравьиные львы отчаянно колотят ими воздух, словно им приходится прилагать огромные усилия, чтобы не хлопнуться наземь. Это очень добродушные, ленивые создания, не способные никого обидеть, чего не скажешь об их личинках. Так же как хищная личинка стрекозы в пруду, действует и личинка муравьиного льва на сухих песчаных участках среди миртовых кустов. На присутствие этих личинок указывают лишь необычные конические ямки в тех местах, где почва достаточно мелкозернистая и мягкая для рытья. Когда мне первый раз встретились такие воронки, я даже представить себе не мог, кто их нарыл. Может, это мыши раскапывали тут какие-нибудь корешки? Я и не знал, что у основания каждой воронки, зарывшись в песок, сидит архитектор, всегда наготове, всегда начеку, опасный, как скрытый капкан. Потом я увидел одну из этих воронок в действии и впервые понял, что это не только жилье личинки, но и гигантская ловушка.

Вот суетливо пробегает какой-то муравей (мне неизменно представлялось, что, бегая по своим делам, муравьи всегда напевают про себя), это может оказаться мелкий черный хлопотливый муравей или же один из тех крупных красных одиночных муравьев, которые шныряют кругом, обратив к небу, как зенитное орудие, свое красное брюшко. Но какого бы вида ни был муравей, стоит ему только переступить через край одной из этих ямок, и он сразу же почувствует, что ее склоны движутся, он сам соскальзывает вниз, к основанию воронки. Муравей повернет обратно и попробует выкарабкаться из ямки, но земля или песок под его ногами начнет сползать вниз маленькими

лавинами. Когда одна из лавин достигает основания воронки, это служит для личинки сигналом, что пора начинать действия. И тут на муравья скорым пулеметным огнем обрушивается песок или земля, которую личинка с поразительным проворством выбрасывает головой со дна ямки. На неустойчивом склоне под непрерывным обстрелом муравей теряет точку опоры и позорно катится на дно. Из песка мгновенно высывается голова личинки, плоская, похожая на муравьиную, с парой огромных, изогнутых наподобие серпов челюстей. Они вонзаются в тело несчастного, и личинка снова скрывается под песком, унося отбивающегося муравья в его могилу. Так как я считал, что личинки муравьиного льва одерживают нечестную победу над простодушными и довольно серьезными муравьями, я без сожаления выкапывал их из ямок, относил домой и держал в маленьких марлевых клетках, пока они не превращались во взрослых муравьиных львов. Если это были новые для меня виды, я присоединял их к своей коллекции.

Как-то нас с Роджером захватила одна из тех бурных гроз, когда небо становится иссиня-черным и молнии покрывают его густой серебряной филигранью. Вскоре начался дождь. Он сыпался крупными, тяжелыми каплями, теплыми, как парное молоко. Когда гроза отошла, промытое небо засияло чистой голубизной, словно яйцо завирушки. От влажной земли поднимались удивительно пряные, почти гастрономические запахи – яблочного пирога или кекса, а подсыхающие на солнце стволы олив дымились, будто охваченные огнем.

Мы с Роджером любили эти летние грозы. Хорошо было шлепать по лужам и чувствовать, как твоя одежда намочает под теплым дождем. Роджеру, кроме того, было очень приятно полаять на молнии. Когда дождь прекратился, мы прошли по миртовым зарослям. Я

надеялся, что после грозы некоторые животные выйдут из своих укрытий, где они обычно прячутся от жары. И в самом деле, по миртовой ветке навстречу друг другу тихо скользили две жирные улитки медово-янтарного цвета и призывно шевелили рожками. Я знал, что в разгар лета эти улитки обычно впадают в спячку. Прикрепившись к подходящей ветке, они затягивают вход в раковину тонкой, как бумага, крышечкой и отступают в глубину своих спиралей, чтобы сберечь влагу в теле, защитить ее от палящих лучей солнца. Бурная гроза, очевидно, пробудила улиток и привела в радостное, романтическое настроение. Они продолжали ползти навстречу друг другу, пока их рожки не соприкоснулись.

В этот момент улитки остановились и посмотрели в глаза друг другу долгим, серьезным взглядом. Потом одна из них слегка переменяла положение, давая дорогу другой. Когда обе улитки оказались рядом, произошло нечто такое, что заставило меня не поверить собственным глазам. Из бока одной улитки и одновременно из бока другой выскочило что-то вроде маленьких белых стрел на тоненькой белой ниточке. Стрела из первой улитки пронзила бок второй улитки и исчезла там, а стрела из второй улитки таким же образом вонзилась в бок первой. И вот они сидят рядышком, бок о бок, связанные двумя белыми ниточками, словно два парусных корабля, счаленные канатами.

Уже одно это было настоящим чудом, но потом пошли еще более удивительные чудеса. Ниточки стали постепенно укорачиваться и притягивать улиток друг к другу. Я глядел во все глаза, чуть ли не задевая улиток носом, и сделал невероятный вывод: каждая улитка с помощью какого-то механизма в своем теле (наподобие лебедки) сматывала канатик и подтягивала к себе другую улитку, пока обе они не оказались крепко

притиснутыми друг к другу. Тела их были сцеплены слишком плотно, и я не сумел разглядеть, что там в точности происходило. В таком экстазе улитки просидели минут пятнадцать, а потом, даже не кивнув, так сказать, друг другу на прощание, расползлись в разные стороны. Ни у той, ни у другой не осталось и следа от стрел или ниточек, и ни одна не выражала какого-либо восторга по поводу успешного завершения романа.

Меня так потрясло все виденное, что я едва дождался следующего четверга, когда к нам пришел Теодор и я смог рассказать ему обо всем. Слушая мое красноречивое описание, Теодор чуть покачивался на носках и серьезно кивал головой.

- Ага, да, - произнес он, когда я закончил свой рассказ. - Тебе, знаешь ли... гм... необыкновенно повезло. Я много раз наблюдал за улитками и никогда этого не видел.

Я спросил, не померещились ли мне все эти стрелы и ниточки.

- Нет, нет, - сказал Теодор. - Все абсолютно правильно. Стрелы состоят из такого... гм... вещества... нечто вроде кальция, и, когда они проникают в улитку, они исчезают... растворяются. Видимо, можно считать, что стрелки вызывают своего рода покалывание, которое улиткам... гм... очевидно, нравится.

Потом я спросил, верно ли, что улитки сматывают свои ниточки.

- Да, да, совершенно верно, - сказал Теодор. - У них, видно, есть... гм... какой-то механизм внутри, который может тянуть ниточку обратно.

Я сказал, что никогда не видел ничего более удивительного.

- Да, конечно. Это удивительно, - согласился Теодор и потом добавил нечто такое, от чего у меня захватило дух. - Когда они сближаются... гм... мужская половина

одной улитки соединяется с женской половиной другой и... э... наоборот, так сказать.

Прошло несколько секунд, прежде чем я сумел осмыслить это поразительное сообщение, а потом осторожно спросил, верно ли я понял, что каждая улитка одновременно и самец и самка.

- Гм. Да, - сказал Теодор. - Гермафродит. Он потерял бороду, в глазах его сверкнул огонек. Ларри, у которого обычно с лица не сходило страдальческое выражение, когда мы с Теодором обсуждали вопросы естествознания, тоже был изумлен этой поразительной новостью о жизни улиток.

- Вы, конечно, шутите, Теодор? - спросил он. - Неужели вы хотите сказать, что каждая улитка одновременно и самец и самка?

- Да, конечно, - ответил Теодор и с великолепной сдержанностью добавил:

- Это очень любопытно.

- Вот это да! - выпалил Ларри. - Я считаю, что это несправедливо. Все эти проклятые слизняки блуждают как помешанные по кустам и обольщают друг друга, переживая и те и другие чувства. Почему же человеческий род не получил такого дара? Вот что мне интересно.

- Ага. Но ведь тогда вам пришлось бы откладывать яйца, - заметил Теодор.

- Действительно, - сказал Ларри, - зато какой бы это был чудесный предлог отказаться от приглашения на коктейль. Вы, например, говорите: «Ужасно сожалею, что не могу прийти. Мне надо высидеть яйца». Теодор фыркнул.

- Улитки не высидывают яиц, - объяснил он. - Они зарывают их во влажную землю и больше о них не думают.

- Замечательный способ воспитывать детей, - неожиданно и с большой убежденностью произнесла

мама. – Если б я могла зарыть всех вас во влажную землю и больше ни о чем не думать!

– Очень нехорошо, жестоко так говорить, – сказал Лар-ри. – Это может оставить у Джерри комплекс на всю жизнь.

Но если разговор и оставил у меня комплекс, то он был связан с улитками, и я уже замышлял с Роджером крупные экспедиции по сбору улиток. Собрать их целые десятки, принести домой и держать в банках, чтобы можно было наблюдать сколько душе угодно, как они будут пускать друг в друга любовные стрелы. Однако, хотя я и собрал за несколько недель сотни улиток, держал их в банках и окружал всяческой заботой и вниманием (даже изображал для них с помощью лейки грозовой ливень), добиться от них я ничего не мог.

Только еще раз увидел я эту необычную любовную игру, когда мне удалось добыть пару огромных виноградных улиток, которые водились на каменистых склонах горы Десяти святых. А добраться туда и поймать этих улиток я смог только потому, что мама купила мне ко дню рождения маленького ослика, о котором я страстно мечтал.

Хотя с самого приезда на Корфу я видел, что тут очень много ослов – на них, можно сказать, держалось все сельское хозяйство острова, – но они как-то не занимали особенно моих мыслей, до тех пор пока мы не побывали на свадьбе Катерины. Там я увидел массу ослов с ослятами, многим из которых было всего лишь несколько дней от роду. Меня очаровали их вздутые коленки, огромные уши, неуверенные, дрожащие шаги, и я решил, что у меня непременно будет свой собственный ослик.

Стараясь обработать маму в этом направлении, я объяснил ей, что ослик, который будет возить меня и мое снаряжение, позволит мне забираться гораздо дальше от дома. Почему, спрашивал я, мне нельзя было

бы его получить, скажем, к Рождеству? Потому, отвечала мама, что, во-первых, они стоят очень дорого, во-вторых, именно в то время не бывает новорожденных ослят. Но если они так дорого стоят, продолжал я, то пусть это будет один подарок-и к Рождеству, и ко дню рождения. Я бы охотно отказался от всех других подарков и променял их на осла. Мама сказала, что она посмотрит, а это, как я знал по горькому опыту, в общем означало, что она забудет обо всем в самое ближайшее время. Когда подошел день моего рождения, я еще раз выложил все свои доводы в пользу приобретения осла, но мама только повторила, что мы, мол, посмотрим.

Спустя некоторое время в оливковой роще, как раз за маленьким садиком, появился Костас, брат нашей служанки, с огромной связкой бамбука на плечах. Весело насвистывая, он принялся рыть в земле ямки и забивать в них бамбуковые колья, так что они образовали небольшой квадрат. Глядя на Костаса сквозь ограду из фуксий, я заинтересовался, что это он там такое делает, и, свистнув Роджеру, отправился посмотреть.

- Строю дом, - сказал Костас. - Для твоей мамы. Я удивился. Для чего это маме понадобился бамбуковый дом? Может, она решила спать тут, на воздухе? Нет, это маловероятно. Зачем, спросил я у Костаса, нужен маме бамбуковый дом?

- Кто его знает? - ответил он и поглядел на меня туманным взором. - Может, она хочет держать тут растения или хранить сладкий картофель на зиму.

Я подумал, что это маловероятно. Через полчаса мне уже наскучило смотреть на Костаса, и мы пошли с Роджером гулять.

На следующий день остов бамбукового домика был уже готов, Костас переплетал теперь его камышом, чтобы стены и крыша стали крепкими и плотными. Еще день, и постройка была закончена. Выглядела она точь-

в-точь как хижина Робинзона Крузо, которую он построил в самом начале. Когда я спросил у мамы, для чего ей нужен этот домик, она ответила, что в точности еще не знает, но для чего-нибудь он пригодится. Такой неопределенной информацией мне и пришлось довольствоваться.

Накануне моего дня рождения все стали вести себя несколько более странно, чем всегда. Ларри, например, ходил по всему дому и выкрикивал «ату!», «апорт!» и другие охотничьи словечки. Поскольку подобные штучки случались с ним довольно часто, я не придавал им значения.

Марго таинственно шныряла по дому с какими-то свертками под мышкой. Однажды я столкнулся с ней в прихожей нос к носу и с удивлением заметил, что она держит в руках разноцветные украшения, оставшиеся с Рождества. Увидев меня, Марго испуганно вскрикнула и с видом пойманной преступницы бросилась в свою спальню, а я только рот раскрыл от изумления.

Даже Лесли и Спиро были сами не свои. Они то и дело уходили в садик на тайные совещания. Из тех обрывков фраз, которые мне удалось подслушать, я не сумел понять, что же они замышляют.

- На заднем сиденье, - говорил насупившись Спиро. - Честное слово, мастер Лесли, я уже такое делал.

- Ну, если вы уверены, Спиро, - с сомнением отвечал Лесли, - только смотрите, чтоб не было никаких сломанных ног.

Тут Лесли увидел, что я без стеснения подслушиваю их, и грубо спросил, какого черта я позволяю себе слушать чужие разговоры. Шел бы лучше к морю и прыгал там со скалы. Чувствуя, что все в доме плохо настроены, мы с Роджером ушли в оливковые рощи и до конца дня попусту гонялись за зелеными ящерицами.

А вечером, только я загасил лампу и улегся в постель, из оливковых рощ вдруг донеслось хриплое пение и взрывы хохота. Через некоторое время я уже мог различить голоса Лесли и Ларри и голос Спиро. Все они, кажется, пели разные песни. Должно быть, куда-то ходили и слишком хорошо там повеселились, решил я. По сердитому шепоту и шарканью ног в коридоре я мог заключить, что Марго и мама пришли к тому же выводу.

Продолжая громко смеяться над какими-то остротами Ларри, компания ворвалась в дом, где мама и Марго встретили их сердитым шиканьем.

- Тише, - сказала мама. - Вы разбудите Джерри. Расскажите, что вы пили?

- Вино, - величественно произнес Ларри и икнул.

- Вино, - повторил Лесли. - А потом мы танцевали. Спиро танцевал, и я танцевал, и Ларри танцевал. И Спиро танцевал, и потом Ларри танцевал, и потом я танцевал.

- Ложитесь-ка лучше в постель, - сказала мама.

- И потом Спиро опять танцевал, - сказал Лесли.

- Хорошо, хорошо, милый, - сказала мама. - Иди, ради Бога, спать. Знаете что, Спиро, по-моему, не надо было разрешать им столько пить.

- Спиро танцевал, - сказал Лесли, и на сей раз кстати.

- Я уложу его в постель, - предложил Ларри. - Только я один и трезвый.

До меня донесся шум их нестройных шагов по каменным плиткам, когда они, обняв друг друга, выходили из коридора.

- Теперь я танцую с тобой, - слышался голос Лесли, которого Ларри втащил в спальню и посадил на кровать.

- Вы извините меня, миссис Даррелл, - проговорил Спиро осипшим от вина голосом. - Я не мог их остановить.

- Вы его привезли? - спросила Марго.

- Да, мисси Марго, не беспокойтесь, - ответил Спиро. - Он там, у Костаса.

Спиро наконец ушел, вслед за тем отправились спать мама и Марго. Так непонятно закончился этот и без того необычный день. Но скоро я забыл о странном поведении своих близких и с мыслями об ожидавших меня подарках погрузился в сон.

Проснувшись на следующее утро, я некоторое время лежал и думал, что это такое особенное было в сегодняшнем дне. Потом вспомнил. Это - мой день рождения. Я лежал и наслаждался мыслью, что впереди у меня целый день, когда все будут подносить мне подарки, а родным придется уступать любой моей просьбе.

Только я собрался встать с постели и пойти посмотреть, какие мне приготовили подарки, как в прихожей поднялась суматоха.

- Держите ему голову. Голову! - слышался голос Лесли.

- Осторожно! Вы испортите украшения, - причитала Марго.

- На черта они сдались, твои дурацкие украшения, - сказал Лесли. - Держите ему голову.

- Тихо, тихо, милые, - успокаивала мама. - Не бранитесь.

- Господи, - возмутился Ларри, - сколько кругом навоза! Весь этот загадочный разговор сопровождался странным постукиванием, как будто по кафельному полу прихожей прыгали шарики пинг-понга. Что же они там затеяли, думал я. Обычно в такое время все только еще продирают глаза и, не вставая с постели, одурело тянутся за чашкой чаю. Я собрался идти в прихожую и принять участие в общем веселье, когда дверь вдруг распахнулась и в мою спальню галопом вбежал ослик, весь обвешанный разноцветными бумажными

гирляндами и елочными украшениями. На голове у него, ловко прицепленные между ушами, торчали три огромных пера. Лесли с силой тянул ослика за хвост и орал:

- Тпру, зануда!

- Язык, милый, - сокрушалась стоявшая в дверях мама.

- Ты портишь украшения! - кричала Марго.

- Чем раньше эта скотина уберется отсюда, - сказал Ларри, - тем лучше. Вся прихожая завалена пометом.

- Это ты его испугал, - заявила Марго.

- Я ничего не делал, - возмутился Ларри. - Я его только чуть толкнул.

Ослик остановился у моей кровати и посмотрел на меня большими карими глазами. Вид у него был недоумевающий. Он с силой встряхнулся, так что перья между его ушами повалились набок, и, изловчась, задней ногой долбанул Лесли в голень.

- Господи Иисусе! - взревел Лесли, прыгая на одной ноге. - Сломал мне ногу, зараза!

- Лесли, милый, - сказала мама. - Зачем так сильно ругаться? Не забывай о Джерри.

- Чем скорее вы уберете осла из этой комнаты, тем лучше, - сказал Ларри. - Иначе тут будет пахнуть как от навозной кучи.

- Вы погубили украшения, - жаловалась Марго, - а мне это стоило немалого труда.

Но я уже не обращал ни на кого внимания. Ослик подошел еще ближе к моей кровати, с минуту разглядывал меня пытливыми глазами, а потом, издав радостный гортанный крик, ткнулся мне в протянутые ладони своей серой мордой, такой мягкой и нежной, как все самое мягкое и нежное, о чем я только мог подумать: коконы шелковичных червей, новорожденные щенята, морские камешки или бархатистые на ощупь древесные лягушки. Лесли тем временем снял брюки и

приступил к осмотру ушиба на ноге, извергая при этом потоки проклятий.

- Он тебе нравится, милый? - спросила мама. Нравился ли он мне! Да я просто онемел от восторга. Ослик был густо темно-бурого цвета, почти фиолетовый, с большими, похожими на цветок каллы ушами и в белых чулочках над крохотными полированными копытцами, складными, как башмаки у чечеточника. Вдоль спины у него тянулся широкий черный крест - гордый знак, свидетельствующий, что племя его возило Христа в Иерусалим (и всегда с тех пор продолжало быть самой оклеветанной домашней скотиной), а большие блестящие глаза были обведены белыми кругами, знак того, что родом он из деревни Гастури.

- Помнишь ослицу у Катерины? - спросила Марго. - Она еще тебе так понравилась. Ну вот, это ее дочка.

Такое сообщение, разумеется, сделало ослика еще милей моему сердцу. А он, убранный как в цирке, стоял и сосредоточенно жевал кусочек мишуры. Я быстро оделся и, почти не дыша, спросил у мамы, где я буду держать своего ослика. Конечно, в доме его оставлять нельзя, Ларри и без того уже сказал маме, что при желании она может вырастить в прихожей недурной урожай картофеля.

- Для этого Костас и выстроил домик, - сказала мама. Я был вне себя от радости. Вот какие у меня благородные, добрые, хорошие родные! Как ловко они от меня все скрывали, как много сил потратили, чтобы так разукрасить ослика! Медленно и бережно, словно это был хрупкий фарфор, я провел своего скакуна через садик в оливковую рощу, открыл дверь бамбукового сарайчика и впустил его туда. Мне хотелось прикинуть размеры, ведь Костаса я считал никудышным строителем. Сарайчик был великолепный. Как раз по ослику. Я снова вывел его наружу, привязал длинной

веревкой к дереву и с полчаса стоял как зачарованный, разглядывая ослика со всех сторон, пока он мирно пощипывал травку. Наконец я услышал, как мама зовет меня к завтраку, и блаженно вздохнул. Конечно, подумал я, без всякого сомнения и без малейшего преувеличения можно сказать, что этот ослик самый замечательный на всем острове Корфу. И не знаю почему, я решил дать ему имя Салли. Потом быстро поцеловал его в шелковистую мордочку и побежал в дом завтракать.

Часть третья. Контокали

Глава пятая. Карликовые джунгли

Был теплый весенний день, и я с нетерпением дожидался приезда Теодора. Мы собирались совершить с ним прогулку за две или три мили от дома – к маленькому озеру, одному из наших любимых мест. Эти дни, проведенные с Теодором, эти «экскурсии», как он их называл, имели для меня исключительное значение, но Теодора они должны были утомлять, потому что с первой же минуты его появления и до самого момента отбытия я засыпал его бесконечными вопросами.

Наконец экипаж Теодора со стуком и звоном подкатил к дому, и Теодор вышел из него, одетый, по обыкновению, самым не подходящим для нашего похода образом: изящный костюм из твида, дорогая, начищенная до блеска обувь и серая фетровая шляпа, надетая ровно и аккуратно. В этой нарядной городской одежде было только одно несоответствие: переброшенная через плечо коллекционная сумка, набитая пробирками и пузырьками, да маленький сачок с бутылочкой на конце, прикрепленный к его трости.

– Гм, – произнес он с серьезным видом, пожимая мне руку. – Здравствуй, здравствуй. Я вижу, сегодня выдался... гм... прекрасный денек для нашей экскурсии.

В такое время года прекрасные деньки тянулись многие недели кряду и вовсе не были дивом, однако Теодор отмечал это всякий раз, как будто видел в этом особую милость, ниспосланную нам богами.

Мы, не теряя времени, забрали приготовленную мамой сумку с едой и глиняными бутылочками имбирного пива и забросили ее за спину вместе с моим снаряжением, которое было побольше, чем у Теодора, поскольку мне шла впрок всякая добыча и приходилось быть ко всему готовым.

И вот мы вместе с Роджером проходим сквозь полосатые тени залитых солнцем рощ, а впереди у нас весь остров, по-весеннему свежий и сияющий. В такую пору оливковые рощи все в цветах. Бледные анемоны с красноватым отливом по краям, точно их лепестки обмакнули в вино, ятрышник, как бы из розовой сахарной глазури, и желтые крокусы, такие мясистые и глянцевиные и так похожие на воск, что кажется, они будут гореть как свеча, если поднести к их тычинкам спичку. Около мили мы прошли по дороге, обсаженной высокими старыми кипарисами, сильно запорошенными белой пылью – настоящие малярные кисти в известке, потом свернули в сторону и направились к гребню невысокой горы. Тут перед нами открылось озеро размером акра в четыре, заросшее у берегов тростником и зеленое от водных растений.

В тот день на спуске к озеру я шел немного впереди Теодора и вдруг остановился как вкопанный, с изумлением разглядывая тропинку впереди себя. Вдоль края этой тропинки тянулось русло ручья, сбегавшего в озеро. Ручеек был так мал, что даже весеннее солнце успело его высушить почти целиком, на дне у него оставалась лишь тоненькая струйка воды. Поперек ручья, подымаясь затем на тропинку и опять спускаясь в ручей, лежал, как мне показалось, толстый канат, и он был как живой. Приблизившись, я увидел, что канат состоит из множества каких-то маленьких, покрытых пылью змеек. Я сразу крикнул Теодору и, когда он подошел, показал ему на это чудо.

- Ага! - сказал Теодор, и в глазах его загорелось любопытство. - Гм, да. Очень интересно. Elver.

Я спросил, к каким змеям относятся эти elver и почему они передвигаются все вместе.

- Нет, нет, - сказал Теодор. - Это не змеи, это молодые угри, и, кажется, они... гм... понимаешь ли... пробираются к озеру.

Я с восторгом склонился над колонной этих маленьких угрей, решительно пробивающих себе путь по камням и траве, среди колючего чертополоха. Кожа у них была сухая и запыленная. Их было там, наверно, миллионы. Кто бы мог подумать, что в этом пыльном, сухом месте можно встретить живых угрей!

- Вся история... гм... угрей, - сказал Теодор, опустив на землю сумку и устроившись поудобнее на камне, - очень любопытна. Видишь ли, в определенные периоды взрослые угри покидают пруды и реки, где они обитали, и... э... устремляются к морю. Это происходит со всеми европейскими угрями и со всеми североамериканскими. Куда они все уходят, долгое время оставалось загадкой. Ученые только знали, что обратно они никогда не возвращаются и что через какое-то время появляются молодые угри и заселяют те же реки и водоемы. Только гораздо позднее люди узнали, что происходит на самом деле.

Теодор задумчиво провел рукой по бороде и продолжал:

- Все угри направляются в море. Через Средиземное море они попадают в Атлантический океан и плывут к тому месту, которое называется Саргассово море, оно расположено, как ты знаешь, против берегов Южной Америки. Угрям... гм... к Северной Америке, конечно, не приходится столько плыть, но они тоже идут к тому же месту. Там они мечут икру и погибают. Личинка угря, когда она выходит из икры, выглядит совсем необычно... э... знаешь ли... она прозрачная и имеет

форму листа. Эти личинки так непохожи на взрослых угрей, что долгое время их выделяли в особый род. Так вот, личинки медленно плывут обратно, направляясь к тем местам, откуда пришли их родители. К тому времени, когда они достигнут Средиземного моря или берегов Северной Америки, они выглядят так, как вот эти.

Теодор остановился, снова потрогал бороду и осторожно просунул конец трости в живую массу угрей, так что те сердито зашевелились.

- Видимо, в них очень... э... гм... очень силен инстинкт родного дома, - продолжал Теодор. - Ведь отсюда до моря не меньше двух миль, и, однако же, все эти маленькие угри оказались здесь, пробивая себе путь к тому самому озеру, где жили их родители.

Теодор внимательно огляделся и показал мне на что-то тростью.

- Путешествие это довольно опасно, - заметил он, и я понял, что он имел в виду. Как раз над полоской угрей в небе черным крестиком плавала пустельга. Мы видели, как она камнем упала вниз и потом, крепко зажав в когтях клубок угрей, унеслась прочь.

Пока мы шли вдоль полосы угрей (они следовали в том же, что и мы, направлении), мы видели, как действуют другие хищники. При нашем приближении в воздух поднимались стайки галок, сорок, взлетела пара соек, и краем глаза мы успели заметить, как мелькнул и исчез в миртовых кустах огненный хвост лисицы.

Добравшись до озера, мы обычно действовали по заведенному уже порядку. Прежде всего определяли, под какой оливой нам лучше сложить еду и снаряжение, какая из них будет давать в полдень самую густую тень. Выбрав дерево, мы складывали под ним в кучку свои вещи, а потом с сачками и сумками шли к озеру и трудились все утро. Медленно, с сосредоточенным видом, словно пара цапель,

высматривающих рыбу, шагали мы по воде и погружали в нее сачки сквозь путаницу водных растений. Здесь Теодор превосходил самого себя. Вокруг него звенящими стрелами носились большие алые стрекозы, а он стоял в воде и извлекал из ее глубин чудеса, каким позавидовал бы сам волшебник Мерлин.

Здесь, в спокойных, золотистых водах, раскинулись карликовые джунгли. По дну озера среди остатков прошлогодней листвы пробирались страшные, коварные, как тигры, хищники – личинки стрекоз. На отмелях, словно стадо толстых бегемотов в какой-нибудь африканской реке, резвились черные головастики, гладкие и блестящие, как лакричные леденцы. Среди зелени подводных дебрей суетилась и порхала, напоминая стаи экзотических птиц, разноцветная микроскопическая живность, тогда как внизу, у корней, в темной глубине этого леса извивались и вытягивались вечно голодные пиявки и тритоны. А там, куда проникало солнце, среди волнистых холмов мягкой черной грязи в своих косматых шубах из обломков и веточек сонно ползали личинки ручейников – как только что очнувшиеся от спячки медведи.

– Ага, это вот довольно интересно. Видишь... гм... вон того червячка? Так это личинка огневки. Тебе, между прочим, не мешает взять ее для коллекции. Огневка интересна тем, что это одна из немногих бабочек, у которых личинка развивается под водой. Она живет там до тех пор, пока не настанет пора... гм... превратиться в куколку. Интересно, что у этого вида существуют... э... гм... две формы женских особей. У самца, конечно, полностью развиты крылья, он летает, как только выведется. Одна из самок тоже летает, но у другой, когда она выйдет из куколки... гм... крыльев нет, она продолжает жить под водой и плавает при помощи ног.

Теодор прошел чуть дальше по берегу, покрытому грязью, уже подсохшей и потрескавшейся на весеннем солнышке. С ветки ивы голубым фейерверком взлетел зимородок, а к середине озера спустилась и грациозно проскользила на своих серповидных крыльях крачка. Теодор погружал сачок в воду и тихонько водил им из стороны в сторону, будто гладил кошку. Потом выхватывал его и поднимал вверх, чтобы подвергнуть самому тщательному осмотру болтавшийся на конце пузырек.

- Гм, да, - говорил он, разглядывая пузырек сквозь лупу. - Несколько циклопов. Две личинки комара. Ага, это интересно. Видишь вон там личинку ручейника, которая соорудила свой чехлик целиком из раковин маленьких улиточек? Это... знаешь... очень красиво. А вот тут у нас, я думаю... да, да, тут у нас несколько коловраток.

Отчаянно стараясь угнаться за этим непрерывным потоком сведений, я спросил, что такое коловратки, и сквозь увеличительное стекло стал глядеть в пузырек, где прыгали и скакали эти самые обитатели вод.

- Прежде натуралисты называли их колесиками, - сказал Теодор, - из-за этих вот любопытных конечностей, которыми они так необычно размахивают, что становятся похожи... гм... э... на колесики часов. Когда ты в следующий раз придешь ко мне, я покажу их тебе под микроскопом. Это исключительно красивые создания. Все это, конечно, самки.

Я спросил, почему они обязательно должны быть самками.

- Это одна из наиболее интересных особенностей коловраток. Самки откладывают неоплодотворенные яйца. Гм... э... ну, вроде как у кур бывают яйца-болтуны. Только из яиц коловраток выводятся самки. Но в определенные периоды самки откладывают более мелкие яйца, из которых выходят самцы. Вот когда я

покажу их тебе под микроскопом, ты увидишь, что у самки, как бы это сказать?... довольно сложное тело, пищевой тракт и все прочее... у самца же совсем ничего нет. Это всего лишь... э... плавающий мешок со спермой.

Я немел от сложностей личной жизни коловраток.

- Они интересны еще тем, - продолжал Теодор, весело нагромождая одно чудо на другое, - что в определенные времена... э... если лето выдалось жаркое или еще там что-то произошло, отчего пруд может пересохнуть, они опускаются на дно и покрываются такой твердой оболочкой. Это своего рода анабиоз, так как пруд может оставаться сухим... э... скажем, лет семь или восемь и они так и будут лежать в пыли. Но при первом же дожде, когда пруд наполнится водой, они вновь оживут.

Мы шли с ним дальше и опять опускали в воду сачки среди шарообразных скоплений лягушачьей икры и вытянутых ожерелий жабьей икры.

- Вот посмотри-ка... э... возьми на минутку лупу и посмотри... очень красивая гидра.

Под лупой зашевелился крохотный обрывок водоросли, к которому был прилеплен длинный, тонкий, кофейного цвета столбик с пучком нежных щупалец на конце. В это время откуда-то появился круглый серьезный циклоп с двумя большими и, очевидно, тяжелыми сумками розовых яиц и резкими скачками подплыл слишком близко к извивавшимся щупальцам гидры. Он был проглочен в одно мгновение, успел лишь два раза дернуться перед смертью. Я знал, что если наблюдать подольше, можно по перемещению вздутия на столбике гидры проследить, как постепенно поглощается циклоп.

Вскоре мы определили по солнцу, что пора уже есть, и вернулись к оливковому дереву. Разложили свои припасы, достали имбирное пиво и приступили к трапезе под сонное пение только что появившихся

весенних цикад и тихое, недоуменное воркование кольчатых горлиц.

- По-гречески, - сказал Теодор, неторопливо прожевывая бутерброд, - кольчатая горлица называется dekaostura, то есть восемнадцать монет. Есть легенда, что, когда Христос... гм... нес крест на Голгофу, один римский солдат, заметив, как он изнемогает, пожалел его. Как раз в том месте у дороги сидела старуха и продавала... гм... молоко. Солдат спросил у нее, сколько стоит кружка молока. Она ответила, что просит за нее восемнадцать монет. У солдата оказалось только семнадцать. Он... э... понимаешь... попросил старуху, чтобы она продала ему кружку молока для Христа за семнадцать монет, но жадная женщина настаивала на восемнадцати. И вот, когда Христа распяли, старуха превратилась в кольчатую горлицу. До конца дней ей суждено было летать кругом и повторять decaocto, decaocto - восемнадцать, восемнадцать. Если она когда-нибудь скажет decaepta, семнадцать, то снова превратится в женщину, если же из упрямства произнесет decaennea, девятнадцать, наступит конец света.

В прохладной тени оливы мелкие черные муравьи, похожие на ясные зернышки икры, разворовывали остатки нашего завтрака, суетясь среди сухой прошлогодней листвы, пожелтевшей и побуревшей под солнцем минувшего лета. Теперь она шуршала и хрустела, как крекер. По склону позади нас прогоняли козье стадо. Уныло звякал колокольчик жожака, и было слышно, как пощелкивают челюсти коз, объедающих все на своем пути. Жожак подошел к нам вплотную и с минуту пялил на нас свои желтые глаза, обдавая запахом чебреца.

- Их нельзя оставлять... э... без надзора, - сказал Теодор, отгоняя козу палкой. - Они просто разоряют сельскую местность. Ничто ее так не губит.

Вожак насмешливо мекнул и ушел, уводя за собой свою банду опустошителей.

После еды мы с часок повалялись под деревом, разглядывая сквозь листву рассыпанные по небу мелкие белые облачка – словно отпечатки детских ладошек на синем замерзшем окне.

– Послушай, – сказал наконец Теодор, поднимаясь с земли. – Надо бы пойти на другую сторону озера... э... взглянуть, что там есть.

И вот мы снова бредем вдоль берега. Постепенно наши пробирки, бутылки и банки заполняются всевозможной микроскопической фауной, а мои коробки, ящички и мешочки уже до отказа набиты лягушками, маленькими черепашками и разными жуками.

– Мне кажется, – произносит Теодор и с сожалением смотрит на заходящее солнце. – Мне кажется... гм... что пора идти домой.

Мы с трудом поднимаем ставшие очень тяжелыми сумки и, закинув их за спину, устало тащимся домой. Впереди бодрой рысцей бежит Роджер, язык его свисает, как розовый флаг. Добравшись до дому и разместив своих пленников по более просторным квартирам, мы с Теодором отдыхаем, обсуждаем события минувшего дня и целыми галлонами поглощаем горячий, бодрящий чай, налегая как следует на сдобные, румяные, только что испеченные мамой лепешки.

Однажды я ходил на это озеро без Теодора, и в тот раз мне удалось совершенно случайно поймать одного водяного обитателя, с которым я давно хотел встретиться. Вытащив из воды сачок, я стал разглядывать спутанный клубочек водных растений и вдруг увидел, что там – можете себе представить! – притаился паук. Я был в восторге. Мне уже, приходилось читать об этих интересных пауках, самых,

должно быть, необычных пауках в мире, так как они ведут совершенно удивительный, водный образ жизни. Паук был размером с полдюйма и в чуть приметных серебристо-бурых крапинках. Я с торжеством посадил его в одну из своих жестяных банок и бережно понес домой.

Дома я отвел для него аквариум, набросал туда всяких веточек и водных растений, посадил паука на выступавший из воды прутик и принялся наблюдать. Паук тотчас же спустился по прутику в воду, где сразу оделся в красивое, блестящее серебро – благодаря множеству воздушных пузырьков, приставших к его волосатому телу. Минут пять он бегал под водой, исследуя все веточки и листики, и наконец выбрал себе место для жилья.

Паук этот – истинный изобретатель водолазного колокола, и я, усевшись перед аквариумом, наблюдал, как он его создает. Сначала паук протянул между веточками несколько длинных шелковых прядей, служивших основными растяжками, потом уселся примерно посредине и начал плести плоскую паутину не правильной овальной формы более или менее обычного типа, только с ячейками помельче, так что она напоминала скорее тонкую ткань. Эта работа заняла у него почти два часа. Заложив основу своего дома, паук должен был снабдить его теперь запасами воздуха. Для этого он стал совершать бесконечные рейсы к поверхности воды и выныривал на воздух. Когда паук возвращался, все его тело было в серебряных пузырьках. Он спешил вниз, садился под паутиной и начинал сметать с себя лапками пузырьки, которые тут же поднимались вверх и останавливались под паутиной.

После пятого или шестого рейса все эти мелкие пузырьки слились в один большой пузырек. По мере того как паук добавлял туда все новые и новые порции

воздуха, пузырь становился все больше, начиная давить на паутину, и вот наконец паук получил то, что ему нужно. Крепко расчаленный между веточками и водными растениями, в воде возникал колокол, наполненный воздухом. Теперь это был дом паука, где он мог жить вполне спокойно, не имея нужды часто наведываться на поверхность, потому что воздух в колоколе, как мне было известно, пополнялся кислородом от водных растений, а выделяемый пауком углекислый газ просачивался сквозь шелковые стены его домика.

Я глядел на этот удивительный образец мастерства и размышлял, как же сумел самый первый водяной паук (который только еще собирался стать водяным пауком) создать такой хитроумный образ жизни под водой. Но пауки эти интересны не только своим подводным строительством. В отличие от большинства других видов самец водяного паука вдвое больше самки, и после оплодотворения супруга не пожирает его, как нередко случается в семейной жизни пауков. По размерам моего паука я определил, что это самка, и брюшко у нее, кажется, было вздуто. Решив, что она находится в счастливом ожидании, я старался давать ей побольше добротной пищи. Она любила толстых зеленых дафний, которых умела ловить с необычным проворством, когда те проплывали мимо. Но, видимо, больше всего ей нравились новорожденные тритончики, и, хотя это была слишком крупная для нее дичь, она бросалась на них без колебания. Все, что ей удавалось поймать, она уносила в свой колокол и там поедала среди тишины и покоя.

В один прекрасный день я увидел, что самка расширяет свой колокол. Трудилась она над этим не спеша, и работа заняла два дня. И вот, заглянув утром в аквариум, я, к своему восторгу, увидел, что питомник

заполнился круглыми яичками. В положенный срок из них вышли крохотные паучки – точная копия мамыши.

Теперь водяных пауков у меня было в избытке. Но вскоре я с негодованием заметил, что их мать, начисто лишенная родительских чувств, преспокойно поедает собственное потомство. Пришлось отсадить малышей в другой аквариум. Однако, когда паучки подросли, они стали поедать друг друга, так что в конце концов я оставил у себя только двух наиболее умных с виду отпрысков, а остальных отнес на озеро и выпустил.

Глава шестая. Крабы и каракатицы

Каждое утро, когда я просыпался, комната моя была вся в полосках солнечного света, проникавшего сквозь закрытые ставни. Собаки уже умудрялись без моего ведома залезть ко мне под кровать и теперь, растянувшись, спали безмятежным, крепким сном. У окна сидел Улисс и с крайним неудовольствием щурился на золотые солнечные полосы. За окном раздавались хриплый, насмешливый крик петуха и тихое, умиротворяющее (словно овсяная каша булькала на плите) квохтанье кур, рывшихся под лимонными и апельсиновыми деревьями, отдаленный звон козьих колокольчиков, громкое чириканье воробьев на карнизах и неожиданный суетливый щебет, означавший, что в гнездо под моим окном вернулись заботливые ласточки и принесли своему выводку полный клюв еды. Сбросив простыню и прогнав собак на середину комнаты, где они встряхивались, потягивались и зевали, скрутив листиком свои яркие розовые языки, я шел к окну отворять ставни. Затем, пока мои глаза привыкали к яркому свету, я растягивался на подоконнике, выставив на утреннее солнце свое голое тело, на котором виднелись маленькие розовые пятнышки от укусов собачьих блох, и в задумчивости почесывался. Перестав наконец жмуриться, я бросал взгляд через серебряные верхушки олив на берег и на море, синевшее в полумиле от нашего дома. Именно здесь, на этом берегу, появлялись время от времени рыбаки со своими сетями, что всегда было для меня чрезвычайным событием, поскольку в сетях, вытащенных из синих глубин залива, всегда оказывалось много замечательных морских животных, каких я сам добыть бы не смог.

Едва завидев на волнах маленькие рыбацьи лодки, я живо одевался и, прихватив нужный скарб, вылетал через оливковые рощи на дорогу и дальше к морю. Почти всех рыбаков я знал по имени, но особую дружбу водил с одним высоким и сильным парнем с копной темно-рыжих волос. Имя его было Спиро, в честь неизменного святого Спиридиона, и поэтому, чтобы отличать его от всех других Спиро, каких я знал, я называл его Кокино, что значит рыжий. Кокино охотно добывал для меня образцы животных, и, хотя сами животные его ничуть не интересовали, ему доставляло удовольствие видеть мою неподдельную радость.

Однажды я пришел на берег как раз в то время, когда вытаскивали невод. Загорелые рыбаки тянули за мокрые веревки, с силой упираясь в песок босыми ногами, и все ближе подводили тяжелые сети к берегу.

- Будь здоров, кирие Джерри, - крикнул мне Кокино, махнув большой веснушчатой рукой. Волосы его вспыхнули на солнце костром. - Сегодня у нас будут для тебя интересные животные. Мы забросили невод на новом месте.

Я присел на песок и стал терпеливо ждать, а рыбаки с веселой болтовней и шутками продолжали свое дело. Через некоторое время в воде показалась и вскоре вышла на поверхность верхняя часть невода. Уже было видно, как блестит и сверкает в сетях рыба. Когда невод вытащили, он был весь как живой, дрожал от бившейся в нем с шумом рыбы - ровное, глухое стаккато рыбьих хвостов, отчаянно хлеставших друг друга.

Рыбаки поднесли корзины и стали выбрасывать в них из невода рыбу. Красная рыба, белая рыба, рыба в темно-красных полосках, скорпена, похожая на огненно-красный гобелен. Иногда попадались осьминог или каракатица со своими человеческими глазами, тревожно глядевшими из глубины сетей. Когда вся

съедобная часть улова была благополучно разложена по корзинам, наступил мой черед.

На дне сетей всегда оставалась большая куча камней и морских водорослей, вот там-то и были мои трофеи.

Однажды я нашел плоский круглый камень, из середины которого поднималось очень красивое коралловое деревце безупречной белизны. Оно было как молодая березка зимой, покрытая слоем пушистого снега. Иногда мне попадалась кожистая морская звезда, пухлая, как бисквитный торт, и почти такого же размера. Цвет у нее светло-коричневый, с яркими алыми точками, а по краям не вытянутые, как у всех звезд лучи, а круглые фестоны. Один раз я вытащил из кучи двух удивительных крабов, у которых ноги и клешни, когда они их подбирают, точно совпадают с краями овального панциря. Окрашены они в белый цвет, и на спине ржаво-красный рисунок - настоящая маска туземца.

В то утро Кокино, разложив по корзинам последнюю рыбу, подошел мне помочь. В большой куче водорослей был обычный ассортимент мелких кальмарчиков, морских игл, крабов-пауков и разных рыбок, которые, несмотря на свои малые размеры, не смогли проскользнуть сквозь ячейки сети. Вдруг Кокино хмыкнул от радостного удивления, вытащил что-то из спутанного клубка водорослей и протянул мне на своей жесткой ладони. Я поглядел и глазам не поверил, потому что это был морской конек. Буро-зеленый, очень складный, удивительно похожий на шахматную фигурку, он лежал на ладони Кокино и хватал воздух своим открытым, сильно выступавшим вперед ртом. Хвост его судорожно скручивался и раскручивался. Я в один миг сгреб его с ладони и опустил в банку с морской водой, мысленно вознося молитву святому Спиридону за то, что он помог мне спасти конька. К

моей радости, конек сразу расправился и повис посреди банки, плавнички по бокам его лошадиной головы мелко-мелко дрожали, сливаясь в неясное пятно. Убедившись, что с коньком все в порядке, я снова начал рыться в водорослях с лихорадочным волнением золотоискателя, промывающего песок со дна реки, где он нашел самородок. Усердие мое было вознаграждено, и через несколько минут в банке у меня уже сидели шесть коньков разной величины. Вне себя от такой удачи я быстро попрощался с Кокино и остальными рыбаками и полетел домой.

Дома я бесцеремонно выдворил из аквариума живших там четырнадцать веретениц и предназначил его для своих новых питомцев. Я знал, что кислорода в банке, где сидели морские коньки, надолго не хватит, поэтому, если я не хочу, чтобы они погибли, надо поторапливаться. Я схватил аквариум и пошел к морю. Вымыл там его как следует, насыпал на дно песок и быстро вернулся домой, а потом еще три раза бегал к морю с ведрами, чтобы наполнить аквариум водой. Когда я выливал последнее ведро, пот лил с меня градом, я даже подумал, стоило ли так стараться из-за коньков? Ну конечно, стоило! Это я увидел сразу, как только коньки шлепнулись из банки в аквариум. Они моментально расправились, а потом, словно табунчик выпущенных на волю пони, закружились около раскидистой веточки оливы, которую я укрепил в песке на дне аквариума. Плавнички их двигались так быстро, что были совсем не видны, казалось, будто каждый конек движется с помощью какого-то внутреннего моторчика. Обозрев свои новые владения, все коньки собрались у ветки оливы, зацепились за нее хвостами и с серьезным видом застыли на месте.

Морские коньки сразу всем понравились. Это были почти единственные из всех животных, каких я приносил в дом, заслужившие единодушное одобрение

всей семьи. Даже Лар-ри тайком наведывался ко мне в кабинет, чтобы взглянуть, как резвятся коньки в своем водоеме. У меня морские коньки отнимали очень много времени. Вода в аквариуме быстро портилась, и приходилось раза четыре или пять на дню бегать с ведрами к берегу моря. Это было совсем не легким делом, но я радовался, что не бросил его, иначе мне не пришлось бы увидеть необыкновенное чудо.

У одного из коньков, очевидно старого, так как он почти весь почернел, было очень большое брюшко. Я приписывал это только возрасту. Но вот как-то утром мне бросилась в глаза полоска на его брюшке, будто проведенная лезвием бритвы. Я стал следить за ним, пытаюсь узнать, не было ли драки между морскими коньками, а если была, то что они использовали в качестве оружия (ведь на вид коньки были такие беспомощные), но тут, к моему величайшему изумлению, разрез на брюшке чуть расширился и оттуда выскочил крохотный морской конечек. Я едва мог поверить своим глазам. Как только этот малыш чуть отплыл в сторону и повис в прозрачной воде, из брюшка появился другой, за ним еще один, потом еще и еще, и вот уже двадцать микроскопических коньков крутились облачком дыма около своей гигантской мамы. Испугавшись, как бы другие взрослые коньки не съели малюток, я поставил другой аквариум и отсадил туда, как мне представлялось, мамашу и ее отпрысков. Наполнять свежей водой два аквариума было еще труднее, чувствовал я себя как загнанная лошадь, однако решил держаться до четверга, когда придет Теодор и можно будет показать ему свои сокровища.

- Ага, - сказал Теодор, с профессиональным любопытством заглядывая в аквариум. - Это и в самом деле интересно. Судя по литературе, морские коньки, конечно, должны быть в этих местах, но сам я... никогда их здесь раньше не видел.

Я показал Теодору другой аквариум, где плавала мамаша со стайкой малышей.

- Нет, - сказал Теодор. - Это не мать, это отец.

Сначала я подумал, что Теодор просто разыгрывает меня, но он объяснил, как все происходит на самом деле. Когда самка вымечет икру и самец оплодотворит ее, он забирает икринки в свою специальную выводковую камеру, и они там у него развиваются. То, что я принял было за гордую мамашу, оказалось на самом деле гордым отцом.

Скоро мне стало совсем не по силам держать конюшню с морскими коньками и снабжать их свежей водой и запасами пищи. С величайшим сожалением я вынужден был выпустить их на волю.

Кокино не только добывал животных для моей коллекции, но и показал мне один из самых удивительных способов рыболовства.

Как-то я встретил его на берегу, где он возился в своей уютной лодочке, ставил в нее банку из-под керосина, наполненную морской водой. На дне банки лежала большая, благодушная на вид каракатица, обвязанная веревкой в том месте, где голова ее соединялась с большим яйцевидным телом. Я спросил Кокино, куда он собрался, и он ответил, что собрался ловить каракатиц. Это меня удивило, потому что в лодке не было ни удочек, ни сетей, ни даже остроги. Я спросил, как же он думает ловить каракатиц.

- С помощью любви, - загадочно сказал Кокино.

Я считал, что долг естествоиспытателя велит мне исследовать все способы ловли животных, и сразу же спросил Кокино, может ли он взять меня с собой. Мы вышли в голубой залив и остановились в тех местах, где глубина достигала двух сажений. Здесь Кокино вытащил конец веревки, за которую была привязана каракатица, и намотал его на большой палец ноги, потом достал каракатицу и бросил за борт лодки.

Каракатица поплавала немного на поверхности, поглядела на нас как бы с подозрением и, выпустив струю воды, скачками поплыла прочь в голубые глубины залива. Веревка понемногу выскользнула из лодки и вскоре туго натянулась. Кокино закурил сигарету, взъерошил свою огненную гриву.

- Теперь, - сказал он с улыбкой, - мы увидим, что может делать любовь.

Склонившись над веслами, Кокино медленно повел лодку по заливу, то и дело останавливал ее и с напряженным вниманием следил за веревкой на своем пальце. Вдруг он слегка хрюкнул, отбросил весла, так что они прижались к бортам лодки, как крылья бабочки, и, схватившись за веревку, стал тянуть ее к себе. Я перегнулся через борт лодки и во все глаза глядел сквозь прозрачную воду, стараясь увидеть конец туго натянутой веревки. Кокино стал тянуть быстрее. Через некоторое время в глубине появилось неясное пятно, и вскоре я разглядел каракатицу. Когда она приблизилась, я с удивлением увидел, что это не одна каракатица, а две, крепко сцепившиеся вместе. Кокино быстро подтянул их к себе, выдернул из воды и опустил на дно лодки. Самец, видно, был слишком увлечен возлюбленной, и даже внезапный переход из родной стихии на открытый воздух ничуть его не беспокоил. Он так крепко вцепился в самку, что Кокино не сразу удалось оторвать его и бросить в банку с морской водой.

Меня очень увлекла необычность такого способа ловли, хотя в глубине души я чувствовал, что это немного нечестно, не по-спортсменски. За час мы на сравнительно небольшом пространстве выловили пять каракатиц-самцов. Я удивлялся, что залив так густо населен, ведь днем тут каракатиц редко увидишь. Все это время каракатица-самка исполняла свою роль с безразличием стоика, но я все равно считал, что она

заслужила награду, и уговорил Кокино отпустить ее на волю, хотя он сделал это с явным сожалением.

Я спросил, откуда Кокино знает, что каракатица привлечет самцов.

- Такое время, - пожал он плечами.

- Значит, в это время, - спросил я, - можно с тем же успехом привязать любую каракатицу?

- Да, - сказал Кокино. - Но, конечно, одни каракатицы могут, как и женщины, быть привлекательней других, и, значит, проку от них будет больше.

Жаль, что этот способ нельзя применять к другим животным. Как было бы чудесно, например, забросить на нитке в воду самку морского конька и вытащить ее потом обвешанную страстными поклонниками!

Насколько мне было известно, такой своеобразный способ лова применял один лишь Кокино, я никогда не видел, чтобы им пользовались другие рыбаки, а те, с кем я говорил, даже ничего не слышали о нем и не очень-то верили моим рассказам.

У изрезанных берегов напротив нашего дома водилось особенно много разных животных, и, так как места эти были сравнительно мелкие, ловить там животных было нетрудно. Как раз в то время я уговорил Лесли построить для меня лодку, которая намного облегчила мне исследования. Эта плоскодонная, почти круглая посудина с сильным креном на правый борт, получившая название «Бутл Толстогузый», была после осла самой дорогой для меня собственностью. Уставив дно лодки банками, коробками и сачками и прихватив большой пакет еды, я пускался в вояж с командой из трех собак - Вьюна, Пачкуна и Роджера, а иногда брал с собой сову Улисса, если он изъявлял на то желание. В жаркую, безветренную пору мы целыми днями исследовали дальние заливчики и скалистые, покрытые водорослями архипелаги и пережили в этих

экспедициях немало интересных приключений. Однажды нам попалась огромная стая «морских зайцев» (улитки тетис). У этих улиток пурпурное, яйцевидное тело с гофрированной оборочкой по краю и два странных выступа на голове, которые действительно очень похожи на длинные заячьи уши. Улитки скользили над песчаным дном и над камнями, направляясь куда-то к югу от острова. Друг к другу они не проявляли никакого интереса, и я заключил, что собрались они вместе не для спаривания, а просто мигрируют целым скоплением.

В другой раз, когда мы стояли на якоре в небольшой бухточке, к нам подплыла стайка толстых, добродушных дельфинов. По-видимому, их привлекла яркая, оранжево-белая окраска «Бутла». Дельфины резвились вокруг нас, прыгали, плескались, подплывали к самой лодке, выставив из воды улыбочивые лица, и выпускали через свои дыхальца глубокие, страстные вздохи. Один молодой дельфин, более решительный, чем взрослые, нырнул даже под лодку, и мы почувствовали, как его спина проехала по плоскому дну «Бутла». Я с восторгом смотрел на это восхитительное зрелище и в то же время старался подавить бунт своей команды, которая реагировала на появление дельфинов совсем по-разному. Вьюн, никогда не отличавшийся храбростью, забился на нос лодки, дрожал там от страха и тихо скулил. Пачкун решил, что спасти свою жизнь можно только одним путем – покинуть корабль и пуститься вплавь к берегу, поэтому мне приходилось удерживать его силой, как и Роджера, убежденного, что, если б только ему позволили прыгнуть в море, он сумел бы один за несколько минут расправиться со всеми дельфинами.

Однажды я привез из такой экспедиции совсем необыкновенный трофей. В тот день все были в городе, за исключением Лесли, только что перенесшего

жестокую дизентерию. Он лежал на диване в гостиной, слабый как котенок, пил чай со льдом и читал объемистый труд по баллистике. Мне Лесли сразу же заявил, и довольно ясным языком, чтоб я не надоедал ему и не вертелся перед глазами, а так как в город ехать мне не хотелось, я взял собак и направился к «Бутлу».

Когда мы плыли по заливу, я еще издали заметил на его спокойной поверхности большой клубок, как мне показалось, желтых водорослей. Морские водоросли всегда заслуживают внимания. В них неизменно оказывается масса разных мелких животных, а иногда, если вам повезет, то кое-что и покрупнее. Я, конечно, устремился к этому месту, но, когда подплыл ближе, увидел, что это вовсе не водоросли, а какой-то камень желтоватого цвета. Только какой же камень может плавать тут в воде, в заливе глубиной двадцать футов? Я пригляделся повнимательней и, к своей невероятной радости, увидел, что это была черепаха, и довольно большая. Подняв весла, я цыкнул на собак, перешел к носу лодки и ждал там, сгорая от нетерпения, пока «Бутл» все ближе подплывал к черепахе. Черепаха лежала на поверхности воды и, казалось, крепко спала. Надо было поймать ее, прежде чем она успеет проснуться. Сачки и прочее снаряжение, бывшее у меня в лодке, вовсе не предназначались для ловли черепах длиной не меньше трех футов. Мне казалось, что поймать ее можно, только нырнув в воду, ухватить как-нибудь и перекинуть в лодку, пока она еще не проснулась. Я был слишком возбужден, и мне даже в голову не пришло, что черепаха такого размера может обладать немалой силой и вряд ли сдастся без борьбы.

Когда лодка была футах в шести от черепахи, я набрал воздуха в легкие и нырнул. Нырять я решил прямо под черепаху, чтобы отрезать ей путь к отступлению. Погружаясь в теплую воду, я произнес

коротенькую молитву, дабы всплеск от моего тела не разбудил черепаху, а если она все же проснется, то чтобы спросонья не успела быстро удрать. Нырнул я довольно глубоко и сразу повернулся на спину. Надо мной, как огромная золотая гинья, лежала черепаха. Я бросился вверх и крепко ухватил ее за передние ласты, свисавшие из панциря наподобие серпов. К моему удивлению, черепаха не проснулась даже от таких действий. Когда я, отфыркиваясь и все еще сжимая ласты, поднялся на поверхность и проморгался, я понял, в чем дело. Черепаха была дохлая. Издохла она уже давно, как о том свидетельствовали мое собственное обоняние и стайки мелких рыбок, клевавших ее чешуйчатые конечности.

Досадно, что и говорить, но все же мертвая черепаха лучше, чем ничего. Я подтянул ее тело к лодке и крепко привязал у борта за один ласт. Собаки были страшно заинтригованы, они решили, что я раздобыл специально для них какое-то невиданное лакомство. «Бутл» из-за своей формы никогда не был легко управляемым судном, а теперь, когда у него на боку болталась дохлая черепаха, он и вовсе норовил крутиться на одном месте. И все же после целого часа напряженной гребли мы благополучно добрались до пристани. Привязав лодку, я вытащил черепаху на берег и как следует рассмотрел ее. Это была черепаха-бисса. Из панциря черепах этого вида выделывают оправу для очков, так что чучело ее иногда можно увидеть в витрине магазинов оптики. У биссы массивная голова с морщинистой желтой кожей и с загнутым наподобие клюва носом, что придает ей необыкновенное сходство с ястребом. Панцирь у моей черепахи был местами побит – следы морских штормов, а может, акульих зубов – и украшен гроздьями белоснежных мелких рачков, морских уток. Нижний щит желтоватого цвета вминался, как толстый размокший картон.

Только недавно я произвел замечательное анатомирование дохлой речной черепахи, и теперь мне представлялся идеальный случай сравнить внутреннее строение морской черепахи со строением ее пресноводного собрата. Я быстро сбегал наверх за садовой тачкой, отвез на ней к дому свой трофей и торжественно разложил его на веранде. Затем приготовил тетрадь для записей, аккуратно, как в операционной, разложил свои пилки, скальпели, бритвенные лезвия и приступил к делу.

Глава седьмая. Веселая суматоха под оливами

В мае месяце сбор урожая маслин был уже в полном разгаре. Налившись соком под жарким весенним солнцем, созревшие плоды осыпались с ветвей и блестели среди зелени травы россыпью драгоценного черного жемчуга. Тоца являлась пестрая толпа крестьянок с корзинами и жестяными ведрами на головах. Присев на корточки у корней деревьев, они принимались наполнять свои ведра и корзины, щебеча при этом словно воробышки. Иные из деревьев плодоносили уже по пяти столетий, и все пять столетий крестьянки собирали урожай точно так, как сейчас.

А какое подходящее время посплетничать и посмеяться! Обыкновенно я перебегал от дерева к дереву, от одной группы к другой, присаживался рядом с крестьянками и, помогая им собирать урожай, выслушивал массу сплетен о всяческих ближних и дальних родичах и друзьях каждой из сборщиц. А иногда я устраивался вместе с ними обедать под деревьями, они жадно поглощали ломти кислого черного хлеба и маленькие плоские лепешки, приготовленные из прошлогодних сушеных фиг и завернутые в виноградные листья. Отобедав, крестьянки заводили песни – меня всегда поражало, как это голоса крестьянок, хриплые и грубые в обыденной речи, сливались в столь щемяще сладкой гармонии во время пения. В это время года между корнями олив только-только начинали распускаться желтые восковые крокусы, а берега моря становились алыми от расцветающих колокольчиков, и сами крестьянки, собравшиеся под деревьями, ходили на ожившие клумбы, а их песнопения – сладостные и

меланхолические, словно звуки колокольчиков, что привязывают на шею козам, – далеко разносились между стволов под кронами седых олив.

Но вот корзины и ведра наполнены. Крестьянки водружали их на головы и длинной щебечущей вереницей несли к давальне. Давальня представляла собою угрюмое, мрачное сооружение и располагалась поодаль в долине, по которой струился блестящий тонкий ручей. Над прессом председательствовал папаша Деметриос – крепкий старик, узловатый и согбенный, словно старые оливковые деревья, с абсолютно лысой головой и белоснежными усами, чуть подкрашенными никотином. Ходили слухи, что у него самые огромные усищи на всем Корфу. Характер у папаши Деметриоса был стервозный и несносный, но ко мне он почему-то относился с симпатией, и мы прекрасно находили общий язык. Он даже допускал меня ко святым святым – прессу.

Это был огромный круглый резервуар наподобие пруда, где разводят декоративных рыбок. Только вместо рыбок в нем находился гигантский каменный жернов, вращавшийся на деревянной стойке. Жернов приводился в движение старой клячей папаши Деметриоса, которая все ходила и ходила по кругу с надетым на голову мешком, чтобы у нее не случилось головокружения, а оливки, приносимые крестьянками, все текли и текли мерцающим каскадом. От размалываемых жерновом плодов воздух наполнялся резким кислым запахом. Слышались только цокот копыт, ворчание жернова и постоянный плеск вытекающего из отверстий золотистого, как солнечные лучи, масла.

В одном из углов давальни возвышался большой черный курган из рыхлой массы – вот все, что осталось от черных жемчужин, побывавших под жерновом! Из размолотых семян, мякоти и кожицы делались черные

брикеты, похожие на торфяные. От них исходил столь приятный густой кисло-сладкий запах, что так и хотелось попробовать на вкус. Но скармливали их скоту и лошадям, добавляя в зимний корм, а то использовали как топливо, и горели они очень жарким, хотя и едким пламенем.

Из-за дурного нрава папаши Деметриоса крестьяне почитали за благо поскорее высыпать оливки да убраться прочь – как знать, с какой ноги встал сегодня папаша Деметриос. А потому старик страдал от одиночества и допускал меня в свои владения столь охотно. От меня он узнавал все местные сплетни – кто за кем ухлестывает, у кого прибавление в семействе и какое – мальчик или девочка, а то и что-нибудь попикантнее, вроде того что Пепе Кондос попал в кутузку за контрабанду табака. В благодарность за то, что я был для него живой газетой, папаша Деметриос отлавливал зверюшек для моей коллекции: то бледно-розового, судорожно дышащего геккона, то богомола, а то и полосатую гусеницу олеандрового бражника, раскрашенную, словно персидский ковер, в розовый, серебряный и зеленый цвета. Не кто иной, как папаша Деметриос, раздобыл мне одно из самых очаровательных созданий – жабу-чесночницу, которую я окрестил Августус Почешибрюшко.

Как-то раз, увлекшись сбором оливок и слушаньем крестьянских сплетен, я вдруг почувствовал, что хочу есть. Я знал, что в давяльне у папаши Деметриоса всегда припасено много всякой вкуснятины, а потому решил наведаться к нему. Стоял яркий солнечный день, шаловливый легкий ветерок шуршал ветвями, словно перебирал струны арфы. Я бежал, подгоняемый прохладным дуновением и собаками, которые с лаем скакали вокруг меня, и когда, раскрасневшийся и запыхавшийся, я вбежал в помещение давяльни, то

застал папашу Деметриоса колдующим над огнем, в котором горели брикеты оливкового жмыха.

- А, это ты! - сказал он, поглядев на меня суровым взглядом. - Явился, не запылится! И где же ты был? Я не видел тебя целых два дня! Я так понимаю, что теперь, весной, тебе уже не до такой старой развалины, как я!

Я объяснил, что был занят множеством дел, - в частности, нужно было смастерить новую клетку для сорок, которые совершили налет на комнату Ларри, и тот, пожалуй, поотрывает им головы, если их сейчас же не водворить за решетку.

- Хм, - сказал папаша Деметриос. - Ну что ж. Хочешь кукурузы?

Я ответил старательно-безразличным тоном, что больше всего на свете мне хочется именно кукурузы.

Папаша Деметриос встал, заковылял на кривых ногах к прессу и возвратился с большой сковородкой, листом жести, служившим крышкой, бутылкой масла и пятью початками сушеной кукурузы, золотистыми с коричневым оттенком, точно бульонные кубики. Он поставил сковородку на огонь, плеснул на нее немного масла и дождался, когда оно приятно зафырчало, забулькало и стало слегка дымиться. Тогда он взял початок и покрутил его между своими подагрическими ладонями, так что золотые бусины застучали по днищу сковородки, словно градины по крыше. Накрыв сковородку листом жести, он довольно фыркнул, сел и закурил папиросу.

- Про Андреаса Папожакиса слышал? - спросил он, поправляя свои роскошные усы.

- Нет, не слышал. А что?

- Да так, - с явным удовольствием молвил он. - Этот придурок попал в больницу.

Я сказал, что мне крайне неприятно слышать такое, потому что Андреас мне нравился. Это был веселый,

добросердечный юноша, в котором жизнь была ключом, вот только делал он все не так.

В деревне поговаривали, что дай ему волю, он и на осле поедет задом наперед.

- Так что же с ним стряслось? - спросил я.

- Взорвался, - сказал папаша Деметриос и сделал паузу, ожидая моей реакции.

Я слегка присвистнул от ужаса и медленно покачал головой. Удостоверившись, что я весь внимание, папаша Деметриос уселся поудобнее.

- А произошло-то вот что, - начал он. - Сам же знаешь, у этого мальчишки дурья башка. Пустая, как ласточкино гнездо зимой! А ведь добрый малый, мухи не обидит! Так вот, отправился он с динамитом рыбку глушить. Знаешь такой заливчик возле Бенитсеса? Ну вот, прибыл он туда на своей лодке, ему, видишь, кто-то сказал, что местный полицейский уехал на весь день обследовать побережье. Ему бы, дурачку, сперва проверить, убедиться, что этот полицейский и впрямь обследует побережье, а он развесил уши.

Я горестно пощелкал языком. За глушение рыбы динамитом полагается пять лет тюрьмы и крупный штраф.

- Ну, - продолжал папаша Деметриос, - значит, сел он в лодку и стал медленно грести вдоль берега. Тут он увидел впереди на мелководье огромную стаю барбуней. Он бросил весла и зажег фитиль.

Папаша Деметриос сделал драматическую паузу, посмотрел, как там на сковородке кукуруза, и закурил новую папиросу.

- Все бы ничего, - продолжал он, - да вот беда: только он собрался бросить динамитную шашку, как вся рыба уплыла. Как ты думаешь, что сделал этот кретин? Прямо с динамитом в руке он бросился их догонять. И тут ба-бах!

- Так от него, пожалуй, мало что осталось после этого, - заметил я.

- Как же, - презрительно сказал папаша Деметриос. - Он и взорваться-то как следует не сумел. Взял такую крохотную шашку, что ему всего-навсего оторвало правую руку. И как раз полицейский-то его и спас! Бедняге удалось догрести до берега, но он потерял столько крови, что так и умер бы на месте, не оказись поблизости полицейского, который и не думал никуда уезжать. Услышав взрыв, он помчался на берег посмотреть, кто там глушит рыбу. По счастью, мимо как раз проезжал автобус. Полицейский остановил его и отвез бедолагу в больницу.

- Право, жаль, что такое случилось с Андреасом. Он ведь такой добряк! Хорошо, хоть жив остался! И что же, когда он поправится, его посадят на пять лет в Видо?

- Нет, нет, - успокоил меня папаша Деметриос. - Полицейский сказал, что, по его мнению, парень и так достаточно наказан. Он даже сказал в больнице, что руку бедолаге оторвало шестерней.

Между тем кукурузные зерна на сковородке начали взрываться, хлопая, словно миниатюрные пушечки, и звонко ударяясь о жечь. Папаша Деметриос снял сковороду с огня, а затем поднял крышку. Лопнув от жара, зернышки превратились в маленькие желто-белые кучевые облачка, хрустящие и удивительно вкусные. Тут папаша Деметриос вынул из кармана крохотный бумажный кулечек и развернул его. Там оказалась серая крупная морская соль; мы макали в нее крохотные облачка и хрустели ими с превеликим наслаждением.

- У меня для тебя еще кое-что есть, - сказал наконец старик, тщательно вытирая усищи большим красно-белым платком. - Очередная жуткая тварь из тех, что ты так обожаешь.

Набив рот остатками кукурузы и вытерев руки о траву, я взволнованно спросил его, что же это.

– Сейчас увидишь, – сказал старик, вставая. – Очень любопытная животина. Я сам никогда таких не видел.

Я с нетерпением ждал. Наконец он вернулся, неся помятую жестянку, заткнутую листьями.

– Вот, – сказал он. – Только осторожно, она вонючая.

Я вытащил затычку из листьев и заглянул внутрь жестянки. Папаша Деметриос оказался прав – тот, кто сидел в жестянке, вонял чесноком, словно автобус с крестьянами в базарный день. На дне банки находилась зеленовато-коричневая жаба с довольно мягкой кожей, среднего размера, с огромными янтарными глазами; пасть ее застыла в постоянной, я бы сказал какой-то нездоровой, ухмылке. Когда же я запустил туда руку, чтобы вытащить жабу, она сунула голову между передними лапками, а ее выпученные глаза закатились удивительным жабьим образом, после чего она издала резкий крик, похожий на блеяние миниатюрной овцы. Когда я вынимал эту тварь из жестянки, она отчаянно сопротивлялась, при этом жутко воняя чесноком. Я заметил, что на задних лапках у нее были черные роговые наросты, похожие на лемеха. Я был несказанно обрадован такому подарку, потому что потратил массу времени и энергии в попытках выследить подобную жабу. Рассыпавшись в благодарностях перед папашей Деметриосом, я торжественно отнес подарок домой и поместил его в аквариум, который стоял у меня в спальне.

Я насыпал на дно аквариума дюйма два-три песка и земли, и Августус, как я окрестил своего нового питомца, тут же принялся строить себе жилье. Он делал весьма любопытные движения задними лапками, используя роговые выросты как лопаты. Быстро подвигаясь задом наперед, он выкопал себе нору и

спрятался в ней; снаружи торчали только выпученные глаза да ухмыляющийся рот.

Вскоре я обнаружил, что Августус удивительно умное создание, – чем более ручным он становился, тем больше открывалось в нем привлекательных черт характера. Когда я входил в комнату, он тут же вылезал из норки и делал отчаянные попытки пробиться ко мне сквозь стеклянные стенки аквариума. Когда я вынимал его и сажал на пол, он скакал по комнате за мною вслед, а если я садился на стул, он мужественно карабкался по моей ноге, хотя это стоило ему большого труда, и, добравшись до колена, растягивался в лишенных всякого достоинства позах, наслаждаясь теплотой моего тела, медленно помаргивая, ухмыляясь и постоянно сглатывая. Именно тогда я открыл, что он любит, когда я ласково щекочу ему брюшко, пока он полеживал на спине, и с тех пор я добавил к кличке Августус еще и прозвище Почешибрюшко. Но самым забавным в его поведении было то, что он пел песни в благодарность за еду. Когда я держал над аквариумом огромного извивающегося земляного червя, Августус приходил в состояние блаженства – глазищи его выпучивались все больше и больше, выдавая нарастающее возбуждение, он тихонько похрюкивал, словно поросенок, и издавал тот же странный блеющий крик, что и в тот раз, когда я впервые взял его в руки. Когда червяк в конце концов плюхался у него перед носом, он начинал быстро кивать головой, как бы в знак благодарности, хватал червя за один конец и запихивал себе в пасть большими пальцами. Всякий раз, когда к нам приходили гости, мы всегда угощали их концертом Августуса Почешибрюшко, и те вынуждены были согласиться, что такой сладкоголосой жабы со столь богатым репертуаром им никогда не доводилось слышать.

Как раз в это время Ларри ввел в наш круг новых друзей – англичанина Дональда и австрийца Макса. Последний был длиннющий, как жердь, с роскошными вьющимися русыми волосами, светлыми усами, похожими на изящную бабочку, севшую ему на верхнюю губу, и добрыми ярко-голубыми глазами. Дональд, напротив, был бледнолицым коротышкой, одним из тех англичан, которые на первый взгляд производят впечатление не только бессловесных, но и безликих.

Ларри встретился с этой разнокалиберной парой в городе и тут же широким жестом пригласил их к нам выпить. Тот факт, что они, успев изрядно принять, заявили к нам в два часа ночи, ни для кого из нас не явился потрясением – мы уже успели, или почти успели, привыкнуть к знакомствам Ларри.

Накануне мама, подхватив сильную простуду, рано легла спать. Остальные члены семьи тоже разбрелись по своим комнатам. Из всей компании бодрствовал я один: я ожидал прилета Улисса из его ночных странствий и уже приготовил ему ужин – мясо и мелко нарубленную печенку. Я лежал и читал, когда до моих ушей донесся глухой, неясный звук, отзывающийся эхом в оливковых рощах. Сначала я подумал, что это крестьяне возвращаются со свадебной пирушки, и не придавал ему значения. Но какофония все приближалась, и по цокоту копыт и звону колокольчика я догадался, что подвыпившие гуляки проезжают мимо нас по дороге на повозке. Однако песня, которую они горланили, была вовсе не греческой, и я удивился, кто бы это мог быть. Я вылез из постели, высунулся из окна и стал всматриваться сквозь оливы. Тут повозка свернула с дороги и покатила к нашему дому – я уже мог отчетливо рассмотреть ее, потому как кто-то из сидевших сзади развел в ней маленький костерчик. Озадаченный и заинтригованный, я наблюдал за

огоньком, который то появлялся, то исчезал меж стволов деревьев и двигался к нашему дому.

В этот момент в ночном небе, словно медленно парящий парашютик одуванчика, показался Улисс и не нашел ничего лучшего, как сесть ко мне прямо на голое плечо. Согнав его, я принес миску с едой, которую он тут же принялся клевать и заглатывать, издавая при этом тонкие гортанные звуки и помаргивая блестящими глазами.

А повозка тем временем медленно, но настойчиво подбиралась к нашему дому, и вот она уже вкатила во двор. Восхищенный открывшимся зрелищем, я высунулся из окна.

Сзади никакого костра не оказалось. Сидевшие там субъекты оба держали по огромному серебряному канделябру, и в каждом канделябре было по несколько большущих белых свечей, какие обычно ставят в церкви Святого Спиридона. Оба седока громко и безголосо, но с большим апломбом пели песню из «Девы гор», изо всех сил стараясь попадать в такт.

Повозка остановилась у самых ступеней лестницы, ведущей на веранду.

- В семнадцать лет... - печалился явно английский баритон.

- В семнадцать льет!... - вторил ему голос с ярко выраженным среднеевропейским акцентом.

- Волшебною очей голубизною, - пел обладатель баритона, дико размахивая канделябром, - пленен он и сражен был наповал...

- Сражен биль наповал... - подтягивал среднеевропейский акцент, придавая бесхитростным словам столь сладострастный оттенок, что не услышав - не поверишь.

- А в двадцать пять... - продолжал баритон.

- А в двадцать пять...

- Пленился он совсем другою...

- Пленился он совсем другою..., - скорбно подхватывал среднеевропейский акцент.

- И понял, сколь напрасно он столько лет страдал! - закончил куплет баритон и так яростно взмахнул канделябром, что свечи повывлетали из него, словно ракеты, и со свистом попадали в траву.

Дверь моей спальни открылась, и вошла Марго, одетая в ночную сорочку из множества кружев и чего-то напоминающего муслин.

- Что это за шум? - прошептала она хриплым осуждающим тоном. - Ты же знаешь, что мама нездорова.

Я объяснил, что не имею никакого отношения к источнику шума и что, похоже, нашей компании прибыло. Марго тоже высунулась из окна и уставилась на повозку, где певуны уже собрались затянуть следующий куплет.

- Слушайте, - крикнула она приглушенным голосом, - нельзя ли потише? Мама болеет.

Тут же пение смолкло, и в повозке поднялась долговязая фигура. Она подняла канделябр и с серьезным видом взглянула на высунувшуюся из окна Марго.

- Ни в коем случае, милая барышня, - сказала она замогильным голосом, - ни в коем случае не тревожить муттер.

- Ни в коем случае, - согласился из повозки английский баритон.

- Как ты думаешь, кто бы это мог быть? - взволнованно прошептала мне Марго.

- Да друзья Ларри, кто же еще? Ясно как Божий день.

- Так вы друзья моего брата? - прощebetала Марго из окна.

- О да, благородное создание! - молвила высокая фигура, качнув канделябром в сторону Марго. - Он

пригласить нас выпивать.

- Хм... Минутку, я сейчас спущусь, - сказала Марго.

- Всю жизнь мечтал глядеть на вас поближе, - сказал долговязый, как-то неуверенно кивая.

- Увидеть вас поближе, - поправил тихий голос из повозки.

- Сейчас я спущусь, - шепнула мне Марго, - впусти их в дом и прослежу, чтобы вели себя тихо. А ты пока разбуди Ларри.

Я надел шорты, бесцеремонно схватил Улисса, который в полудреме безмятежно переваривал пищу, и вышвырнул его в окно.

- Вот это да! - сказал долговязый, наблюдая, как Улисс улетал вдаль над посеребренными лунным светом верхушками олив. - Совсем как в замке Дракулы, правда, Дональд?

- Ей-богу, правда, - ответил тот.

Я помчался по коридору и ворвался в комнату Ларри. Чтобы растормошить его, потребовалось некоторое время, поскольку он, боясь заразиться от мамы, перед сном принял для профилактики полбутылки виски. Но вот наконец он проснулся и сел на кровати, глядя на меня туманным взором.

- Тебе какого лешего? - спросил он. Я объяснил, что прибыли два каких-то субъекта, которых он пригласил выпить.

- Только этого не хватало, - сказал Ларри. - Поди скажи им, что я уехал в Дубровник.

Я объяснил, что это будет неудобно, тем более что Марго уже пригласила гостей в дом, а так как мама неважно себя чувствует, ее нельзя тревожить. Недовольно ворча, Ларри встал с постели, натянул халат, влез в шлепанцы, и мы по скрипучей лестнице спустились в гостиную. Первым, кого мы там увидели, был Макс - худощавый, жизнерадостный, добросердечный малый. Растянувшись в кресле, он

помахивал канделябром, в котором не осталось ни единой свечи. В другом кресле, ссутулившись, сидел угрюмый Дональд, похожий на помощника могильщика.

- Какие у вас волшебные голубые очьи, - сказал Макс, поводя на Марго указательным пальцем. - А ведь мы были петь о голубых очах, да, Дональд?

- Мы пели о голубых очах, - поправил Дональд.

- Я так и сказал, - доброжелательно заметил Макс.

- Ты сказал «мы были петь», возразил Дональд.

Макс на секунду задумался.

- В любом случае, - заявил он, - очьи были голубой!

- Были голубые, - поправил Дональд.

- Наконец-то, - чуть слышно сказала Марго, когда мы с Ларри вошли в гостиную. - Я так понимаю, это твои друзья, Ларри.

- О, Ларри! - возопил Макс, пошатываясь с неуклюжей грацией жирафа. - Ты приглашала, вот мы и приходим.

- Очень мило, - сказал Ларри, пытаясь изобразить на своем сонном лице нечто вроде радушной улыбки. - Вы не могли бы говорить немного потише, поскольку мама приболела?

- Муттер, - сказал Макс с неколебимым убеждением, - самая важная вьещи на свьете!

Он повернулся к Дональду и, приложив палец к роскошным усам, сказал «тс-с!» с такою яростью, что мой преданный Роджер, до этого мирно дрыхнувший сном праведника, тут же вскочил и разразился залиvistым лаем. К нему тотчас же присоединились Вьун и Пачкун.

- Ну так же нельзя, - заметил Дональд, когда лай на секунду смолк. - Гости не должны доводить собак до такого скандала.

Макс встал на колени и облапил своими длинными руками неумолкающего Роджера. Я наблюдал за его

действиями с некоторой долей тревоги: а вдруг Роджер не так поймет?

- Тьише ты, гавкалка, - сказал Макс прямо в ошетилившуюся, воинственную морду Роджера.

К моему удивлению, Роджер тут же замолк и стал как ошалелый лизать Макса в лицо.

- Так... хм... хотите выпить? - сказал Ларри. - Извините, что не прошу вас задержаться надолго, - к сожалению, мама больна.

- Вы очень любезны, - сказал Дональд, - очень любезны. Однако я должен извиниться за него. Что вы хотите, чужеземец.

- Ну, я, пожалуй, пойду спать, - сказала Марго и попыталась покинуть компанию.

- Ну нет! - рявкнул Ларри. - А кто будет разливать напитки?

- Не уходи, - сказал Макс, развалившись на полу с Роджером в объятиях и глядя на нее умоляющим взглядом. - Не отворачивай от меня свой ясный глаз!

- Ну ладно, тогда я схожу принесу выпить, - обессиленно сказала Марго.

- А я помогаль вам! - сказал Макс, отпихивая Роджера и вскакивая на ноги.

У Роджера, видимо, сложилось обманчивое впечатление, что Макс собирался провести остаток ночи, ласково укачивая его на руках у гаснущих углей камина, и ему явно не польстило, что его вот так грубо отпихнули. Он снова залился лаем.

Тут распахнулась дверь гостиной, и в дверном проеме появился Лесли в костюме Адама и с ружьем наперевес.

- Черт побери, что тут происходит?! - рявкнул он.

- Лесли, потрудись одеться, - сказала Марго. - К Ларри пришли друзья.

- Вот черт, - разочарованно заявил Лесли, - и всего-то. Он повернулся и отправился к себе наверх.

- Напитки! - восторженно сказал Макс и, обхватив Марго, провальсировал с нею под аккомпанемент почти истерического лая Роджера.

- Умоляю, постарайтесь потише, - сказал Ларри. - Макс, будь умницей, ради Бога!

- Право, нельзя же так, - укорил Дональд.

- Пожалейте маму! - сказал Ларри, очевидно поняв, что этим-то точно можно задеть Макса за живое.

Тот немедленно прекратил вальсировать и отпустил запыхавшуюся Марго.

- Где есть ваша муттер? - спросил он. - Леди больна... Я шагайт к ней и лечить.

- Оказание помощи, - заявил Дональд.

- Я здесь, - слышался в дверях мамин голос с легкой гнусавинкой. - Что у вас тут происходит?

Она стояла в ночной рубашке, кутаясь из-за простуды в большую шаль, из-под мышки у нее свисала, тяжело дыша, ее любимица - апатичная собачонка по кличке Додо.

- Ты как раз вовремя, мама, - сказал Ларри. - Познакомься. Вот это Макс, а вот это Дональд.

Тут Дональд впервые за все время зашевелился. Он встал, промаршировал через комнату к маме, взял ее руку и почтительно склонился к ней.

- Очень рад, - произнес он. - Прошу покорно простить за беспокойство. Мой друг, знаете ли, иностранец.

- Искренне польщена, - сказала мама, собрав все свои силы.

Что касается Макса, то стоило маме переступить порог, как он раскрыл объятия и устремил на нее такой исполненный благочестия взгляд, каким, наверное, взирал крестоносец на впервые открывшиеся ему башни Иерусалима.

- Муттер! - драматически вступил он. - Вы есть муттер!

- Здравствуйте, - неуверенным голосом откликнулась мама.

- Так вы, - напрямик спросил Макс, - и есть больная муттер?

- О, всего лишь легкая простуда, - небрежно заметила она.

- Мы вас пробудили, - сказал Макс, бия себя в грудь, и глаза его наполнились слезами.

- Не «пробудили», а «разбудили», - тихо поправил Дональд.

- Пойдем, - сказал Макс и, обхватив маму своими длиннющими руками, со всей учтивостью, на какую только был способен, препроводил ее в кресло, стоявшее у камина. Затем он снял с себя пальто и нежно укрыл им мамины колени. После этого, присев подле нее на корточки, он взял ее за руку и серьезно заглянул ей в лицо.

- Что желайт, - спросил он, - что желайт муттер?

- Беспробудно спать всю ночь, - сказал внезапно вернувшийся Лесли, представ на сей раз не в столь шокирующем виде - в пижамных штанах и сандалиях.

- Макс, - строго сказал Дональд, - ты слишком увлекся. Ты, кажется, забыл, зачем мы сюда пришли.

- Ах да, - весело воскликнул Макс. - У нас чудесный новости, Ларри! Дональд решил стать писателем.

- Нужда заставила, - скромно пробормотал Дональд. - Посмотрел, как все роскошествуют. Гонорары рекой текут. Вот и я решил попробовать перо.

- Замечательно, - сказал Ларри, почему-то без особого энтузиазма.

- Я только что закончил, - продолжал Дональд, - первую главу, и мы пулей сюда, чтобы прочесть ее тебе.

- О Боже, - сказал Ларри, которого от ужаса прошиб холодный пот. - Нет, Дональд, не надо. В полтретьего утра мои способности воспринимать изящную

словесность совершенно иссякли. Может, оставишь, а завтра я прочту.

- Она короткая, - сказал Дональд, не обращая внимания на мольбы Ларри и вынимая из кармана небольшой листок бумаги. - Но надеюсь, вы оцените стиль.

Ларри сердито вздохнул, и все уселись поудобнее в томительном ожидании, пока Дональд прокашляется.

- Внезапно внезапные страсти, - начал он глубоким вибрирующим голосом, - внезапно внезапное сердце, внезапно, внезапно, внезапно, внезапно в слезах. Внезапно надежда мне счастье подарит, внезапно, внезапно, разлуку прогонит любовь. Внезапно минуют печали, внезапно обнимем друг друга, внезапно, внезапно, с устами сольются уста!

Засим последовала продолжительная пауза. Все ждали, когда Дональд продолжит. Сглотнув пару раз, как будто его переполнял восторг от собственного творчества, он тщательно сложил листок бумаги и водворил в карман.

- Ну, как? - спросил он Ларри.

- Хм... по-моему, коротковато, - осторожно произнес Ларри.

- Нет, а что ты думаешь о стиле? - спросил Дональд.

- Хм... по-моему, интересен. Но я думаю, он уже давно открыт, - сказал Ларри.

- Быть того не может, - заявил Дональд. - Я открыл его только этой ночью.

- Ну, я думаю, Дональду уже хватит. Ему нельзя больше пить, - громко сказал Лесли.

- Тише, милый, - укорила его мама. - Как же вы собираетесь назвать ваш труд, Дональд?

- Я думаю, - сказал Дональд, выпучив глаза, как сова, - я думаю назвать мой труд «Внезапная книга».

- Очень ясный заголовок, - заметил Ларри. - Только, на мой взгляд, тебе еще следует поработать над

образами лирических героев, возможно, несколько углубить их, прежде чем отправляться в постель.

- Да, наверное, ты прав, - согласился Дональд.

- Все это очень интересно, - сказала мама, отчаянно чихнув, - но, думаю, лучше бы нам выпить по чашке чаю.

- Я поставлю чай, муттер, - воскликнул Макс, вскакивая на ноги, отчего все собаки вновь залились лаем.

- Я помогу, - сказал Дональд.

- Марго, милая, проводи гостей и покажи, где что лежит, - сказала мама.

Когда троица удалилась, мама посмотрела на Ларри.

- Ну, что, - холодно сказала она, - скажешь, твои друзья не со странностями?

- Ну, за Дональда могу поручиться, - отозвался Ларри. - Просто он слегка перебрал.

- И внезапно, внезапно, внезапно он напился, - пропел Лесли, подкладывая дров в камин и пиная их ногой, после чего пламя слегка ожило.

- Да они славные парни, - сказал Ларри. - Вот только Дональд понапускал всем обитателям Корфу пыли в глаза.

- То есть как? - спросила мама.

- Ну, - сказал Ларри, - ты ведь знаешь, что здешние жители обожают выуживать все личные тайны. Дональд с виду человек со средствами, да еще самый отъявленный британец, вот они и думают, что у него Бог знает какие связи и положение. А он развлекается тем, что сочиняет про себя всякие сказки. Кем он только не был, я слышал, будто он старший сын герцога, двоюродный брат лондонского епископа и даже незаконный сын лорда Честерфильда! Где он только не обучался - в Итоне, Хэрроу, Оксфорде, Кембридже, и, к моему восхищению, сегодня утром миссис Папанопулос

уверяла меня, будто он получил образование в Гертоне <Гертон-колледж – известный женский колледж Кембриджского университета.>.

В этот момент в гостиную вернулась Марго. Вид у нее был слегка растерянный.

– Хорошо бы тебе заняться своими гостями, Ларри, – сказала она. – Макс только что зажег кухонную плиту пятифунтовой купюрой, а Дональд вообще исчез. Кричит «ау!», а где он – непонятно!

Мы всей гурьбой бросились в большую, вымощенную камнем кухню, где на горячих угольях уже начал петь чайник. Макс скорбно взирал на остатки пятифунтовой купюры в своей руке.

– Право, Макс, – сказала мама, – ну что за глупости. Макс просиял, увидя ее.

– Ради муттер никаких денег не жалько, – сказал он и сунул ей в руку остатки банкноты. – Храните ее, муттер, как сувенир.

– Ау! – донесся, вторясь эхом, жалобный крик.

– А вот и Дональд, – гордо сказал Макс.

– Где же он? – спросила мама.

– Не знаю, – ответил Макс. – Если он хочет запрятаться, так он запрятаться.

Лесли прошел к задней двери и распахнул ее.

– Дональд! – позвал он. – Ты здесь?

– Ау! – раздался дрожащий крик со слабым резонансом.

– Боже! – сказал Лесли. – Этот полоумный недоносок свалился в колодец.

В саду позади кухни находился большой колодец глубиной примерно в полсотни футов; вглубь к водоносному слою шла толстая железная труба. По тому, как резонировал голос Дональда, мы совершенно уверились в правильности догадки Лесли. Захватив фонарь, мы поспешили к краю колодца и, расположившись по кругу, стали вглядываться в его

темную глубину. Там, на глубине примерно двадцати пяти футов, и находился Дональд; крепко обхватив трубу руками и ногами, он смотрел на нас.

- Ау, - застенчиво сказал он.

- Дональд, какого черта, брось дуришь, - разъярился Ларри. - Вылезай сейчас же! Если упадешь в воду, утонешь! Не то чтобы меня это больно волновало, просто испортишь нам воду в колодце.

- Не испорчу, - сказал Дональд.

- Дональд! - воззвал Макс. - Мы ждуть тебя! Вылезай! Там же холодно! Вылезай - попьем чайку с муттер и поговорим о твоей книга.

- Вы настаиваете? - спросил Дональд.

- Да, да, да, еще как настаиваем! - нетерпеливо сказал Ларри.

Дональд медленно и мучительно карабкался по трубе, а мы следили за каждым его движением затаив дыхание. Когда он оказался в пределах досягаемости, Макс и все члены нашей семьи нагнулись, дружно ухватили его за разные части тела и благополучно вытащили наружу. После чего мы сопроводили гостей в дом и поили горячим чаем, пока они хоть с виду не протрезвели, насколько это возможно после бессонной ночи.

- Пожалуй, теперь вам лучше поехать домой, - твердо сказал Ларри. - Завтра встретимся в городе.

Пошли провожать гостей на веранду. Повозка была на месте. Лошадь в оглоблях понуро свесила голову. Вот только возницы и след простыл.

- У них был извозчик? - спросил меня Ларри.

Я искренне признался, что был так очарован светом канделябров, что не обратил внимания, есть у них кучер или нет.

- Я буду за кучера, - сказал Макс. - А Дональд мне запоеет.

Дональд осторожно расположился на задней скамейке и взял канделябры, Макс сел на козлы. Он хлестнул кнутом, как заправский кучер, и лошадь, выйдя из коматозного состояния, вздохнула и повезла повозку.

- Покойной ночи! - крикнул Макс, взмахнув кнутом. Мы проводили их взглядом, пока они не скрылись из виду за оливами, затем вернулись в дом и, вздохнув с облегчением, закрыли входную дверь.

- Право, Ларри, нельзя же приглашать гостей в такую пору, - сказала мама.

- Да я вовсе не приглашал их в такую пору, - раздраженно сказал Ларри. - Сами пришли. Я просто сказал им: приходите, выпьем.

В этот момент кто-то забарабанил кулаками во входную дверь.

- Ну, я пойду, - сказала мама и живехонько взбежала вверх по лестнице.

Ларри отворил дверь. На пороге с растерянным видом стоял возница.

- Где мой каррокино? - заорал он.

- А сам-то ты где был? - парировал Лари. - Кириос сами поехали.

- Так они украли мой каррокино? - вскричал кучер.

- Разумеется, они его не крали, балбес! - сказал Ларри, окончательно выведенный из терпения. - Им нужно было в город, а где ты шлялся, неизвестно. Вот они и укатили. Беги быстрее, может, еще догонишь.

Моля о помощи святого Спиридона, бедняга кучер со всех ног бросился сквозь оливковую рощу и помчался по дороге.

Не желая упускать заключительную сцену разразившейся драмы, я тут же побежал на наблюдательный пункт, откуда открывался прекрасный вид и на поворот к нашей вилле, и на дорогу, ведущую в город. Повозка как раз прошла поворот и бойко катила

по направлению к городу. Дональд и Макс распевали счастливыми голосами. В этот момент кучер выскочил из оливковой рощи и, выкрикивая проклятия, бросился за ними в погоню.

Пораженный, Макс взглянул через плечо.

– Фолки, Дональд! Держись крепче! – заорал Макс и принялся безжалостно охаживать кнутом несчастную клячу, и та со страху перешла в галоп. Впрочем, галопом такой бег называется только у лошадей Корфу – как ни старалась бедная животина, преследователь неотступно бежал в десяти шагах позади повозки, изрыгая проклятия и чуть не плача от ярости. Макс, вознамерившись любой ценой спасти товарища, все яростнее нахлестывал кобылку, а Дональд, свесившись за задний борт, время от времени кричал: «Ба-бах!» Наконец вся кавалькада скрылась из виду.

На следующее утро за завтраком все мы чувствовали себя слегка заезженными. Мама суровым тоном читала Ларри нотацию относительно тех, кто является за выпивкой в два часа ночи. Как раз в этот момент подкатила машина Спиро, и вот он уже вразвалочку восходит к нам на веранду, неся в руках огромный пакет, завернутый в коричневую оберточную бумагу.

– Это вам, миссисы Дарреллы, – сказал он.

– Мне? – молвила мама, надевая очки. – Что бы это могло быть?

Она осторожно развернула обертку. Там внутри сияла словно радуга огромная коробка шоколадных конфет – самая большая, какую я когда-либо видел за всю свою жизнь. К ней была пришпилена белая карточка, на которой красовалась надпись, выведенная явно трясущейся рукой:

«УМОЛЯЕМ, ИЗВИНИТЕ НАС ЗА ВЧЕРАШНЮЮ
НОЧЬ.»

Дональд и Макс.

Глава восьмая. Совы и аристократия

Наступила зима. В воздухе стоял запах дыма – это сжигали оливковые сучья. Ветер хлопал и скрипел ставнями, гонял по темному, нахмуренному небу стаи птиц и опавшие листья. Бурые горы на материке уже надвинули лохматые снеговые шапки; дождь заполнял размытые скалистые долины бушующими пенистыми потоками, которые мчались к морю, унося с собою грязь и обломки. Достигнув моря, они растекались по палубой воде словно желтые вены, усеивая поверхность луковицами морского лука, бревнами и причудливо изогнутыми ветвями, мертвыми жуками и бабочками, пучками бурой травы и обломками камыша. Прорвавшись из-за убеленных вершин Албанских гор, на нас налетали бури, то осыпая тучами белых хлопьев, то окатывая струями пронизывающего до костей ливня, побеги молний расцветали и угасали, будто желтые листья папоротника.

Как раз в начале зимы я получил письмо.

*«Дорогой Джеральд Даррелл,
Наш общий друг д-р Стефанидес
рассказывал, что Вы страстный любитель
природы и у Вас дома содержится множество
всяких зверюшек. А посему я подумала: а не
захотите ли Вы еще и белую сову, которую мои
работники нашли при разборке старого сарая? К
сожалению, у нее сломано крыло, но в
остальном она чувствует себя превосходно и
аппетит у нее отличный.*

*Если Вас это заинтересовало, я буду ждать
Вас в пятницу к ленчу – лучше всего между*

четвертью первого и часом пополудни. Возможно, Вы будете столь добры, что сообщите, как Вы на это смотрите.

Искренне Ваша Графиня Мавродаки».

Это письмо взволновало меня по двум причинам. Во-первых, мне всегда хотелось иметь сипуху, а эта сова, судя по всему, таковою и являлась; а во-вторых, все общество Корфу годами доискивалось знакомства с графиней, но все напрасно: она предпочитала жить отшельницей. Обладая несметным состоянием, она жила в обширной венецианской вилле в глубине острова, не общаясь ни с кем, кроме работников, обслуживавших ее огромные поместья. Теодор был вхож к ней только потому, что консультировал ее как врач. Ходили слухи, что у графини большая ценная библиотека, и потому Ларри набивался на приглашение на виллу, но тоже безуспешно.

- Боже, - с горечью сказал он, когда я показал ему приглашение. - Я целые месяцы добиваюсь знакомства с этой старой гарпией, чтобы посмотреть ее книги, а тебя она приглашает на ленч! Что и говорить, нет на свете справедливости!

- А может, - предложил я, - я поговорю с ней после ленча? Вдруг графиня допустит тебя к книгам?

- Боюсь, что после ленча с тобой она не покажет мне не то что библиотеки, но даже прошлогоднего номера «Тайме», - вяло сказал Ларри.

И все-таки, несмотря на невысокое мнение моего брата относительно моих способностей к светскому обхождению, я был полон решимости замолвить за него словечко, если подвернется подходящая возможность. Сознывая, что это большое, даже торжественное событие, я решил одеться понаряднее. Мои шорты и рубашка были тщательно выстираны, и я уговорил маму

купить мне новую пару сандалий и новую соломенную шляпу. Поскольку до виллы графини было довольно далеко, я отправился верхом на Салли, на которой по такому случаю были новое седло и новая попона.

Великий день, однако, выдался хмурый, земля раскисла. «Кажется, буря собирается», – подумал я, надеясь, однако, что это случится не ранее, чем я доскачу до виллы – ведь дождь испортит хрустящую белизну моей рубашки. Чем дальше я трусил среди олив, порою вспугивая вальдшнепов, которые выпархивали из-под миртов у нас под самым носом, тем больше нервничал. Я решил, что плохо подготовился к визиту. Во-первых, я забыл свою редкостную диковину – заспиртованного четвероногого цыпленка. Мне казалось, что графине было бы любопытно на него взглянуть, и уж по всяком случае, была бы тема для разговора, которая помогла бы преодолеть неловкость на первой стадии встречи. Во-вторых, я забыл проконсультироваться, как же все-таки правильно обращаться к графине. «Ваше высочество»? Слишком формально. Тем более когда тебе дарят сову. «Ваше сиятельство»? Уже лучше. А может быть, просто «мадам»? Ломая голову над тонкостями протокольного характера, я совсем забыл о Салли, предоставив ее самой себе, и она тут же впала в дрему. Из всех вьючных животных, по-моему, только ослы способны спать на ходу. В результате она сдрейфовала к обочине, споткнулась, и я, погруженный в раздумья, угодил в канаву, где было на шесть дюймов воды. пополам с грязью. Салли поглядела на меня с осуждающим удивлением, как обычно делала, когда чувствовала, что виновата. Я был вне себя от ярости. Я готов был придушить ее. Мои новые сандалии были полны липкой грязи, мои шорты и рубаха – такие чистые, такие образцово-показательные мгновение назад – были перепачканы грязью и остатками гниющих водорослей.

Я чуть было не разрыдался с досады и обиды. До дома было слишком далеко, чтобы успеть вернуться и переодеться. Оставалось только одно – каким бы жалким ни был мой вид, упорно двигаться к цели, тем более что мне теперь уже было все равно, как обращаться к графине, я был уверен, что, единожды взглянув на мой цыганский вид, она тут же отошлет меня домой. Тогда – прощай сова, прощай библиотека! «Какой же я болван! – думал я с горечью. – Шел бы пешком, не доверялся бы этой безмозглой твари! Ишь, уши торчат как камыши!»

Но ослица по-прежнему трусила быстрым шажком, и вскоре мы добрались до цели. Вилла графини лежала среди оливковых рощ, а подъезд к ней был обсажен высокими зелеными, с розовыми стволами эвкалиптами. Въезд в аллею был обозначен двумя колоннами, на которых громоздились два белокрылых льва, презрительно взглянувшие на нас с Салли, когда мы протрусили мимо. Дом, выстроенный квадратом, с внутренним двориком, был огромен. Когда-то он был любовно окрашен густой венецианской красной краской, но со временем поблек до бледно-розового; штукатурка потрескалась и кое-где облупилась, и я заметил, что на крыше недоставало многих черепиц. Под карнизами приютилось столько ласточкиных гнезд, сколько я никогда прежде не видывал в одном месте, но теперь они опустели и выглядели словно маленькие заброшенные коричневые печки.

Я привязал ослицу к подходящему дереву и направился к воротам, которые вели в центральный патио «Патио (исп.) – внутренний дворик.». Я потянул за свисавшую заржавленную цепь, и тут же откуда-то из глубин дома до меня донесся жалобный звон колокольчика. Я терпеливо подождал несколько времени и уже собрался позвонить снова, как вдруг массивные деревянные двери отворились.

На пороге стоял мужчина, который поглядел на меня в точности как бандит на жертву. Он был высоким и могучим, с огромным ястребиным носом, пышными седыми усами и целой гривой курчавых седых волос. На нем были алая феска, широкая белая рубаха, роскошно расшитая золотыми и алыми нитями, черные шаровары и на ногах чарыки с загнутыми кверху носами и огромными красно-белыми помпонами. Его смуглое лицо изобразило улыбку, и тут я заметил, что у него все зубы золотые. Точно на монетном дворе.

- Кирие Даррелл? - спросил он. - Милости просим.

Я последовал за ним через патио, в котором было немало магнолий и запущенных зимних клумб, и вошел в дом. Он провел меня по длинному коридору, облицованному голубой и алой плиткой, толкнул дверь и ввел в огромную мрачную комнату, все стены которой - от пола до потолка - были заняты книжными полками. В одном углу находился камин, в котором шипели и потрескивали язычки пламени. Над камином висело огромное, почерневшее от времени зеркало в золотой раме. Перед камином на длинной кушетке, почти затерявшись среди разноцветных шалей и подушечек, возлежала сама графиня.

Сказать по совести, я представлял ее совершенно другой. Я воображал ее высокой, сухопарой и весьма строгой, но когда она встала и танцующим шагом направилась ко мне, я увидел, что она малорослая, тучная, с ямочками на щеках цвета розовых бутонов. Ее медовые, высоко взбитые волосы образовывали прическу в стиле помпадур, а глаза под удивленно изогнутыми бровями были зелеными и блестящими, словно незрелые оливки. Она схватила мою ладонь своими маленькими теплыми пухленькими ручками и приложила ее к своей пышной груди.

- Как мило, как мило с твоей стороны, что ты пришел! - воскликнула она музыкальным девичьим

голосом, источая невыносимый аромат пармезанских фиалок пополам с запахом бренди. – Как мило, как несказанно мило! Можно, я буду звать тебя просто Джерри? О да, думаю, что конечно можно. Все друзья зовут меня Матильда... Нет, конечно, это ненастоящее мое имя. Мое настоящее имя Стефани Зиния... Такое неуклюжее! Звучит как название патентованных пилюль! Мне больше нравится Матильда, а тебе?

Я осторожно сказал, что Матильда очень красивое имя.

– О да! Такое уютное старомодное имя! Имена так много значат, как по-твоему? Ну, вот он, например, – сказала графиня, указывая на мужчину, который привел меня сюда, – называет себя Деметриос. А я зову его Мустафой.

Она бросила взгляд на мужчину и затем наклонилась – в результате чего я чуть не задохнулся от аромата фиалок пополам с бренди – и неожиданно прошептала по-гречески:

– Он незаконнорожденный турок. Тут лицо мужчины побагровело, усы его ошетинились, отчего он стал еще более походить на бандита.

– Я не турок, – прорычал он. – Вы лжете!

– Вы турок, и зовут вас Мустафа, – возразила графиня.

– Я... не... я... не... – прошипел тот, вне себя от ярости. – Вы лжете!

– Нет!

– Да!

– Нет!

– Да!

– Я не лгу!...

– Вы... наглая старая лгунья.

– Ах, старая! – завизжала она и тоже побагровела. – Ты смеешь называть меня старой... ты... ты... турок!

- Вы старая и жирная, - холодно сказал Деметриос-Мустафа.

- Ну, это уже слишком! - возопила графиня. - Старая... жирная... Нет, это слишком! Ты уволен! Вот расчет за месяц, и убирайся сейчас же вон, незаконнорожденный турок!

Деметриос-Мустафа держался по-королевски.

- Прекрасно, - сказал он. - Будет ли вам угодно, чтобы я подал напитки и ленч, прежде чем уйти?

- Конечно, - ответила она.

Деметриос-Мустафа молча пересек комнату и вынул из стоявшего за софой ведерка со льдом бутылку шампанского. Он открыл ее и налил в три бокала шампанского пополам с бренди. Вручив по стакану мне и графине, он поднял стакан сам.

- А теперь я предлагаю тост, - торжественно сказал он, обратясь ко мне, - за здоровье толстой старой лгуньи...

Вот тут я был загнан в тупик. Если бы я выпил, получилось бы, что я разделяю его мнение относительно графини, а это, согласитесь, было бы не очень-то вежливо; а если бы я не выпил, он бы, чего доброго, мог нанести ущерб моему здоровью. Видя мои колебания, графиня, к моему удивлению, радостно захихикала, и очаровательные ямочки на ее пухленьких щечках сделались еще глубже.

- Не дразни нашего гостя, Мустафа. Но хочу отметить, что тост прозвучал эффектно, - сказала она, заглатывая содержимое своего бокала.

Деметриос-Мустафа улыбнулся мне, и отблески пламени засверкали на его золотых зубах.

- Пейте, кирие, - сказал он. - Не обращайтесь на нас внимания. Она только и живет ради того, чтобы есть, пить да склочничать, а мое дело - все это ей обеспечивать.

- Чушь, - сказала графиня и, схватив меня за руку, повлекла за собою на софу; я почувствовал, будто уткнулся в маленькое пухленькое розовое облачко. - Чушь. Я живу ради многого, очень многого. Послушай-ка, выпивоха, хватит потреблять хозяйские напитки. Пойди-ка займись едой.

Деметриос-Мустафа осушил бокал и вышел из комнаты, а графиня, по-прежнему восседая на софе, прижимала к себе мою руку и лучезарно улыбалась.

- Ну, вот мы и одни, - сладостным голосом сказала она. - Как уютно! Скажи, ты всегда ходишь таким грязнулей?

Я торопливо и смущенно рассказал ей, как свалился с ослицы.

- Так ты приехал сюда на ослице, - произнесла она, словно потрясенная столь экзотичным способом передвижения. - Как мудро с твоей стороны! Я сама не доверяю машинам - шумные, своенравные. Ненадежные. Помню, была у нас одна, еще когда был жив мой муж, такая большая, желтая. Но, милый мой, какая же она была строптивая! Она повиновалась только моему мужу, а меня совершенно не слушалась. Однажды, как я ни пыталась остановить ее, она нарочно въехала задом в большой лоток с овощами и фруктами, а затем выехала на набережную - и в воду. Выйдя из больницы, я сказала мужу: «Анри, - сказала я, это у него имя такое было - Анри, не правда ли, какое милое буржуазное имя?... На чем же это я остановилась? Ах да. На том, что его звали Анри. Так вот. Анри, - сказала я, - давай избавимся от этой зловредной машины. По-моему, в нее вселился нечистый дух. Ты должен продать ее». Так он и поступил.

Между тем под действием выпитого на пустой желудок шампанского пополам с бренди, да еще в уютном тепле камина я совершенно разомлел. У меня

слегка кружилась голова, я все кивал и улыбался графине, не перестававшей щебетать:

- Мой муж был очень, очень культурный человек, поверь мне. Он собирал книги, знаешь ли. А еще он собирал картины, марки, пробки от пивных бутылок и вообще разные такие культурные вещи. Перед самой смертью он принялся собирать бюсты Наполеона. Ты бы очень удивился, если бы узнал, сколько же понаделали бюстов этого ужасного маленького корсиканца! Мой муж успел собрать их пятьсот восемьдесят два! «Анри, - сказала я ему. - Анри, хватит! Или ты перестанешь собирать бюсты Наполеона, или я тебя брошу и уеду на остров Святой Елены!» Боже! Это была только шутка. Только шутка! И знаешь, что он мне ответил? Он сказал, что подумывает провести отпуск на Святой Елене... со всей своей коллекцией бюстов! Боже мой, какая одержимость! С ней можно только родиться! Я понимаю, стремиться к культуре можно и даже нужно, но нельзя же быть таким одержимым ею!

Тут Дементиос-Мустафа появился вновь, наполнил нам бокалы и сказал:

- Еда будет готова через пять минут.

- Мой милый, он был, можно сказать, маниакальным коллекционером. Я трепетала, когда видела этот фанатичный блеск в его глазах. Как-то на ярмарке он увидел зерноуборочный комбайн, и как же заблестели его глаза в этот момент! Но я заступила ему дорогу. «Анри, - сказала я, - Анри, мы не станем коллекционировать зерноуборочные комбайны! Если уж ты не можешь без этого обойтись, так почему бы не собирать что-нибудь стоящее... Драгоценные камни или меха, например...» По-твоему, я обошлась с ним слишком сурово? А что мне было делать, милый? Если бы я позволила себе хоть минутную слабость, он бы мне весь дом превратил в гараж сельхозтехники!

Дементиос-Мустафа вернулся вновь.

- Еда готова, - сказал он. Не переставая щебетать, графиня повела меня за руку по выложенному плиткой коридору, а затем вниз по скрипучей деревянной лестнице, в подвал, где находилась кухня. На нашей вилле кухня тоже была большая, но по сравнению с кухней графини она казалась просто крошкой. Эта кухня была облицована камнем, а в одном из углов на горящих древесных угольях булькала, облизываемая языками пламени, целая армада котлов. По стенам была развешена масса самых разнообразных кастрюль, чайников, сковородок, кофейников, огромных подносов и половников. Все это сверкало, отражая розово-красные языки пламени, мерцая и мигая словно жуки-скакуны. Посредине располагался двенадцатифутовый обеденный стол из прекрасного отполированного орехового дерева. На нем стояли приборы на две персоны с белоснежными салфетками и лежали до блеска начищенные ножи. В центре стола высились два гигантских серебряных канделябра, и над каждым вздымался целый лес зажженных свечей. Такое сочетание кухни и столовой показалось мне довольно-таки странным. Воздух был жарко натоплен и напоен таким букетом самых изысканных ароматов, что они почти заглушали букет ароматов, исходивших от графини.

- Надеюсь, ты не будешь против, если мы отобедаем на кухне? - спросила графиня таким тоном, будто обед в столь скромной обстановке заключал в себе нечто унижительное.

Я сказал, что обедать лучше всего именно в кухне, особенно зимой: в кухне ведь теплее.

- Совершенно справедливо, - сказала графиня, усаживаясь в кресло, которое подал ей Деметриос-Мустафа. - Видишь ли, если мы едим наверху, этот старый турок вечно ворчит, что ему далеко ходить.

- Не далеко ходить, - сказал Деметриос-Мустафа, наливая нам в стаканы бледного золотисто-зеленого вина, - а много таскать! Не ела бы столько, было бы еще куда ни шло.

- Ну, хватит жаловаться, подавай-ка лучше на стол, - жалобным тоном сказала графиня, аккуратно завязывая салфетку под подбородком, украшенной ямочкой.

Шампанское пополам с бренди разморило меня окончательно, к тому же я почувствовал зверский голод. Я с тревогой оглядел огромное количество ложек, ножей и вилок, обрамлявших мою тарелку, ибо не был уверен, с какой из них начинать. Я помнил наставление мамы - начинай с той вилки или ложки, что с краю, но мне было по-прежнему неловко. Я решил подождать и посмотреть, в какой последовательности будет применять вилки и ложки сама графиня, и последовать ее примеру. Решение оказалось не слишком мудрым: я вскоре обнаружил, что графиня пользуется всяким и каждым ножом, вилок и ложкой, не обделяя вниманием ни один прибор, и вскоре я так запутался, что начал поступать так же.

Первым блюдом, которое Деметриос-Мустафа водрузил на стол, был роскошный прозрачный суп, подернутый маленькими золотыми блестками жира; по поверхности плавали крохотные, размером с ноготь, гренки, словно хрустящие плотки по янтарному морю. Суп был необычайно вкусен, и графиня попросила добавки, похрустывая гренками с таким звуком, будто кто-то ступал по сухой, подмерзшей листве. Деметриос-Мустафа налил нам бледного мускусного вина и поставил перед нами большое блюдо мелких жареных золотисто-коричневых рыбешек. Засим последовало большое блюдо нарезанных ломтиками желто-зеленых лимонов и соусница, до краев наполненная неизвестным мне экзотическим соусом. Графиня взяла

целую тарелку рыбешек, обильно полила их соусом и щедро побрызгала лимонным соком и рыбешек, и стол, и себя. Она взглянула на меня – лицо ее стало темно-розовым, а на лбу, словно бусины, выступили капельки пота. Ее достойный уважения аппетит, однако, ничуть не укоротил ей язык – она, как и прежде, не уставала щебетать:

– Разве тебе не нравятся эти рыбешечки? По-моему, они просто восхитительны! Жаль, конечно, что им суждено было погибнуть в столь юном возрасте и оказаться на нашем обеденном столе, но что поделать – мне так приятно есть их целиком, не думая при этом о костях! Такое облегчение! А то знаешь, моему мужу Анри однажды взбрело в голову коллекционировать скелеты. Милый мой! Дом стал выглядеть как самый настоящий морг, и запах стоял, хоть убегай! «Анри, – сказала я, – остановись! У тебя какая-то нездоровая страсть к смерти! Ты должен показаться психиатру».

Деметриос-Мустафа убрал со стола опустевшие тарелки, налил нам красного, словно кровь из сердца дракона, вина, а затем поставил перед нами блюдо, на котором лежали бекасы – их головы были переплетены так, будто они готовились проколоть друг друга своими длинными клювами, а пустые птичьи глазницы смотрели на нас с осуждением. Они были поджаристыми и сочными, и рядом с каждым лежал квадратный хрустящий хлебец. Бекасы возлежали в окружении тонких ломтиков подрумяненной картошки, похожих на осенние листья, бледных зеленоватых стеблей спаржи и зеленого горошка.

– Никак не пойму этих вегетарианцев, – сказала графиня, старательно колошматя вилкой по бекасиному черепу, желая раскрыть его, чтобы добраться до мозга. – Поверишь ли? Мой Анри раз пытался стать вегетарианцем. Я не могла этого вынести! «Анри, – сказала я, – прекрати! У нас в погребе столько еды, что

хватит прокормить целую армию, не могу же я съесть все это в одиночку!» Представь себе, милый, буквально накануне я заказала две дюжины зайцев! «Анри, – сказала я, – ты должен выбросить эту глупость из головы».

У меня создалось впечатление, что Анри, будучи довольно беспокойным мужем, однако, влачил жизнь, полную разочарований.

Деметриос-Мустафа убрал со стола остатки бекасов и налил нам еще вина. Я чувствовал, что лопаюсь от еды, и лелеял надежду, что впереди осталось не слишком много. Но подле моей тарелки по-прежнему оставалась целая армия неиспользованных ножей, ложек и вилок, и я с тревогой заметил, как Деметриос-Мустафа несет из мрачных глубин кухни еще одно огромное блюдо.

– А! – сказала графиня, в волнении вздымая свои пухлые ручки. – Вот и коронное блюдо! Что же это, Мустафа, что это?

– Мясо дикого кабана, которого прислал Макрояннис, – сказал Деметриос-Мустафа.

– О, дикий кабан! Дикий кабан! – взвизгнула графиня, охватив свои пухленькие щечки столь же пухленькими ладошками. – Какая прелесть! Я совсем о нем забыла! Надеюсь, ты любишь мясо дикого кабана?

Я ответил, ничуть не покривив душой, что это одно из моих любимых блюд, только на сей раз я съел бы совсем чуточку.

– Да, конечно, конечно, – сказала она, склоняясь над огромным бурым, сверкающим под соусом куском мяса, и принялась резать его на толстые розовые ломти. Три из них она положила мне на тарелку – очевидно считая, что это по любым меркам крошечная порция, – и принялась украшать всяческими гарнирами. Она укладывала горками маленькие золотистые грибочки лисички с почти винным ароматом; визигу в сметане и с

каперсами; запеченные в мундире картошины, нарезанные ломтями и обильно приправленные сливочным маслом; красные, словно солнце морозным утром, морковины и толстые стрелки лука-порея, залитые сливками. Наблюдая за тем, как она колдует над моей тарелкой, я потихоньку расстегнул три верхние пуговицы своих шорт.

– Пока был жив Анри, мы частенько едали кабанину! Он, видишь ли, ездил в Албанию и стрелял их там.

А теперь... Так редко удается отведать кабана! Какая жалость! Хочешь еще грибов? Нет? С тебя достаточно? Тоща сделаем небольшой перерыв. Я всегда думала, что перерыв необходим для доброго пищеварения, – сказала графиня и наивно добавила:

– А главное, после этого в тебя больше влезет.

Кабанина, замаринованная в настоянном на травах вине и начиненная зубчиками чеснока, оказалась на удивление ароматной и сочной, но все же я с трудом доел свою порцию. Что же касается графини, то она управлялась с двумя равновеликими по размеру порциями, а затем откинулась на спинку кресла и вытерла пот со лба кружевным платочком, явно для того не приспособленным. Теперь ее лицо приобрело бледный красно-коричневый оттенок.

– Передохнем? – спросила она невнятным голосом и улыбнулась. – Перерыв, чтобы собраться с силами.

Я чувствовал, что у меня уже не осталось никаких сил, но вслух этого, естественно, не высказал. Я кивнул и улыбнулся в ответ, а сам незаметно расстегнул оставшиеся пуговицы на шортах.

Во время перерыва графиня курила длинную тонкую сигару и баловалась солеными орешками, не переставая болтать о своем муже. Перерыв пошел мне на пользу – я немного стряхнул с себя дрему, а главное, частично переварил съеденное. Когда графиня сочла, что наши внутренние органы получили достаточное

отдохновение, она велела нести следующее блюдо, и Деметриос-Мустафа поставил на стол две – к счастью маленькие! – порции сочного омлета с начинкой из крохотных розовых креветок и с хрустящей коричневой корочкой.

– А что ты приготовил на сладкое? – спросила графиня, набив рот омлетом.

– Я вовсе не готовил сладкого, – сказал Деметриос-Мустафа.

Глаза у графини сделались круглыми.

– Ты не приготовил десерт?! – В ее голосе слышался такой ужас, будто Деметриос-Мустафа сознался в смертном грехе.

– У меня не было времени, – сказал тот. – Вы что же думаете, что я и готовить буду, и всю работу по дому делать?

– Ну как же без сладкого? – с отчаянием произнесла графиня. – Обед же не бывает без сладкого!

– Ну, я купил меренги, – сказал Мустафа. – Обойдетесь ими.

– О, какая прелесть! – воскликнула графиня, снова сияя от счастья. – Это то, что нам нужно.

Как раз мне это было меньше всего нужно. Меренги были крупными, белыми, хрупкими, как кораллы, и сверх всякой меры начинены сливками. О, как бы я хотел, чтобы мой верный Роджер был со мною! Тогда я мог бы скидывать ему под стол половину содержимого моих тарелок, потому что графиня, увлеченная едой и воспоминаниями, почти не обращала на меня внимания.

– Ну как, – наконец сказала она, проглотив последний кусок меренги и стряхнув белые крошки с подбородка, – теперь ты сыт? Или желаешь еще чего-нибудь? Может, каких-нибудь фруктов? Редкая вещь в это время года – фрукты!

– Да нет, спасибо. С меня вполне достаточно. Графиня вздохнула и томно поглядела на меня. Я

чувствовал, что ничто не доставило бы ей большего удовольствия, чем скормить мне еще две-три порции чего-нибудь.

- Ты мало ешь, - заметила она. - Такому, как ты, растущему мальчику следовало бы есть побольше. Ты выглядишь слишком худым для своего возраста. Что ж, мама тебя не кормит?

Я представил себе, как бы разгневалась мама, если бы услышала эту инсинуацию. Я сказал, что моя мама превосходно готовит и кормит нас по-королевски.

- Отрадно слышать, - сказала графиня, - но, с моей точки зрения, ты выглядишь несколько изможденным.

Я сам так не считал, и единственным основанием для такого суждения могло послужить то, что мой желудок возмущался количеством ввалившейся в него пищи. Я сказал как можно вежливее, что мне пора домой.

- Конечно, милый, - сказала графиня. - О, уже четверть пятого! Как быстро летит время!

Она вздохнула при этой мысли, но тут же заметно просветлела.

- Однако уже время пить чай. Ты уверен, что не хочешь посидеть еще и чего-нибудь перекусить?

Я отказался, мотивируя тем, что мама будет беспокоиться.

- Итак, - сказала графиня, - напомни-ка, за чем ты пожаловал? Ах да, за совой. Мустафа, принеси-ка мальчику сову, а мне чашечку кофе да каких-нибудь турецких сладостей. Отнесешь наверх, в комнату.

Мустафа вынес перевязанную бечевкой картонную коробку и вручил ее мне.

- Не открывай, пока не доберешься домой. Она дикая. Мысль о том, что, если я не потороплюсь с отъездом, графиня попросит меня откусать еще и восточных сладостей, повергла меня в ужас. Я искренне поблагодарил обоих за сову и направился к выходу.

- Что ж, - сказала графиня, - мне было так приятно посидеть с тобой, несказанно приятно. Приезжай еще. Приезжай весной или летом, когда побогаче выбор фруктов и овощей. Мустафа научился так ловко готовить осьминогов, что они просто тают во рту.

Я ответил, что мне будет очень приятно приехать вновь, а сам подумал, что перед визитом, пожалуй, придется денька три поголодать.

- Вот, - сказала графиня, сунув мне в карман апельсин, - возьми на дорожку. Вдруг проголодаешься в пути.

Когда же я взгромоздился на Салли и выехал на дорогу, графиня крикнула мне вслед:

- Будь осторожнее!

С кислой миной на лице я сидел на ослице, прижимая к груди коробку с совой, пока мы наконец не выехали за ворота усадьбы. Трусить верхом после всего пережитого - нет, это было уже слишком! Я слез с ослицы, зашел за старую оливу и с наслаждением, полновесно извергнул из себя все съеденное.

Добравшись домой, я отнес сову к себе в спальню, развязал коробку, вытащил сову и посадил на пол. При этом она отчаянно вырывалась и щелкала клювом. Собаки, собравшиеся в кружок посмотреть на прибавление моего семейства, тут же ретировались. Они знали, что может натворить Улисс в дурном настроении, а эта птица была раза в три крупнее. Впрочем, по моему мнению, эта сова была одним из самых красивых пернатых, которых я когда-либо видел. Оперение на спине и крыльях было золотистым, словно медовые соты, с бледными пепельно-серыми пятнами; на белоснежной, словно сливки, груди ни единой отметины, а огромные, чем-то похожие на восточные, глаза окаймляла маска из белых перьев, выглядящая чопорно, как круглый плоеный воротник елизаветинской эпохи.

Крыло моей новой питомицы оказалось не в столь плачевном состоянии, как я думал. Перелом был легким, и после получасовой борьбы, в ходе которой она умудрилась несколько раз прокусить мне руку до крови, я, к своему удовлетворению, наложил на него шину. Сова, которую я решил назвать Лампадуза (просто потому, что мне нравилось это имя), похоже, была упоена своей победой над собаками, ни за что не хотела подружиться с Улиссом, а уж на Августуса Почешибрюшко и вовсе смотрела с нескрываемым презрением. Подумав, что ей лучше побыть, пока не привыкнет, где-нибудь в темном укромном месте, я отнес сову на чердак. Там была малюсенькая каморка с единственным крохотным окошком, которое так заросло пылью и паутиной, что сквозь него едва проникал свет. В каморке было спокойно и сумрачно, как в пещере, и я подумал, что уж здесь-то Лампадуза быстро пойдет на поправку. Я посадил птицу на пол, поставил перед нею большое блюдо с мелко крошеным мясом, а уходя, надежно запер дверь, чтобы сову никто не потревожил. Когда я пошел навестить ее перед сном, прихватив в подарокдохлую мышь, я нашел, что моя гостья чувствует себя куда лучше. Она склевала большую часть мяса и теперь шипела и щелкала на меня, хлопая крыльями, сверкая глазами и прыгая по полу. Обрадованный столь очевидным прогрессом, я оставил ей мышь и отправился в постель.

Через несколько часов меня разбудили голоса, доносившиеся из маминой комнаты. Удивленный, что же такое могло случиться, отчего семья в эту пору на ногах, я высунул голову из двери спальни и прислушался.

- Ей-богу, - слышался голос Ларри, - это полтергейст!

- Это не может быть полтейгейст, милый, - ответила мама. - Полтергейсты ведь швыряются вещами.

- Кто бы там ни был, но он звенит цепями, - сказал Ларри, - и его нужно изгнать. По-моему, вы с Марго самые крупные специалисты по потустороннему миру. Так что отправляйтесь наверх и изгоняйте.

- Не пойду! - дрожащим голосом сказала Марго. - Мало ли что там такое. Вдруг там очень, очень зловредный дух?

- Он чертовски зловредный, - сказал Ларри, - целый час мне не дает заснуть.

- А может, это просто ветер или что-нибудь в этом роде, милый? - спросила мама.

- Что-что, а отличить ветер от неприкаянного духа, гремящего цепями и ядрами, я уж как-нибудь сумею, - заявил Ларри.

- А может, это воры? - молвила Марго, пытаюсь взбодрить саму себя. - А может, это воры и следует разбудить Лесли?

Полусонный и слегка заторможенный - сказывалось все еще действие выпитого накануне спиртного, - я никак не мог сообразить, о чем толкуют мои домочадцы. Однако звучало интригующе, впрочем, как и всегда - во всех подобных ситуациях, которые столь мастерски создавали мои домашние в самые неподходящие часы дня и ночи, - а потому я отправился к маминой комнате и заглянул внутрь. Ларри расхаживал по комнате, шурша по полу ночным халатом, словно королевской мантией.

- Надо что-то предпринять, - сказал он. - Я не могу спать, когда у меня над головой гремят цепями. А раз я не могу спать, я не смогу писать.

- Я никак не возьму в толк, чего же ты ожидаешь от нас, милый? - спросила мама. - Уверяю тебя, это всего-навсего ветер.

- Да, правда, почему ты ждешь, что это мы туда отправимся и наведем порядок? - подхватила Марго. - Ты мужчина, ты и иди.

- Послушай, - сказал Ларри, - не ты ли вернулась из Лондона вся в эманациях <Эманация - здесь: психофизические излучения тела, напри мер, медиума на спиритическом сеансе> и с разговорами о Бесконечном?

Не удивлюсь, если какое-нибудь дьявольское создание из тех, что ты вызвала на одном из своих сеансов, притащилось за тобой сюда. А следовательно, это кто-то из твоих любимчиков! Вот иди и разбирайся с ним.

Слова «это кто-то из твоих любимчиков» проникли мне в душу. Неужели это Лампадуза? У сипух, как и у любых других сов, крылья мягкие, как пушинки одуванчика. Неужели это она грохочет, будто ядро на цепи?

Я вошел в комнату и полюбопытствовал, о чем это они тут говорят.

- Это всего-навсего привидение, милый, - утешала меня мама. - Ларри обнаружил привидение.

- Оно там, на чердаке, - взволнованно сказала Марго. - Ларри думает, что оно прилетело за мною из Англии. А вдруг это Меуэйк?

- Мы не станем больше к этому возвращаться, - твердо сказала мама.

- Как зовут твоего дружка с того света, меня совершенно не волнует, - сказал Ларри. - Я требую, чтобы его убрали.

Я сказал, что такое вряд ли возможно, но это может быть Лампадуза.

- А что это? - полюбопытствовала мама.

Я объяснил, что это сова, которую мне подарила графиня.

- Я должен был догадаться, - сказал Ларри. - Я должен был догадаться. И как это я раньше не сообразил? Не понимаю.

- Ну успокойся, успокойся, милый, - сказала мама. - Это всего-навсего сова.

- Всего-навсего сова! - воскликнул Ларри. - Она шумит, как будто через чердак ломится целый танковый корпус. Скажи ему, пусть уберет оттуда сову.

Я сказал, что не понимаю, как это Лампадуза может так шуметь, поскольку совы вообще тишайшие создания... Я сказал, что они плывут в ночи на своих бесшумных крыльях словно хлопья пепла...

- Что-то не похоже, чтобы у этой были бесшумные крылья, - сказал Ларри. - Она гремит, как целый совиный джаз-оркестр. Пойди и убери ее вон!

Я тут же схватил лампу и бросился на чердак. Я открыл дверь и сразу понял, в чем дело. Расправившись с мышью, Лампадуза обнаружила, что на блюде еще остался большой кусок мяса, который за длинный жаркий день успел засохнуть и намертво приклеиться к поверхности блюда. Сообразив, что эта легкая закуска будет полезна для подкрепления души и тела и даст возможность дотянуть до зари, Лампадуза пронзила кусок своим кривым острым, цвета янтаря клювом и попыталась отодрать его от блюда. Не тут-то было! Мясо ни за что не поддавалось. Хуже того, не поддавался и сам клюв! Сова, хлопая крыльями, принялась колотить и греметь блюдцем об пол, стремясь освободиться, но безуспешно.

Вытащив совиный клюв из столь необычной ловушки, я принес сову к себе в спальню и водворил ее в картонную коробку. От греха подальше.

Часть четвертая. Кризеда

*А место, доложу я Вам, удивительно
милое!*

*Как мне хочется, чтобы Вы приехали и
посмотрели сами!*

*Если приедете, я бы устроил Вас на
славу да угощал всласть - хотите,
имбирным пивом с креветками,*

А хотите - красным вином с фигами.

Эдвард Лир

Глава девятая. Про ежей и морских волков

Когда наступила весна, мы переселились в новую виллу – элегантную, белоснежную, приютившуюся в тени огромной магнолии посреди оливковых рощ, неподалеку от того места, где находилась наша первая вилла. Новое наше жилище стояло на холме, возвышаясь над огромной плоской местностью, расчерченной, словно гигантская шахматная доска, оросительными каналами, разделяющими поля. Когда-то давно эти каналы служили венецианцам для добычи соли – по ним поступала соленая вода из большого соленого озера, по берегам которого и расположились эти земли. Но озеро давно уже затянуло илом, а каналы наполнились пресной водой, стекающей с холмов, благодаря чему все, что здесь ни посеешь, произрастает пышно. К тому же всяческих зверюшек тут видимо-невидимо, и когда я выходил на ловлю, меня, как правило, ожидала удача.

Весна на Корфу никогда не затягивает с приходом. Казалось, еще накануне властвовали зимние ветры, очищавшие небо от облаков, так что оно становилось синим, как дельфиниум, но вот прошли дожди – и долины заполонило множество диких цветов; розовый оттенок пирамидальных орхидей, золото крокусов, высокие бледные острия златоцветника, голубые глаза гиацинтов смотрят на вас из травы; словно окрашенные вином анемоны склоняются под легким ветерком. Оживают и оливковые рощи, полнящиеся гомоном только что прилетевших птиц, – вот розово-черные удоды с поднятыми, точно от удивления, гребешками пробуют своими длинными кривыми клювами мягкую землю среди пучков изумрудной травы; вот щеглы,

звеня и насвистывая, весело перепрыгивают с ветки на ветку – их оперение отликает золотым, алым и черным. Вода в каналах становится зеленой от водорослей, с которыми переплетаются нити жабьей икры, похожие на ожерелья из черного жемчуга; что-то квакают друг другу изумрудно-зеленые лягушки, а водяные черепахи с черными, как эбеновое дерево, панцирями вылезают на берег, чтобы выкопать ямки и отложить яйца. Тонкие, будто ворсинки, только что вылупившиеся, голубые как сталь стрекозы проносятся сквозь подлесок словно дым, порою внезапно застывая в воздухе. Приходит время, когда по ночам по берегам каналов зажигаются трепещущие зелено-белые огоньки тысяч светлячков, а днем, словно алые фонарики в тени травы, вспыхивают ягоды дикой земляники. Да, это волнующее время – время новых поисков и новых открытий, время, когда, перевернув корягу, находишь под ней всякую всячину: от гнезда мыши-полевки до извивающихся червячков, блестящих, словно вылитых из бронзы.

Как-то раз, когда я носился по полям, пытаюсь поймать несколько коричневых водяных змей, обитавших в оросительных каналах, издали меня окликнула немолодая женщина, которую я немного знал. Стоя по щиколотку в жирном суглинке, она копала в земле мотыгой с широким лезвием на короткой ручке. На ней были неуклюжие чулки из грубой овечьей шерсти, которые крестьяне надевают для работы в поле.

– Скорей сюда! – позвала она. – Я кое-что нашла для тебя!

Добежать быстро было никак невозможно. Каждое поле со всех сторон окружали оросительные каналы, перебежать через которые можно было только по мосткам. Каналов этих было шесть, и поиск мостков через каждый напоминал поиск пути по лабиринту.

- Быстрее! Быстрее! - кричала женщина. - Убегут ведь!

Я несся как угорелый, прыгая и спотыкаясь; перебегая по дощатым мосткам, несколько раз едва не оказался в канаве. Наконец, задыхаясь, я добежал до нее.

- Вот, - показала крестьянка. - Только осторожнее, смотри, укусят!

Она, оказывается, выкопала из земли охапку листьев, в которой что-то шевелилось. Я осторожно разгреб листья ручкой моего сачка для бабочек и, к радости своей, увидел четырех толстеньких новорожденных ежей, розовых, как цикламены, с мягкими белоснежными колючками. Глаза у них еще не прорезались, и они копошились и тыкались друг в друга носами, словно новорожденные поросята.

Я подобрал их, бережно сунул за пазуху и, поблагодарив пожилую женщину, отправился домой. Я очень волновался за своих новых питомцев - ведь они были такими крохотными! У меня уже жили два взрослых ежа, которых я назвал Чесотка и Царапка, прежде всего из-за невероятного количества блох, которые нашли на них приют. Но эти ежи так и не стали по-настоящему ручными. Нет, думал я, детеныши будут совсем другими! Я стану им родной матерью! Я мысленно представил себе, как гордо шествую через оливковую рощу, а передо мной - собаки, Улисс, две сороки, а у самых ног моих четыре ручных ежа, и все обучены разным фокусам!

Вся семья собралась на увитой виноградом веранде, и каждый занимался своим делом. Мама вязала, считая петли то вслух, то про себя, но каждый раз чертыхалась, сбившись в счете. Лесли, сидя на корточках на каменном полу, тщательно взвешивал порох и серебряные шарики дробы и набивал ими красные гильзы. Ларри читал какой-то фолиант и время

от времени раздраженно взглядывал на Марго, которая тоже вязала какое-то просвечивающее изделие, но не на спицах, а на жутко гремучей машине, и при этом напевала, да еще и не в такт, неотвязную песенку, из которой могла вспомнить только одну строчку:

- На ней был любимый жакет голубой, - щебетала она, - на ней был любимый жакет голубой, на ней был любимый жакет голубой, на ней был любимый жакет голубой...

- Слушай! В чем прелесть твоего пения, так это в упрямстве! - сказал Ларри. - Любой другой, поняв, что не в состоянии запомнить простеньких стишков, а те, что помнит, не в состоянии спеть правильно, тут же признал бы свое поражение и замолк бы надолго!

С этими словами он швырнул непогашенный окурок на пол, отчего Лесли буквально взорвался:

- Тут же порох! - прорычал он.

- Лесли, милый, - сказала мама, - не надо так кричать, не то я собьюсь со счета.

Тут я гордо вынул ежей и показал маме.

- Какие лапочки! - сказала она, устремив на них добрый взгляд сквозь очки.

- Так я и знал! Вечно он что-нибудь приволочет! - сказал Ларри, с отвращением разглядывая моих розовых питомцев в белых, словно меховых, шкурках. - И что сие значит? - спросил он.

Я объяснил, что это новорожденные ежи.

- Да ну! - сказал он. - Ежи ведь бурые. Полная непосвященность моей семьи в жизнь окружающего мира всегда была для меня предметом беспокойства, и я никогда не упускал возможности просветить их. Я объяснил, что если бы ежата рождались с уже твердыми колючками, их мамаша испытывала бы при этом невероятные мучения, и поэтому ежата появляются на свет с крохотными, мягкими, как резина, белыми иголочками, которые с легкостью можно

согнуть пальцами, точно перышки. И только потом, когда ежата подрастают, колючки темнеют и твердеют.

- Так как же ты собираешься кормить их, милый? У них же такие крохотные ротки! - сказала мама. - Они ведь питаются, наверное, только молоком!

Я ответил, что видел в городе, в магазине, детский набор игрушек - приданое для кукольных младенцев. В него входило немало ненужных вещей, как-то: целлулоидная кукла, пеленки, ночной горшочек и прочие причиндалы, но была одна вещь, которая привлекла мое внимание, а именно миниатюрная бутылочка с набором крошечных красных сосок. Вот она-то, сказал я, идеально подходит для кормления новорожденных ежат. Что же касается куклы, ночного горшочка и прочего, то их можно будет отдать какому-нибудь достойному деревенскому ребенку. Да вот беда - я израсходовал все свои карманные деньги на бесценные для меня материалы, в частности, на проволоку для сорочьей клетки.

- Ну, милый, - с сомнением в голосе произнесла мама, - если набор не слишком дорогой, я тебе, пожалуй, куплю.

Я заявил, что он стоит вовсе не дорого - вовсе даже наоборот, затраты можно рассматривать как ценное вложение капитала. Ведь остается бутылочка, с помощью которой можно вскормить не только ручных ежей, но в будущем и других животных. А ребенок, которому мы отдадим ненужные вещички, будет перед нами в неоплатном долгу - за куклу или ночной горшочек сколько хочешь зверушек наловит! Мои слова так тронули маму, что набор тут же и купили. Милая сельская девчонка, которая мне очень нравилась, радостно принесла в дар куклу, пеленки и все прочее, а я приступил к выполнению сурового долга - выкармливанию ежей.

Они жили у меня под кроватью в большой картонной коробке, наполненной ватой, а ночью, чтобы им было тепло, я ставил коробку на водяную грелку. Я хотел укладывать их с собой в постель, но мама заметила, что это не только негигиенично, но и небезопасно: повернувшись во сне, я мог бы раздавить их. Оказалось, что охотнее всего они пьют разведенное коровье молоко, которым я и кормил их аккуратно три раза в день и один раз ночью. С ночными кормлениями вышли небольшие трудности – чтобы не просыпаться, я одолжил у Спино большой жестяной будильник. Ровно в два часа ночи он принимался греметь так, будто в комнате шла смертельная схватка на шпагах, и, к несчастью, пробуждался не только я, но и вся семья. Гнев домочадцев по этому поводу был столь велик, что мама выступила с предложением: усиленно кормить детенышей вечером, а ночью спать спокойно. На том и порешили, а ежата подрастали и процветали как ни в чем не бывало. У них прорезались глаза, колючки из белоснежных стали серыми и затвердели. Теперь ежата, как я и предполагал, осознали, что я был их родной матерью, и стоило мне снять крышку, как они с фырканьем и хрюканьем спешили к краю коробки, отталкивая друг друга, соревнуясь за право первым схватить соску. Я гордился ими и уже мечтал о том счастливом дне, когда они побегут за мною вслед через оливковую рощу.

Но дальше случилось вот что. Наши друзья пригласили меня и маму провести выходные у них на южной оконечности острова, и я оказался в затруднительном положении. С одной стороны, я стремился туда, к песчаным южным берегам, где на мелководье можно славно поохотиться на сердцевидных морских ежей, которые выглядят, надо сказать, почти как новорожденные земные ежата. Они имеют форму сердца и покрыты мягкими колючками,

формирующими с одного конца хвост с хохолком, а вдоль спины у них колючий узор, похожий на головной убор краснокожих индейцев. Я когда-то нашел одного, однако он был так покалечен прибором, что с трудом можно было понять, что же это такое. Но я узнал от Теодора, что на юге острова их можно в изобилии отыскать на глубине двух-трех дюймов под слоем песка. Но на кого бросить моих питомцев? С собою я их забрать не мог, а мама тоже ехала со мной и, естественно, взять на себя заботы о них не могла. У меня не оставалось никого, кому бы я мог их доверить.

- Я позабочусь о них, - предложила Марго. - Они же такие миленькие!

Я заколебался. Понимает ли она все хитрости обхождения с ежатами? Ну, хотя бы то, что ватную подстилку в коробке нужно менять три раза в день. Или то, что переваривать они могут только коровье молоко. Что это самое молоко нужно нагревать только до температуры тела и не более. И, самое главное, дойдет ли до нее, что в каждое кормление им нужно давать только половину бутылочки? Потому что я убедился на собственном опыте, что если давать им молока вволю, то они будут напиваться до коматозного состояния, и в результате ватную подстилку придется менять в лучшем случае через каждые полчаса.

- Ну и глупый же ты, - сказала Марго. - Конечно же я пригляжу за ними. Я знаю толк в младенцах. Значит, так: напиши на листе бумаги, что я должна делать, и все будет в порядке!

Марго так разобиделась на меня за мое недоверие, что в конце концов я скрепя сердце уступил. Я попросил Лар-ри, пользуясь тем, что он в хорошем настроении, отпечатать на машинке подробнейшую инструкцию, что должны делать и чего не должны делать воспитатели ежей, и дал Марго практический курс подогрева молока и смены ватной подстилки.

- По-моему, они жутко голодные, - говорила она всякий раз, когда из коробки доносилось чье-нибудь хрюканье или фыркание, и тут же совала соску в ищущий, алчущий ротик.

- Они всегда такие. Не обращай внимания, они просто жадные.

- Бедняжки! - сказала Марго. Это было предупреждением. Мне бы внять! Отдых оказался восхитительным. Правда, загорел я плохо, потому что слабое весеннее солнце лишь вводит в заблуждение, зато, ликуя, привез восемь сердцевидных морских ежей, четыре редкостные раковины, каких не было у меня в коллекции, и одного птенца-воробышка, выпавшего из гнезда. Едва только я оказался у ворот виллы, как меня тут же приветствовали лаем собаки и принялись обнюхивать и лизать, как они, впрочем, поступали со всяким из домочадцев, кто отсутствовал более двух часов. Я тут же нетерпеливо задал вопрос Марго, как там ежата.

- Теперь-то нормально, - сказала она, - а то, по-моему, ты решил их уморить. Они так изголодались!

Слушая сестру с замиранием сердца, я чувствовал, что ноги у меня подкашиваются.

- Они с таким аппетитом едят, лапочки! Знаешь, они выпивают по две бутылочки за каждое кормление!

Я в ужасе бросился в спальню и вытащил из-под кровати коробку. Так и есть: в ней лежали четыре моих ежонка, объевшиеся без всякой меры. Желудки у них раздулись до того, что они могли едва-едва шевелить ножками, а уж о том, чтобы сделать хоть шаг, не могло быть и речи. Они превратились в розовые бурдючки с колючками, полные молока. Ночью все четверо поотдавали концы, и Марго долго и безутешно рыдала над взбухшими от молока безжизненными тельцами. Но скорбь сестрицы вовсе не доставляла мне радости: я горевал от мысли, что никогда не услышу,

как мои питомцы послушно семенят за мною по оливковой роще. В назидание своей сестре, слишком потворствовавшей лакомкам, я выкопал в саду четыре могилки, водрузил над ними четыре крестика на вечную память и четыре дня не разговаривал с Марго.

Впрочем, мой траур по ежатам продолжался недолго: как раз тогда с триумфом вернулись на тридцатифутовой яхте Дональд и Макс, и Ларри ввел в наш круг капитана Крича.

Мы с мамой очаровательно провели день в оливковой роще – она собирала дикие цветы и травы, а я ловил только что вылупившихся бабочек. Усталые, но счастливые возвращались мы на виллу попить чаю. Но как только вилла оказалась в пределах нашей видимости, мама вдруг замерла на месте как вкопанная.

– Кто это сидит у нас на веранде? – спросила она. Я в это время занимался тем, что бросал палки собакам, так что до меня не сразу дошло, о чем она спрашивает. Присмотревшись, я увидел на веранде странную фигуру в мятых парусиновых штанах.

– Так кто бы это мог быть? Не видишь? – взволнованно продолжала мама.

В это время она жила в страхе, что управляющий банком, где были наши вклады, вот-вот нагрянет на самолете из Англии на Корфу из-за нашего превышения кредита. Вид незнакомой фигуры на веранде усугубил ее опасения.

Я тщательно рассмотрел чужака. Он был почтенного возраста, почти совершенно лысый, а те жалкие волосинки, что украшали заднюю часть его черепа, были длинными и тонкими, как пушок семян чертополоха на закате лета. У него были также одинаково неопрятные борода и усы. В общем, оценив его внешний вид, я заверил маму, что этот странный гость никак не может быть управляющим банка.

- Боже мой, - разволновалась мама, - у нас гость, а у меня абсолютно ничего нет к чаю. Но кто бы это мог быть?

Между тем гость, который сладко посапывал на веранде, вдруг проснулся, едва мы приблизились, и уставился на нас.

- А-а! - внезапно вскричал он, да так, что мама споткнулась и едва не упала. - А-а! Так вы, насколько я понимаю, мамаша Даррелл, а этот отрок, по всей видимости, ваш сын! Ларри мне все про вас рассказал! Ну что ж, добро пожаловать на борт!

- Боже мой, - прошептала мне мама, - это опять кто-то из Ларриной компании.

Когда мы подошли ближе, я смог разглядеть более чем экстравагантное лицо гостя. Оно было пунцовым и покрыто мясистыми наростами, отчего походило на грецкий орех. Что же касается его носа, то, по всей видимости, в какой-то момент жизни он получил столько могучих ударов, что теперь свесился, словно змея. Его челюсть, как видно, разделила ту же судьбу и была скошена набок, как если бы была привязана к мочке уха невидимой нитью.

- Рад видеть вас, - заявил гость таким тоном, будто это он был хозяином виллы. - Мать, да ты, оказывается, ничего деваха! И выглядишь лучше, чем рассказывал твой сын.

Мама остолбенела и выронила один анемон из букета, который держала в руках.

- Да, - молвила она с холодным достоинством, - я миссис Даррелл, а это мой сын Джеральд.

- Моя фамилия Крич, - сказал старик. - Капитан Патрик Крич. - Он сделал паузу и аккуратно и смачно сплюнул через перила веранды прямо на любимую мамину клумбу с цинниями. - Ну так что ж? Добро пожаловать на борт! - повторил он, излучая радушие. - Рад познакомиться!

Мама нервозно прокашлялась.

- Мой сын Лоренс здесь? - спросила она, принимая мелодичный, аристократический тон, которым пользовалась только в моменты крайних потрясений.

- Нет, нет, - отозвался капитан Крич, - я оставил его в городе. Он сказал, чтобы я пришел сюда на чай. Он сказал, что скоро сам прибудет на борт.

- Что ж, - изрекла мама, мужественно встречая невзгоды, - если вы подождете немного, я напеку ячменных лепешек.

- О, ячменные лепешки? - выдохнул капитан Крич, устремив на маму столь сластолюбивый взгляд, что она выронила еще два цветка из букета. - Обожаю ячменные лепешки! И женщин, столь умелых на камбузе.

- Джерри, - холодно произнесла мама, - займи капитана Крича, пока я приготовлю чай.

Я ожидал, что она удалится с достоинством, но она упорхнула, словно бы спасаясь бегством, и я остался один на один с капитаном Кричем. Тот снова развалился в кресле и уставился на меня своими водянистыми глазками из-под лохматых белесых бровей. Его взгляд был столь пристальным, что я слегка занервничал. Но, сознавая свой долг хозяина, предложил ему коробку с сигаретами. Он устремил в нее взор, словно в колодец, при этом челюсть его задвигалась туда-сюда, точно живот чревовещателя.

- СМЕРТЬ!!! - внезапно заорал он, да так, что я чуть не выронил коробку. Он опять развалился в кресле и вновь уставился на меня прозрачными голубыми глазами. - Запомни, юноша, сигареты - это смерть! - изрек он, пошарил в кармане белых парусиновых брюк и извлек оттуда выдавшую вида трубку, шишковатую и почерневшую, словно кусок древесного угля. Когда он зажал ее меж зубов, его челюсть перекосилась еще

больше. - Не забудь, - сказал он. - Лучший друг мужчины - его трубка!

Он загоготал над своей собственной шуткой, и я из чувства долга засмеялся тоже. Он встал, снова смачно сплюнул за перила веранды и опять развалился в кресле.

Я задумался, какую бы предложить тему для разговора. Но ничто не шло в голову. Вряд ли его заинтересует, что сегодня я впервые услышал цикаду или что курица тетушки Агати отложила шесть яиц, каждое размером с лесной орех. А если взять что-нибудь из морской тематики - может, поведать ему потрясающую новость, что Таки, который не мог позволить себе приобрести лодку, отправился на ночную рыбалку, держа в одной руке фонарь, а в другой - острогу, и успешно пронзил себе острогой ногу, вообразив, что это рыба какой-то экзотической формы? Но капитан Крич, глядя на меня в упор сквозь маслянистый трубочный дымок, начал разговор сам.

- Интересуешься, отчего у меня такое лицо, юноша? - осуждающе сказал он, и я заметил, что при этих словах его щеки стали еще пунцовее и заблестели, как сатин. Прежде чем я смог что-либо отрицать, он пустился в рассуждения:

- Коварство ветра. Всё от него. Мы огибали мыс Горн. Ветер жуткий, словно из самых пропастей земли. Я упал, понимаешь? Паруса хлопали и ревели, что твоя гроза. Веревка выскользнула из рук, словно змея, намазанная маслом. Я рухнул прямо на палубу. Врача на борту, конечно, не было. Как могли, так и починили. - Тут он сделал паузу и повел челюстью. Я, потрясенный, сидел как вкопанный. - К тому времени, когда мы обогнули мыс Чили, все затвердело, будто портландский цемент, - продолжал он, поглаживая челюсть. - Мне было тогда шестнадцать лет.

Я колебался, сочувствовать ему или нет, но он погрузился в мечтания, закатив голубые глаза. Вернувшись к нам на веранду, мама удивилась нашей неподвижности.

- Чили, - сказал капитан с наслаждением. - Чили! Там я впервые подхватил триппер! Вот, вот - плывет клипер, на клипере шкипер, у шкипера триппер.

Мать вздрогнула и громко прокашлялась.

- Джерри, помоги принести чай, - сказала она. Мы вдвоем принесли чайник, молочник, чашки и блюда с испеченными мамой золотистыми ячменными лепешками и поджаренным хлебом.

- Харчи, - сказал капитан Крич, набивая рот лепешкой. - От них перестает бурчать в животе.

- И надолго вы сюда? - спросила мама, очевидно надеясь на отрицательный ответ.

- Да уж думаю, не поселиться ли тут, - промямлил капитан Крич, отряхивая с усов крошки. - Притянулось мне это место, хочу бросить здесь якорь.

Из-за свихнутой челюсти он прихлебывал чай со страшным шумом. Я заметил все возрастающую тревогу в глазах мамы.

- Так у вас... мм... есть корабль? - спросила она.

- Да не бойтесь, - сказал капитан Крич и схватил очередную лепешку. - Здесь желаю бросить якорь только я. А чего? Я теперь в отставке, есть времечко и приударить за девушками.

Говоря это, он пристально разглядывал маму и жадно жевал лепешку.

- Постель без женщины - что корабль без трюма, - заметил он.

К счастью, само провидение спасло маму от необходимости давать ответ - к дому подкатил автомобиль, в котором приехали остальные члены семьи, Дональд и Макс.

- Муттер, вот мы, - объявил Макс, ласково взглянул на маму и нежно ее обнял. - Вижу, мы прямо к чаю! Со шлюшками - вот здорово! Дональд, к чаю будут шлюшки!

- Не шлюшки, а плюшки, - поправил Дональд.

- Да не плюшки это вовсе! - сказала мама. - Простые ячменные лепешки.

- Кстати, о шлюшках, - вставил слово капитан Крич, - помню одну такую в Монтевидео - ох уж это была стерва! Весь корабль два дня ублажала! Жаль, теперь таких днем с огнем не сыщешь! Не выращивают, и все тут!

- Кто этот отвратительный старик? - спросила мама, как только ей удалось оттеснить Ларри подальше от пирушки, которая была в самом разгаре.

- Его фамилия Крич, - сказал Ларри.

- Это мне уже известно, - заметила мама, - но зачем ты привел его сюда?

- Да он занятный дед, - сказал Ларри, - и потом, не думаю, чтобы у него денег куры не клевали. Он приехал дожить здесь свой век в отставке на скромную пенсию. Я так думаю.

- Прекрасно, но он не будет доживать у нас, - сурово молвила мама. - Больше его не приглашай.

- А я-то думал, что он тебе понравится, - сказал Ларри. - Он странствовал по всему свету, побывал даже в Индии! А сколько он знает самых удивительных историй!

- Вот пусть он и дальше странствует по свету, - сказала мама. - Что-то я не в восторге от тех историй, которые мне довелось услышать.

Капитану Кричу, очевидно, приглянулось наше тихое пристанище, ибо с тех пор он стал у нас частым гостем. Мы заметили, что является он непременно к обеду, всякий раз возвещая о своем прибытии возгласом: «Эй, на палубе! Могу я подняться на борт и

чего-нибудь ням-ням?» Поскольку он явно прошагал две с половиной мили по оливковым рощам, чтобы добраться до нас, в этой привилегии ему невозможно было отказать, так что мама, сердито ворча, отправлялась на кухню, доливала воды в суп и мельче крошила сосиски, чтобы капитан Крич мог присоединиться к нам. Зато он вознаграждал нас забавными историями из своей моряцкой жизни, а уж названия мест, где он побывал и которые я знал только по карте, так и лились потоком из его перекошенного рта. Тринидад и Тобаго, Дарвин и Дурбан, Буэнос-Айрес, Веллингтон и Калькутта, Галапагосские и Сейшельские острова, и даже Острова Дружбы, они же Тонга... Казалось, не осталось уголка на земном шаре, куда бы он не проник. Рассказы о своих морских похождениях капитан непременно чередовал с наидлиннейшими и наипошлейшими матросскими песнями, равно как и с похабнейшими куплетами о таких подробностях биологических отношений, что, к счастью, они были абсолютно недоступны пониманию мамы.

Наконец настал тот незабываемый день, когда капитан Крич явился без приглашения на чаепитие именно в тот момент, когда у нас в гостях были местный английский священник с женой, – они зашли не из религиозных побуждений, а просто из чувства долга. К нашему изумлению, капитан Крич вел себя на редкость пристойно: сперва он обменивался со священником мнениями относительно морских змей и высоты приливных волн, потом объяснял дражайшей половине, чем широта отличается от долготы, – словом, держал себя как образцово-показательный паймальчик, так что мы были даже горды за него. Но в конце чаепития произошло непредвиденное: каким-то непостижимым образом жена священника перевела разговор на тему о своем потомстве. Слушая ее, можно было подумать, что она не только единственная в мире

рожавшая женщина, но еще и зачинала своих чад методом непорочного зачатия! Битых десять минут она не закрывала рта, рассказывая, какие у нее смысленные детки, пока наконец не умолкла на мгновение, чтобы допить чай.

- Ну, я-то уж староват, чтобы иметь детей, - сказал капитан Крич.

Супруга священника была шокирована.

- Зато, - с удовлетворением продолжал он, - сколько испытываешь наслаждения, когда пробуешь!

Финал чаепития был скомкан.

Вскоре после этого в один прекрасный день на вилле объявились Дональд и Макс.

- Муттер, - сказал Макс, - хотим везти тебя отсюда.

- Прогулка на яхте, - уточнил Дональд. - Прекрасная идея! Это все Макс, он выдумщик.

- Куда на яхте? - любопытствовала мама.

- Вокруг острова, - изрек Макс, вытянув свои длинные руки, как будто хотел обнять весь мир.

- Но ведь, насколько я знаю, ты не умеешь управлять яхтой, - сказал Лесли.

- Нет-нет. Не мы управлять. Ларри управлять, - с триумфом заявил Макс.

- Ларри?! - недоверчиво произнес Лесли. - Да он хоть что-нибудь смыслит в лодках?!

- Еще бы! - серьезно сказал Дональд. - Еще бы! Это классный специалист. Он берет уроки мореходства у капитана Крича. И капитан тоже поедет с нами - в качестве члена экипажа.

- Ну, тогда все, - сказала мама. - Ни за что не поеду на яхте с этим отвратительным старцем. Тем более если управлять будет Ларри.

Как ребята ни старались уговорить маму, та была непреклонна. Единственное, на что она согласилась, это чтобы члены семьи, включая Теодора, не желающие плыть на яхте, отправились через весь остров на

машине и встретились с мореходами в бухте, где можно будет устроить пикник и искупаться при хорошей погоде.

Утро выдалось солнечным и ясным, и когда мы выехали, казалось, что день удастся на славу и для мореплавания, и для пикника. Но к тому времени, когда мы достигли южной оконечности острова и уже распаковывали все для пикника, появились признаки надвигающегося сирокко «Сирокко – теплый сухой южный или юго-восточный ветер в Средиземноморье, приносящий из пустынь большое количество пыли и песка залива.». Мы с Теодором кинулись через рощу к берегу. Море стало холодно-серого, стального цвета, а ветер гнал по всему голубому небосводу стайки белых облаков. Вдруг на кромке моря возникли три водяных смерча; они поскакали вдоль горизонта, покачиваясь словно могучие шеи неких доисторических чудовищ. То сгибаясь, то извиваясь, словно исполненные грацией лебеди, они протанцевали вдоль всей линии горизонта и пропали.

– Вот это да, – сказал Теодор, который с интересом наблюдал за этим необычным явлением. – Никогда не видел, чтобы ТРИ сразу. Очень любопытно. Ты заметил, как они двигались вместе? Ну словно... м-м... животные в стаде!

Я сказал, что хотел бы, чтобы они подошли поближе.

– Хм... – Теодор почесал бороду большим пальцем, – не думаю, чтобы со смерчами стоило... хм... заводить близкое знакомство. Помню, я был в одном месте в Македонии, где смерч... хм... вылез на побережье. Он оставил после себя полосу разрушений шириной почти двести ярдов и длиной в четверть мили – не забудь, это все на суше! Даже старые могучие оливы повыворачивало с корнем, а уж молодые деревца ломало будто спички! Когда же наконец водяной смерч

исчез... э-э, знаешь ли... выяснилось, что полоса, где он прошел, насыщена солью и стала... знаешь ли, непригодной для земледелия.

- Как, ты видел эти кровожадные смерчи? - воскликнул Лесли, подходя к нам.

- Вот-вот. Очень любопытное явление, - сказал Теодор.

- Мама в панике, - сказал Лесли. - Она убеждена, что смерчи идут прямо на Ларри.

- Не думаю, что стоит так уж бояться, - отозвался Теодор. - Смерчи как будто прошли очень далеко.

Когда мы расположились в оливковой роще на краю залива, стало очевидно, что на нас вот-вот налетит сирокко, обычный в это время года и, как правило, яростный и внезапный. Так и случилось - ветер хлестнул по ветвям олив и покрыл бухту ковром бурунов с белыми гребешками.

- Пора удирать, - сказал Лесли. - Не самое подходящее время для пикника.

- Мы не можем, милый, - возразила мама. - Мы обещали Ларри дождаться его здесь.

- Если у них есть хоть чуток здравого смысла, они причалят где-нибудь в другом месте, - сказал Лесли.

- Да, не скажу, чтобы я им очень завидовал, - изрек Теодор, глядя на бьющие о скалы волны.

- Ну, милый, я надеюсь, что с ними ничего не случится, - сказала мама. - В самом деле, Ларри такой сумасброд.

Мы прождали час, и с каждым мгновением мама все больше предавалась панике. Тут Лесли, который наблюдал море с соседнего мыса, примчался с сообщением, что заметил их.

- Удивительно, как это они умудрились доплыть сюда, - сказал он. - Этот ветрило царствует над всем морем, они идут буквально кругами.

Вскоре яхта вошла через узенький проход в бухту. Приглядевшись, мы увидели, как Дональд и Макс, вертясь точно на иголках, тянут веревки, натягивающие паруса, а Ларри и капитан Крич, прилипнув к румпелю, что-то кричат – очевидно, дают ценные указания. Мы с интересом следили за их продвижением.

– Надеюсь, они помнят о том, что здесь риф? – сказал Лесли.

– Какой риф?! – встревожилась мама.

– Да этот чертов риф... Тут огромный риф, как раз там, где пенится вода, – пояснил Лесли.

Спиро угрюмо тарачил глаза на море, стоя словно средневековая химера.

– Мне это не нравится, мастер Лесли, – сказал он хриплым шепотом. – Похожий на то, что они не знают, как плавать.

– Боже мой, – сказала мама, – и зачем я только согласилась?

В этот момент (как выяснилось впоследствии, из-за того, что Макс и Дональд неверно поняли инструкции и подняли парус вместо того, чтобы спустить) произошло одновременно несколько событий. Внезапно налетевший порыв ветра надул паруса яхты с таким треском, что он был отчетливо слышен здесь, на берегу, и Макс полетел за борт. Яхта завалилась и, влекомая порывом ветра, со страшным скрипом понеслась прямо на риф; на какое-то мгновение удержавшись, она, словно придя в отчаяние от находившихся на ее борту незадачливых мореплавателей, блаженно улеглась на борт.

Какое тут поднялось смятение! С криком «Боже мой! Боже мой!» мама в бессилии осела на корень старой оливы. Марго залилась слезами, в отчаянии размахивая руками: «Они утонут! Они утонут!» Спиро, Лесли и я бросились к берегу. Правда, толку от нас все равно было чуть: нам как-то не пришло в голову

запастись спасательной шлюпкой. И вот мы видим, как четверка отважных мореходов, борясь с бурными волнами, отплывает от места крушения; Ларри и Дональд толкают сквозь бушующие воды капитана Крича. Лесли, я и Спиро мигом скинули одежду и попрыгали в море; вода оказалась жутко холодной, а волны куда сильнее, чем я рассчитывал.

- С вами все в порядке? - крикнул Лесли, когда флотилия потерпевших кораблекрушение подплыла к нам.

- В порядке! - отрапортовал Макс. - В полном порядке!

У него был четырехдюймовый шрам на лбу, и кровь стекала по лицу прямо на усы. У Ларри под глазом темнел синяк, который быстро раздулся в огромную шишку. Лицо капитана Крича, болтаясь между лицами Ларри и Дональда, приобрело немислимый розовато-лиловый оттенок, вроде как у недозрелой сливы.

- Помогите тащить капитана, - сказал Ларри. - Этот чертов осел, старый недоносок, сознался, что не умеет плавать, только когда мы перевернулись.

Спиро, Лесли и я протянули руки капитану, сменив тяжело дышавших Дональда и Ларри на благородном посту спасателей. Должно быть, со стороны славно смотрелось, как мы при последнем издыхании выбирались на мелководье, а затем на сушу. Лесли и Спиро с двух сторон поддерживали капитана Крича, чьи ноги волочились по земле, то и дело цепляясь за коряги и камни.

- А-а, привет! - крикнул он маме. - Это вы, моя крошечка!

- Посмотрите, что у Макса с головой! - завопила Марго. - Он ведь может истечь кровью и умереть!

Мы перебрались в безопасное место, под шатер оливковой рощи, и, пока мама, Марго и Теодор в спешном порядке оказывали первую помощь Макс и

Ларри, забинтовывая им соответственно шрам на лбу и шишку под глазом, уложили капитана Крича под оливой, так как он не в состоянии был стоять на ногах.

- Наконец-то мы в порту, - сказал он с удовлетворением, - наконец-то мы в порту. В моряки вас выведу, юноши. Да.

Только теперь, когда появилась возможность присмотреться, мы убедились, что капитан мертвецки пьян.

- Ларри, милый, что ты со мной делаешь! - сказала мама. - Вы же все могли утонуть.

- Я-то тут при чем?! - раздраженно ответил Ларри. - Мы делали то, что приказывал капитан. Дональд и Макс тянули не за те веревки.

- Как же вы могли его слушаться? - спросила мама. - Он же пьян!

- В том-то и дело, что поначалу он не был таковым, - сказал Ларри, - по-видимому, у него потаенный запас алкоголя где-то на борту. То-то я замечал, что он слишком часто спускался в каюту!

- Не верь ему, кроткая девочка, - пробормотал капитан Крич нерешительным баритоном, - я уверен, день придет, он с начинкою в утробе бросит вас и не чихнет.

- Отвратительный старый мужлан! - сказала мама. - Право же, Ларри, я в самом деле сердита на тебя.

- Юноши, выпьем! - хриплым голосом взревел капитан Крич, махнув взъерошенным Максу и Дональду. - Разве можно выходить в море без выпивки?!

Наконец мы кое-как подсохли, выкрутили мокрую одежду и, дрожа, направились вверх по склону холма к машине.

- Так как же мы поступим с яхтой? - спросил Лесли, которому показалось, что владельцев, Дональда и Макса, совершенно не беспокоит ее судьба.

- Остановиться в соседней деревне, - сказал Спиро. - Я знаю там рыбаки, он ее хорошо починять.

- Знаете ли, мне кажется, - сказал Теодор, - что если у нас есть что-нибудь стимулирующее, неплохо бы дать немного Макс, а то ведь он, бедняга, должно быть, очень страдает после такого удара.

- Да, есть немного бренди, - сказала мама и, пошарив в машине, вытащила оттуда бутылку и чашку.

- Милочка! - молвил капитан Крич, будучи не в силах отвести моргающих глаз от бутылки. - Мне как раз доктор прописал!

- Ну уж нет! - твердо сказала мама. - Это для Макса. Нам пришлось изрядно поломать голову, как бы в тесноте, да не в обиду разместиться в машине. Решили так: поедем, сидя друг у друга на коленях, но оставим побольше пространства для Макса, который стал хмурого свинцового цвета и которого всего сотрясала дрожь. К неудовольствию мамы, ей волей-неволей пришлось втиснуться бок о бок с капитаном Кричем.

- Сядь ко мне на коленочки, - гостеприимно позвал капитан. - Сядь ко мне на коленочки, обнимем друг друга, так оно теплее будет.

- Никогда! - решительно заявила мама. - Уж лучше я сяду на колени к Дональду.

Всю дорогу капитан угощал нас самыми отборными образчиками матросского песенного фольклора. Мои родные затеяли ожесточенный спор.

- Ларри, потребуй, чтобы он замолчал, - сказала мама.

- Как это я могу потребовать? Ты сзади, ты и требуй.

- Это твой друг, - возразила мама.

- Океан ворчит угрюмо, тихо плещется волна. По морям несется шхуна, флибустьерская она. На корабле случилась ссора из-за девок молодых. Эх! И, взорвавшись словно порох, мы набросились на них. Мне досталась молодуха лет под восемьдесят пять. И тогда

за оба уха начал я бедняжку драть, – разносилось по всей округе под гул мотора.

– Так бы и стукнула тебя, старый похабник! – сказала мама. – И вас бы всех заодно.

– А за что всех-то? – спросил Лесли. – Ларри все это затеял, пусть сам и отдувается.

– Не правда! – раздраженно сказал Ларри. – Не знаете – не говорите, вас-то там не было. Думаете, легко, когда над ухом орут «Перемени галс!» или что-то в этом роде, а кругом шторм девять баллов!

– Знавал я одну девку в Крайчестере, – с наслаждением изрек капитан Крич, – так стоило ей пройти мимо собора, как у всех святых в нишах начиналось шевеление...

– Мне только одного из всей компании жалко: беднягу Макса, – сказала Марго, глядя на него с состраданием.

– Не понимаю, за что его жалеть, – возмутился Ларри, у которого глаз почти совсем исчез, а на его месте чернело словно глянцевое пятно, – из-за него, дурака, все. Лодка была под моим надежным управлением, пока он не поднял этот чертов парус.

– Ну, из тебя моряк никакой, – заявила Марго. – Смыслил бы хоть что-нибудь в моряцком деле, не приказал бы ему поднять парус.

– То-то и оно-то! – прорычал Ларри. – Это не я приказал. Это была его собственная инициатива.

– Доброе судно «Венера», – затынул капитан, чей репертуар был, как видно, неистощим.

– Довольно спорить, милые, – сказала мама. – У меня ужасно болит голова. Чем быстрее доедем, тем лучше.

Ну, вот мы и в городе. Дональд и Макс вышли у своей гостиницы, капитан – по-прежнему с бодрой песней на устах – у своей, а мы, продрогшие, мокрые и злые, покатали к себе.

На следующее утро все проснулись довольно вялые. Глаз Ларри теперь окрасился в цвета заката, передать которые способна только кисть Тернера. Когда мы уже заканчивали на веранде завтрак, громко клаксона, подкатил Спиро. Впереди машины с рычанием бежали собаки, норовя прокусить ему шины.

- Надо сказать Спиро, чтоб он больше так не шумел, когда подъезжает, - изрек Ларри.

Спиро взошел на веранду и начал обычный утренний ритуал приветствия.

- Доброе утро, миссисы Дарреллы; доброе утро, мисси Марго; доброе утро, мастера Ларри; доброе утро, мастера Лесли; доброе утро, мастера Джерри. Как ваша глазонька, мастера Ларри? - сказал он с сочувственным видом.

- Положа руку на сердце, - ответил Ларри, - я чувствую, что придется мне остаток дней моих ходить по миру с белой палочкой слепца.

- У меня для вас письмо, - сказал Спиро маме. Мама надела очки и вскрыла конверт. Мы замерли в ожидании. Лицо мамы залилось краской.

- Наглость! Мерзость! Каков мужлан, а! Никогда не слышала ничего подобного!

- Да что же случилось-то? - спросил Ларри.

- Отвратительный Крич! - Мама размахивала письмом перед носом у Ларри:

- Это ты виноват во всем! Ты привел его к нам в дом!

- Ну а сейчас-то я в чем виноват? - потрясенный, спросил Ларри.

- Этот похабник сделал мне предложение, - сказала мама.

На мгновение на веранде воцарилась тишина, пока сногшибательная информация доходила до каждого.

- Предложение? - осторожно произнес Ларри. - Нескромное?

- Да нет, нет, - сказала мама. - Он хочет на мне жениться. Пишет, какая я очаровашка и кучу прочей сентиментальной чепухи.

Все семейство дружно откинулось на спинки стульев и хохотало до тех пор, пока на глазах у всех не выступили слезы.

- Ничего смешного, - сердито сказала мама, топнув ногой. - С этим надо что-то делать.

- О, - простонал Ларри, вытирая глаза. - О, редкостная шутка! Похоже, он думает, что, коли снял перед тобой вчера штаны, чтобы выжать их, его долг - сделать тебя честной женщиной.

- Перестаньте смеяться, - сердито сказала мама. - Это не смешно.

- О, представляю, - елейным голосом продолжал Ларри, - ты в белом муслине. Мы с Лесли в цилиндрах. Марго будет за подружку невесты, а Джерри за пажа. Эффектная выйдет сцена, а? Да еще наверняка в церковь соберутся девицы из всех окрестных веселых заведений и начнут протестовать против заключения брака - как же, кому охота терять такого клиента, как старина Крич?

Мама свирепо уставилась на него.

- Когда становится действительно скверно, - гневно сказала она, - вы, детки, пальцем пошевелить не можете!

- Но, мама, тебе так пошло бы белое платье, - хихикнула Марго.

- И как же вы решили провести медовый месяц? - спросил Ларри. - Все говорят, что в это время года лучше всего на Капри.

Но мама не слушала. Со всей решительностью она обратилась к Спиро:

- Спиро, передайте капитану мой отказ. И чтобы ноги его больше не было в нашем доме.

- Да что ты, мамочка, - запротестовал Ларри. - Нам, детям, так нужен отец!

- Слушайте все, - обратилась к нам мама, пылая гневом, - чтобы никому ни слова! Я не желаю, чтобы мое имя ассоциировалось с этим отвратительным... отвратительным бабником!

С тех пор мы ничего больше не слышали о капитане Криче. Но все сошлись, что несостоявшийся великий роман нашей мамы ознаменовал собой благоприятное начало года.

Глава десятая. Говорящая голова

Летнее солнце палило над островом, словно гигантская жаровня. Даже в тени оливковых рощ невозможно было найти прохлады, а едва наступал знойный голубой полдень, как все настойчивее нарастал неумолчный пронзительный стрекот цикад. Уровень воды в прудах и каналах падал, и грязь по краям трескалась под лучами солнца, будто по ней выпиливали лобзиком. Море стояло недвижно, словно шелковый ковер, а вода на отмели прогревалась так, что и купанье не освежало. Хочешь насладиться прохладой, выгребай на лодке на глубину – кругом полный штиль, движешься только ты и твое отражение – и ныряй. Ощущение такое, будто ныряешь в небо.

Наступило время бабочек и мотыльков. Днем, когда на склонах холмов безжалостное солнце, казалось, иссушало последнюю каплю росы, можно было поймать больших томных парусников. Элегантно и как бы рассеянно перепархивали они с куста на куст. Перламутровки, пламенеющие словно живые угольки, быстро и ловко переносились с цветка на цветок. Капустницы, золотистые белянки, лимонно-желтые и оранжевые крушинницы порхали туда-сюда на своих точно неопрятных крылышках; с шорохом похожим на кошачье мурлыканье, скользили, едва касаясь травы, крохотные пушистые самолетки – бабочки-толстоголовки; на блестящих известняковых плитах восседали красные адмиралы, пламенея словно драгоценные украшения Вульворта, то раскрывая, то складывая крылья, будто изнывая от жары. Ночью у ярких ламп кипело настоящее царство мотыльков, а для большеглазых плосколапых розовых гекконов, поджидающих на потолке, наступал пир горой – они

насыщались так, что потом едва могли двигаться. Откуда ни возьмись налетали в комнату зеленые и серебряные олеандровые бражники и в порыве безумной страсти бились о ламповое стекло, да с такой силой, что стекло разбивалось вдребезги. Таинственно слетали вниз по каминной трубе бражники «мертвая голова» в имбирную и черную крапинку, по плюшу их грудки словно вышит зловещий знак – череп со скрещенными костями. Спустившись по трубе, они застревали в каминной решетке, помахивая крыльями и попискивая словно мыши.

На склонах холмов, где простирались поля вереска, теплого и иссушенного солнцем, бродили и сновали в поисках добычи черепахи, ящерицы и змеи; среди зеленых листьев мирта медленно и зловеще, покачиваясь из стороны в сторону, свисали богомолы. Послеполуденное время – наилучшее для исследования жизни холмов, но и самое жаркое. Солнце барабанило по черепушке, а земля даже через подошвы сандалий жгла как раскаленная сковородка. Вьюн и Пачкун, страшась такого солнцепека, никогда не ходили на прогулки в это время дня, но Роджер, неутомимый в изучении естественной истории, всегда был со мной – тяжело дышал, мучительно сглатывал слюну, но шел.

Мы с ним пережили множество приключений. Как-то с изумлением наблюдали мы двух в стельку пьяных ежей, объевшихся забродившими виноградинами, которые они подбирали под лозами. Колючие пьянчужки ходили кругами, икая и громко взвизгивая, и угрожающе шипели друг на друга при столкновении. Раз попался красный, как осенний лист, лисенок, который поймал среди вереска свою первую черепаху. Черепаха, как обычно в таких случаях, флегматично спрятала голову и ноги под панцирь и плотно закупорилась, словно дорожный чемодан. Но лисенок успел-таки заметить движение и осторожно, ушки на

макушке, прохаживался вокруг черепахи, дожидаясь, пока она высунет голову и ноги наружу. Затем, поскольку он был еще только игривым детенышем, он быстрым движением ударил лапкой по панцирю и отскочил, а потом залег и, зажав головку между лапками, несколько минут наблюдал за черепахой. Наконец он живо скакнул вперед и после нескольких безуспешных попыток схватил все же добычу челюстями и с высоко поднятой головой гордо побежал через вереск. Здесь, в этих холмах, мы наблюдали, как черепашата вылупляются из яиц, разбивая тонкую, словно бумага, скорлупу; у каждой новорожденной черепашки был столь мудрый взгляд и такая морщинистая головка, словно с момента ее рождения прошли не минуты, а тысячелетия; здесь же я впервые наблюдал брачный танец змей.

Мы с Роджером пристроились под большим миртовым кустом, где было хоть немного тени. Нечаянно спугнув сидевшего на соседнем кипарисе ястреба, мы терпеливо ждали, когда он вернется на место, чтобы получше его рассмотреть. Вдруг примерно в десяти футах от нас я увидел двух змей, пробивавших себе путь сквозь коричневое сплетение стеблей вереска. Роджер, который боялся змей, жалобно заскулил и прижал уши. Я шикнул на него и стал наблюдать за змеями. Одна из них совершенно явно преследовала другую по пятам. «Интересно, зачем? – подумал я. – Неужели хочет съесть?» Наконец змеи выбрались из вереска, но когда они заползли в пучки выбеленной солнцем травы, я потерял их из виду. Проклиная судьбу, я уже готов был выбраться из своего укрытия и подойти поближе, однако они неожиданно возникли на сравнительно открытом месте.

Тут преследуемая змея остановилась, а та, что ползла сзади, устроилась сбоку. Так они с мгновение полежали неподвижно, а затем преследователь

принялся тщательно обнюхивать голову преследуемой. Я решил, что первая змея была самкой, а вторая – ее дружкой. Тот продолжал тыкаться головой в голову и шею подружки, пока слегка не приподнял их от земли. Самка застыла в такой позиции, а партнер, отодвинувшись на несколько дюймов назад, тоже поднял голову. Так оба и замерли неподвижно, и довольно долго тарасили друг на друга глаза. Затем самец медленно скользнул вперед и обвился вокруг тела самки;

Обе переплетенные змеи поднялись вверх, насколько могли, чтобы не потерять равновесие, и некоторое время вновь побыли в неподвижности, а затем принялись раскачиваться, толкая друг друга, как борцы на ринге. Их хвосты извивались, цепляясь за корни травы – видимо, для пущей устойчивости. Вдруг змеи расплелись и распались, задние концы тел встретились – и, спутанные, словно играющие в цепочку на карнавале, они довершили свою брачную церемонию под лучами солнца.

В этот момент Роджер, который все с большим неудовольствием воспринимал мой интерес к змеям, встал и отряхнулся, давая понять, что с его точки зрения нам лучше продолжить путь. К несчастью, змеи заметили его. На какое-то мгновение они сплелись в клубок, блестя кожей на сеянце, затем самка выпрямилась и быстро поползла под покров вереска, волоча за собою партнера, по-прежнему приплетенного к ней с хвоста и оттого выглядевшего весьма беспомощно. Роджер взглянул на меня, слегка чихнул от удовольствия и завилял своим куцым хвостом. Но я был очень недоволен его поведением и сказал ему пару ласковых. В конце-то концов, втолковывал я, он и сам ухлестывает за суками – и как бы он себя почувствовал, если бы как раз в минуту безумной страсти его застигла

какая-нибудь опасность и его бы вот так же позорно уволокли с поля любви?

Когда настало лето, остров наводнили толпы цыган – помочь в уборке урожая, а заодно стянуть все, что плохо лежит. Вот они целыми семействами движутся по белым от пыли дорогам на осликах или покладистых маленьких пони, блестящих как каштаны; глаза у цыган черные, словно ягоды терновника, кожа почти дочерна сожжена солнцем, волосы растрепаны, лохмотья – под стать прическам. Их таборы при всей своей нищете – само очарование: на дюжине костров дюжина котлов, в которых булькает всякая всячина; старые женщины, сидящие на корточках в тени грязных палаток с односкатной крышей, старательно ищут насекомых в головах у малышей; ребятишки постарше, встрепанные, как листья одуванчиков, с криками катаются и играют в пыли. Те из мужчин, у которых есть побочная работа, заняты ею: один связывает разноцветные воздушные шары, так что вместе они образуют причудливые звериные морды; другой – похоже гордись, что будет показывать представление театра теней с Карагеозисом «Карагеозис – буквально: «черноглазый» – герой грече ского фольклора типа нашего Петрушки» , подновляет фигурки и повторяет кое-что из вульгарных шуток и непристойностей означенного героя, вызывая хихиканье красивых молодых женщин, помешивающих варево в котлах или что-то вяжущих где-нибудь в тенечке.

Мне всегда хотелось сдружиться с цыганами, но они – осторожный и недоверчивый народ – едва терпели греков.

Моя же выгоревшая добела на солнце копна волос и голубые глаза автоматически вызывали у них подозрение, и хотя цыгане и разрешали мне бывать у них в таборе, но никогда не шли на контакт – в отличие от крестьян, с охотой рассказывавших о своей личной

жизни и чаяниях. Однако именно цыгане оказались, хоть и косвенно, виновниками переполоха в нашем семействе. На этот раз я был совершенно ни при чем.

... Близился к концу необыкновенно жаркий летний день. Мы с Роджером устали как собаки, преследуя крупную и очень возмущенную змею вдоль разрушенной каменной стены. Но стоило нам преодолеть одну часть стены, как эта тварь благополучно переползала на другую. В конце концов мы вынуждены были признать свое поражение и теперь, взмокшие, запыленные и изнывающие от жажды, топали восвояси. У меня была только одна мечта – напиться чаю. За поворотом открылась небольшая долина, и тут я увидел человека, чем-то похожего на необыкновенно большую собаку. Я подошел поближе, пригляделся – и не поверил глазам своим: с человеком был медведь. Я так удивился, что невольно вскрикнул.

Медведь встал на задние лапы и повернулся ко мне. Человек тоже повернул голову. Оба с мгновение вглядывались в меня, а затем человек помахал рукой, как бы приветствуя случайного встречного, и продолжил раскладывать под оливой свои пожитки, а медведь вновь уселся на корточки и стал с интересом наблюдать за своим хозяином.

Преисполненный волнения, я сбежал вниз с холма. Я слышал, что в Греции есть танцующие медведи, но видеть их еще не доводилось. Упустить такую возможность было никак нельзя. Подбежав поближе, я громко поздоровался, и хозяин медведя, оторвавшись от своего занятия, ответил мне довольно вежливо. Я понял, что это – настоящий цыган: темные жгучие глаза, иссиня-черные волосы; но выглядел он более респектабельно, чем большинство его соплеменников: на нем был аккуратно починенный костюм и даже

ботинки, что в те годы являлось знаком отличия даже среди земледельческого населения острова.

Я спросил, можно ли подойти поближе без риска для жизни, – медведь хотя и был в кожаном наморднике, но не был привязан.

– Да, подходи, – сказал человек. – Павло не тронет. Только оставь собаку.

Я взглянул на Роджера и увидел, что пес хоть и храбрится, но вид медведя ему явно не нравится и остается он со мной только из чувства долга. Когда я приказал ему отправляться домой, Роджер посмотрел на меня благодарным взглядом и, напустив на себя безразличный вид, неспешно потрусил вверх по склону холма. Несмотря на уверения цыгана, что Павло совершенно безобиден, я все же подошел с опаскою, так как зверь, хотя был еще молодой, когда становился на задние лапы, оказывался на добрый фут выше меня, а каждая из его широких мохнатых лап была вооружена устрашающим набором блестящих когтей, которые он, чего доброго, мог пустить в ход. Сидя на корточках, зверь смотрел на меня маленькими мигающими карими глазками, мягко дыша – точь-в-точь живая грудка косматых морских водорослей. И тут я подумал, что это самый желанный из всех когда-либо приглянувшихся мне зверей, и, ходя вокруг него и рассматривая во всех возможных ракурсах, я любовался его совершенством.

Я засыпал хозяина медведя кучей вопросов: сколько ему лет? Где он его раздобыл? Что он делает?

– Танцует, – сказал цыган, откровенно забавляясь моим восторгом, – и этим зарабатывает себе и мне на жизнь. Сейчас покажу.

Он взял палку, на конце которой был небольшой крючок, и вдел его в кольцо кожана; о намордника.

– Пойдем потанцуем с папочкой.

Быстрым движением мишка поднялся на задние лапы. Хозяин щелкнул пальцами и засвистел

жалостливую мелодию, притопывая ногами в такт; за ним в пляс пошел и медведь. Зверь и человек прошлись в медленном, величавом менуэте среди голубых, как молния, чертополохов и высохших стеблей златоцветника. Я готов был смотреть на них целую вечность. Когда цыган кончил свою грустную песнь, мишка привычно опустил на все четыре лапы и чихнул.

- Bravo! - тихо сказал цыган. - Bravo! Я в восторге захлопал в ладоши.

- Никогда еще, - сказал я, ничуть не кривя душой, - я не видел ни такого прекрасного танца, ни такого совершенного танцовщика, как Павло. А погладить его можно?

- С ним можно делать что хочешь, - посмеиваясь, сказал цыган и вынул крючок из намордника, - он такой дурачок, что не тронет даже разбойника, если тому взбредет в голову отнять у него еду.

В подтверждение своих слов он принялся чесать зверю спину, а мишка, вытянув морду к небу, принялся тихонько урчать от удовольствия, а затем блаженно опустил на землю и распластался, словно ковер из медвежьей шкуры.

- Любит, когда его щекочит, - сказал цыган. - Можешь пощекотать.

Следующие полчаса были для меня величайшим счастьем. Я почесывал зверя, а тот мурлыкал от наслаждения. Я рассматривал его огромные когти, уши и крохотные глазки, а он лежал и позволял делать с собой все что угодно, будто спал. Прижавшись к его теплему телу, я разговаривал с хозяином, а между тем в голове моей зрел дерзкий план. Зверь должен стать моим! Собаки и другие животные быстро привыкнут к нему, а мы с ним сможем вальсировать на склонах холмов. Я уверил себя, что домашние будут в восторге от приобретения столь разумного питомца. Но прежде

чем начать торговаться, нужно было соответствующим образом настроить хозяина. Торговаться со здешними крестьянами мне уже приходилось – по опыту знаю, дело это долгое и утомительное, и разговор обычно проходит на повышенных тонах. Но вот цыган... Уж кого-кого, а их не надо учить коммерции! Этот цыган казался не столь молчаливым и замкнутым, как другие его соплеменники; я принял это за добрый знак и спросил, откуда он.

– Издалёка, издалёка, – ответил цыган, накрывая свои пожитки старым куском брезента и вытряхивая ветхие одеяла, которые, очевидно, служили ему постелью, – я высадился на берег в Лефкими прошлой ночью, а досюда шли пешком – Павло, я да еще Голова. А что делать? Нас с Павло не пускают в автобусы – боятся. Вот мы и не спали прошлую ночь. Зато теперь мы тут выспимся, а завтра добредем до города.

Заинтригованный, я спросил, как понимать его слова «Павло, я да еще голова».

– Моя Голова, конечно, – посмеиваясь, ответил цыган. – Моя маленькая Говорящая Голова, – и, взяв палку, на которой он водил медведя, шлепнул ею по куче барахла, накрытого брезентом.

Я откопал в кармане шорт остатки растаявшего шоколадного батончика и принялся угощать своего нового четвероногого друга, который, слизывая каждый кусочек, стонал от удовольствия и пускал слюни. Я сказал цыгану, что не понимаю, о чем речь. Тот сел передо мной на корточки и закурил папиросу, уставившись на меня своими темными глазами, недружелюбными, как у ящерицы.

– У меня есть Голова, – сказал он, указывая большим пальцем на кучу своих пожитков. – Живая Голова. Она разговаривает и отвечает на вопросы. Это, без всякого сомнения, самая замечательная штука на свете.

Я был озадачен.

- Вы хотите сказать, - спросил я, - это одна голова... без тела?

- Да, именно без тела. Одна Голова, - ответил цыган и сложил перед собой ладони, как если бы держал кокосовый орех. - Сидит на палочке и разговаривает. Ничего подобного нигде в мире не видано!

- А как же... - не унимался я, - если у головы нет тела, то как же она живет?

- Волшебством, - торжественно сказал цыган. - Волшебством, которое перешло ко мне еще от прадедушки.

Я был уверен, что он дурачит меня, но, сколь ни увлекательна была тема, я все же почувствовал, что мы уходим от главного, ради чего я и завел весь разговор - вопроса приобретения в личную собственность Павло, который в данный момент слизывал, жмурясь от удовольствия, последний кусок шоколада, что я совал ему сквозь кожаные ремни намордника.

Цыган сидел на корточках, мечтательно зажмурив глаза, голова его окуталась облаком дыма. Тщательно изучив его, я решил, что самым правильным будет поставить вопрос ребром. И напрямую спросил, согласен ли он продать медведя и за сколько.

- Продать Павло?! Да ни за что! Он мне как сын родной!

- Да поймите, ему со мной будет хорошо. У него будет хороший дом, где его будут любить и даже танцевать с ним. Может, согласитесь, а?

Цыган смотрел на меня, задумчиво попыхивая папиросой.

- За двадцать миллионов драхм. Идет? - спросил он и расхохотался, заметив мой ошарашенный вид. - То-то! Если у тебя есть поля, то у тебя должны быть и ослы, чтобы эти поля обрабатывать. И ты с ними так просто не расстанешься, ведь верно? Так вот, Павло - это мой ослик, который танцует, добывая хлеб и себе и мне. И

пока он не станет слишком стар, чтобы танцевать, я с ним не расстанусь.

Я был горько разочарован, но понял, что цыгана не уговорить. Мне было так уютно лежать на широкой мягкой спине слегка посапывающего Павло, но делать нечего, пришлось встать. Отряхнувшись, я сказал:

- Что ж, раз так, сдаюсь. Я понимаю, что медведь вам очень дорог, но если все же вы захотите с ним расстаться, сообщите мне, ладно?

Он серьезно кивнул.

- А когда будете выступать в городе, не могли бы вы как-нибудь сообщить мне, чтобы я мог приехать на ваше представление?

- Разумеется, - сказал он, - но, думаю, людская молва донесет до тебя, где меня найти. Потому что моя Говорящая Голова - просто чудо из чудес.

Я кивнул и пожал ему руку. Павло поднялся, и я похлопал его по голове.

Взобравшись на холм, я оглянулся. Человек и медведь по-прежнему стояли рядом. Цыган махнул мне рукой, а Павло, встав на задние лапы и запрокинув морду, повел в мою сторону носом. Я воспринял это как прощальный жест.

Я медленно брел домой, размышляя о цыгане, его Говорящей Голове и несравненном Павло. Может быть, думал я, раздобыть где-нибудь медвежонка да самому выпестовать его? А что, если дать объявление в афинскую газету? Вдруг повезет?

Семья мирно попивала чай в гостиной, когда я решил поставить перед ними эту проблему.

Однако, едва я вошел, идиллическая сцена чаепития мгновенно сменилась всеобщей паникой. Марго завопила как резаная, Ларри уронил чашку с чаем себе на колени, а затем вскочил и спрятался за стол; Лесли схватил стул, а мама вытаращила на меня глаза, полные ужаса. Никогда бы не подумал, что мое

появление может вызвать столь откровенную реакцию среди домочадцев.

- Убери его отсюда! - прорычал Ларри.

- Да, убери эту проклятую тварь! - сказал Лесли.

- Он нас всех сожрет! - визжала Марго.

- Ружье!... Достаньте ружье и спасите Джерри! - слабым голосом произнесла мама.

Я не мог понять, какая муха их укусила. Все они уставились на что-то позади меня. Я оглянулся и - что я вижу! В дверях, принюхиваясь к чайному столу с надеждой на угощение, стоял Павло.

Я шагнул к нему и схватил его за морду. Он нежно потыкался в меня носом. Я разъяснил домочадцам, что это всего лишь Павло.

- Хватит, - хрипло сказал Ларри, - довольно. И так уже в доме шагу ступить некуда - сто чижей, сто ежей, сто ужей, а теперь еще и медведь. Ради Христа, что он себе думает? Что здесь кровавая арена, как в Риме?

- Джерри, милый, будь осторожен! - дрожащим голосом сказала мама. - Он кажется таким свирепым.

- Он нас всех загрызет! - убежденно произнесла Марго дрожащим голосом.

- Не пойду же я мимо него за ружьями, - сказал Лесли.

- Он здесь не останется. Я запрещаю, - сказал Ларри. - Я не позволю превратить дом в медвежью берлогу.

- Где ты его взял, милый? - спросила мама.

- Меня не волнует, где он его взял, - сказал Ларри, - но пусть он сейчас же отведет его обратно, пока косолапый не растерзал нас в клочья. У мальчика же никакого чувства ответственности! Я не желаю во цвете лет погибнуть смертью христианского мученика!

Павло встал на задние лапы и издал протяжный хриплый стон, который я воспринял как желание присоединиться к чаепитию - ведь на столе стояло

столько разных деликатесов! Но домочадцы поняли это по-своему.

- О-ой! - взвыла Марго, как укушенная. - Он наступает!

- Джерри, осторожнее! - сказала мама.

- Ох, что я сделаю с этим мальчишкой! - возвестил Ларри.

- Если доживешь, - отозвался Лесли. - Да заткнись же ты, Марго, только хуже делаешь! Ты же провоцируешь эту паршивую тварь!

- Хочу орать и буду, - возмутилась Марго. Семья была до такой степени объята страхом, что я рта не мог открыть, чтобы объясниться. Теперь я дерзнул - во-первых, сказал я, Павло не мой, а во-вторых, он ручной, как собачонка, и мухи не обидит.

- Не верю ни единому твоему слову, - сказал Ларри. - Ты увел его из какого-нибудь погорелого цирка. Стало быть, нас не только растерзают в клочья, но еще и упекут за сокрытие краденого имущества!

- Успокойся, успокойся, милый, - сказала мама. - Пусть Джерри объяснит все сам.

- Объяснит? - справился Ларри. - Объяснит? Ну и как же ты объяснишь появление громадного хищника в гостиной?

Я сказал, что медведь принадлежит цыгану, у которого Говорящая Голова.

- Говорящая голова? О чем это ты? - полюбопытствовала Марго.

Я сказал, что это голова без туловища, которая разговаривает.

- Парень спятил, - убежденно сказал Ларри. - Чем быстрее мы сдадим его в дурдом, тем лучше.

Теперь вся семья, дрожа, отступила в самый дальний угол гостиной. Я возмущенно сказал, что мой рассказ - чистейшая правда и я готов подтвердить это. Я покажу, как Павло танцует! Схватив со стола кусок

торта, я продел палец в кольцо и подал зверю те же команды, что подавал его хозяин. Глаза животного с жадностью устремились на лакомство. Павло встал на задние лапы и станцевал со мной.

- Вот это да! - сказала Марго. - Вот это да! Он танцует!

- Пусть он танцует как целый кордебалет, - сказал Ларри, - но чтобы ноги его здесь не было!

Я забросил кусок торта Павло в пасть, и тот с жадностью проглотил его.

- А он и в самом деле довольно милый, - сказала мама, надевая очки и с любопытством взирая на медведя. - Помнится, когда-то у моего брата в Индии была медведица - очень милое существо!

- Нет! - сказали в один голос Ларри и Лесли. - Он здесь не останется.

Я сказал, что это в любом случае невозможно, так как хозяин отказывается его продать.

- И на том спасибо, - молвил Ларри.

- Так потрудись отвести его владельцу. Или, может, ты хочешь напоследок заставить его потанцевать на столе, как в кабаре?

Взяв еще кусок торта в качестве отступного, я снова продел палец в кольцо на наморднике у Павло и повел его вон. Пройдя полпути по оливковой роще, я встретил его отчаявшегося хозяина.

- Ах, вот ты где! Ах, вот ты где, проказник! А я уже голову потерял, куда ты подевался! А знаешь, он от меня никогда раньше не бегал, потому я его и не привязываю. Видно, ты ему понравился!

Я честно признался цыгану, что Павло мог увязаться за мною только из-за шоколадок.

- Уф! - сказал цыган. - Гора с плеч! А я-то боялся, что он ушел в деревню. Тогда хлопот с полицией не оберешься.

Я с неохотой передал Павло цыгану и долго смотрел, как Человек и Зверь возвращались к своей стоянке под деревьями. Проводив взглядом своего любимца, я зашагал домой с некоторым трепетом – хотя в том, что Павло увязался за мною, я был не виноват, в прошлом в моем поведении имели место моменты, ныне сработавшие против меня. Мне пришлось долго убеждать семью, что на сей раз вина была не моя.

На следующее утро, по-прежнему с мыслями о Павло, я покорно отправился в город – как делал каждое утро – к моему наставнику Ричарду Кралефски. Кралефски был гном гномом, с небольшим горбом на спине и огромными серьезнейшими янтарными глазами; он терпел невероятные муки в попытке чему-то меня научить. У него было два неоценимых качества: первое – глубокая любовь к естествознанию (весь мезонин его дома был отдан в распоряжение множества разнообразных канареек и прочих птиц), а второе-то, что он (правда, не все время) жил в мире грез, где всегда чувствовал себя героем. Он постоянно рассказывал мне о приключениях, пережитых в воображении. В этих приключениях его неизменно сопровождала некая безымянная особа, называемая просто Леди.

Первая половина утра посвящалась математике, и поскольку голова моя была полна мыслями исключительно о Павло, я продемонстрировал еще большую тупость, чем обычно; педагог мой был в ужасе, ибо до сего момента пребывал в уверенности, что уже определил глубины моего невежества.

– Милый мальчик, ты просто не желаешь сосредоточиться сегодня, – сказал он серьезно. – Похоже, ты не в состоянии постичь простейших вещей. Может, ты просто подустал? Сделаем небольшой перерывчик, а?

Кралефски обожал эти маленькие перерывчики, а обо мне и говорить не приходится. В таких случаях он отправлялся на кухню и приносил оттуда две чашки кофе и немного печенья; мы усаживались, довольные друг другом, и он принимался рассказывать колоритнейшие истории своих воображаемых приключений. Но в это утро такой возможности ему не представилось. Едва мы устроились поудобнее и принялись потягивать кофе, я взял слово и поведал ему о медведе по кличке Павло и его хозяине – цыгане с Говорящей Головой.

– Вот это да! – воскликнул мой собеседник. – И такое встречается в нашей оливковой роще? Ты, должно быть, здорово удивился.

Его глаза остекленели, и он снова погрузился в мечты, глядя в потолок и держа свою чашку так, что кофе проливался на блюдце. Очевидно, мой интерес к медведю всколыхнул в его мозгу поток мыслей. С тех пор как я последний раз слушал очередной выпуск его воспоминаний, прошло уже несколько дней, и я с нетерпением ждал, что же будет дальше.

– В молодости, – начал Кралефски, внимательно поглядывая, слушаю ли я, – я был в некотором роде вертопрахом, повесой. То и дело попадал в какую-нибудь историю.

Вспоминая об этом, он похихикивал и стряхивал с жилетки крошки печенья. Глядя на его изящные, ухоженные руки и огромные кроткие глаза, трудно было представить его в роли вертопраха, но, из чувства долга, я попробовал.

– Одно время я даже думал поступить в цирк, – сказал он с видом человека, сознающего в детоубийстве. – Помню, как к нам в деревню приехал большой цирк, и я не пропускал ни одного представления. Ни одного представления! Я так сдружился с циркачами, что они даже научили меня

кое-каким из своих трюков. Они говорили мне, что упражнения на трапеции у меня получаются блестяще.

Он застенчиво поглядел на меня, ожидая, как я это восприму. Я кивнул с серьезным видом, как будто мысль о Кралефски, выполняющем упражнения на трапеции в усыпанном блестками трико, не казалась мне смешной.

- Еще печенья? - спросил он. - По-моему, оно превосходное! Я тоже с удовольствием возьму.

Я жевал печенье и терпеливо ждал, что он скажет дальше.

- Итак, - продолжил он, - неделя пролетела как один день, и вот настал вечер заключительного представления. Я не забуду его ни за что на свете. Со мной была Леди, моя юная подруга, которая жаждала увидеть представление. Как она смеялась, глядя на клоунов! Знала бы, какой ужас ей вскоре предстояло увидеть!

Он вынул из кармана изящно надушенный платочек и вытер пот со лба. Видно, он слегка переволновался, как это бывало всякий раз, когда он доходил до кульминации своей истории.

- Последним номером, - продолжал он, - был укротитель львов. - Кралефски сделал паузу, чтобы я в полной мере осознал сказанное. - У него было пять хищников. Могучие нубийские львы с черными гривами, только что из джунглей, как он мне рассказывал. Мы с Леди сидели в первом ряду, откуда лучше всего было видно арену. Ты знаешь, что перед выступлением укротителя хищников на арене всегда монтируют клетку? Так вот, в самой середине выступления одна из секций, которая была недостаточно закреплена, упала внутрь и, к нашему ужасу, прямо на дрессировщика, лишив его сознания.

Он снова сделал паузу, нервно глотнул кофе и еще раз вытер лоб.

- Что было делать? - риторически спросил он. - Мы с Леди против пяти могучих рычащих львов. Я лихорадочно соображал. Я должен совершить подвиг и спасти ее! Схватив свою трость, я выскочил на арену и шагнул в клетку.

Я слегка заохал от изумления.

- За неделю, что я посещал цирк, я успел тщательно изучить метод укротителя и теперь благодарил за это свою счастливую звезду. Рычащие звери, сидевшие на тумбах, возвышались надо мной, но я смотрел им прямо в глаза. Да, человеческий глаз, знаешь ли, имеет огромную власть над животными! Я медленно переводил взгляд с одного на другого, глядя каждому прямо в глаза и указывая на каждого своей тростью. Так я взял их под контроль и медленно, шаг за шагом, заманил их с арены обратно в клетку. Страшную трагедию удалось предотвратить!

- Леди, должно быть, была вам признательна, - заметил я.

- О да, о да, - польщенно сказал Кралефски. - Она была так благодарна, что даже сказала, что мой выход был лучше, чем у самого укротителя!

- А приходилось вам тогда, в цирке, иметь дело с танцующими медведями? - полюбопытствовал я.

- А то как же! И со слонами, и с тюленями, и с дрессированными собаками, и с медведями! - Кралефски явно не скупился. - Там были какие хочешь звери!

- А раз так, - осторожно начал я, - не хотите ли посмотреть танцующего медведя? Тут недалеко. Хотя это и не настоящий цирк, но все же, думаю, вам будет интересно.

- А что, это идея! - воскликнул Кралефски и вынул из кармана часы. - Минут на десять, а? Чтобы проветриться.

Он взял шляпу и трость, и мы зашагали по узеньким, заполненным народом городским улочкам, вдыхая запах овощей и фруктов, водостоков и свежесдобитого хлеба. Расспросив нескольких мальчуганов, мы выяснили, что как раз сейчас хозяин Павло собирается дать представление - в большом темном сарае позади магазина в центре города. По дороге я одолжил у Кралефски немного денег и купил плитку орехового шоколада - нельзя же приходиться к Павло с пустыми руками!

- А-а, приятель Павло! Заходи, гостем будешь! - сказал цыган, когда мы появились в дверях сарая.

К моему восхищению, Павло узнал меня. Он подошел и, негромко ворча, обнюхал меня, а затем встал на задние лапы. Кралефски тут же отскочил назад и крепче сжал в руке трость - должно быть, подумал я, это один из тех приемов, которым он научился в цирке.

- Осторожно, мой мальчик, - сказал он. Я скормил шоколадку Павло, и когда он слизал последний кусок со своих зубов и проглотил его, то вздохнул от удовольствия и улегся, положив голову между лапами.

- Ну что, хочешь посмотреть Голову? - спросил цыган, указывая в глубину сарая, где стоял плоский сосновый стол, а на нем квадратная коробка, обтянутая холстом.

- Погоди, - сказал он. - Я зажгу свечи. Он вытащил дюжину больших свечей и, покапав воском на верх коробки, прилепил их. Они горели дрожащим, мерцающим светом, отбрасывая пляшущие на стене тени. Затем цыган наклонился к столу и постучал по нему палочкой, на которой водил медведя.

- Ну что, Голова, ты готова? - спросил он. Я ждал, и от нетерпения у меня слегка покалывало в позвоночнике. Тут изнутри холщовой коробки раздался ясный дискант:

- Да. Я готова.

Цыган приподнял холст с одной стороны коробки, и я увидел, что она собрана из тонких планок, на которые свободно натягивался тонкий холст. Коробка была размером примерно в три квадратных фута. В центре находился небольшой цоколь, на котором помещалась голова семилетнего мальчика; в мерцающем свете свечей – довольно зловещее зрелище.

- Боже! – в восхищении сказал Кралефски. – Вот это да! Больше всего поразило меня то, что голова была действительно живая. Это была голова цыганенка, довольно грубо намазанная ваксой под негритенка. Она смотрела на нас и моргала глазами.

- Ты готова отвечать на вопросы? – спросил цыган, с явным удовольствием поглядывая на потрясенного Кралефски. Голова облизала губы и произнесла:

- Да. Я готова.

- Сколько тебе лет? – спросил цыган.

- Больше тысячи лет, – сказала Голова.

- Откуда ты родом?

- Из Африки. Меня зовут Нго. Цыган продолжал задавать Голове вопросы, а Голова отвечала, но не это было интересно мне. Мне куда больше хотелось узнать, в чем секрет трюка. Когда цыган впервые рассказал про Говорящую Голову, я было подумал, что имеется в виду изделие из дерева или из гипса и с помощью чревовещания создается впечатление, что она говорит. Но это была живая голова, помещенная на маленький деревянный цоколь в окружении пылающих свечей. У меня не было сомнений в том, что она живая – голова вращала глазами туда-сюда, когда автоматически отвечала на вопросы, а однажды, когда Павло встал и отряхнулся, на ее лице промелькнул страх.

- Ну, – гордо сказал цыган, закончив задавать вопросы, – что я говорил? Теперь вы убедились, что это самая замечательная штукавина на свете?

Я спросил цыгана, можно ли рассмотреть все поближе. Я вдруг вспомнил, что Теодор рассказывал мне о подобной иллюзии, устраиваемой с помощью зеркал. Я не видел, куда бы можно было спрятать тело, принадлежащее голове, но чувствовал, что коробку и стол нужно срочно исследовать.

- Разумеется, - к некоторому моему удивлению, согласился цыган. - Вот тебе палка. Только прошу, не трогай саму голову.

С помощью палки я тщательно прощупал все вокруг цоколя, проверяя, не спрятаны ли где зеркала или провода. Голова наблюдала за мной со слегка удивленным выражением черных глаз. Стенки коробки были определенно сделаны из одного холста, а дном коробке служила плоскость стола, на котором она стояла. Я зашел сзади, но и там ничего не обнаружил. Я даже заполз под стол, но и там не было ничего. Таким образом, спрятать тело было негде. Я был озадачен как никогда в жизни.

- Ну, что? - с триумфом спросил цыган. - Не ожидал? Ты думал, что я там спрятал мальчика. Так ведь?

Я покорно признался, что именно так я и думал, и попросил рассказать, как же все устроено на самом деле.

- Э нет! Не могу. Она ведь у меня волшебная. Если расскажу, Голова исчезнет в клубах дыма.

Вооружившись свечой, я вторично исследовал и стол, и коробку, но по-прежнему остался в недоумении, как такое возможно.

- Ну, хватит, - сказал цыган. - Оставь Голову в покое. Поди-ка лучше потанцуй с Павло.

Он продел крючок в кольцо на наморднике Павло, и зверь поднялся на задние лапы. Цыган подал мне палку, а сам взял небольшую деревянную флейту и

заиграл. Мы с Павло пошли в медленном, торжественном танце.

- Боже, как чудесно! Просто чудесно! - восхищался Кралефски, с энтузиазмом хлопая в ладоши.

Я предложил ему вспомнить свой богатейший опыт, приобретенный в цирке, и самому станцевать с Павло.

- Ну, знаешь ли, - произнес Кралефски, мне кажется, это будет не совсем разумно. Животное, видишь ли, меня не знает.

- Да что вы, - отозвался цыган, - он ласков со всеми.

- Ну, раз вы в этом уверены, - с неохотой сказал Кралефски, - раз вы настаиваете, я готов.

Он осторожно взял у меня из рук палку, встал лицом к Павло, вид у него был чрезвычайно испуганный.

- А теперь, - сказал цыган, - давайте танцевать.

И заиграл на флейте веселую песенку.

Я стоял, потрясенный невиданным зрелищем. В мерцающем желтом пламени свечей, отбрасывая на стены пляшущие тени, кружились и кружились в пируэтах маленькая сгорбленная фигурка Кралефски и огромный косматый медведь, а Голова, посмеиваясь и похихикивая, смотрела на них со своего деревянного цоколя.

Глава одиннадцатая. Рассерженные бочки

В самом конце лета наступает сбор винограда. Пейзажем с виноградниками можешь любоваться хоть круглый год, но только когда наступает пора сбора урожая, вспоминаешь последовательность событий, приведших к ней. Зимой виноградники кажутся мертвыми, словно прибитые к берегу сучья, которые зачем-то во множестве понатыкали в землю аккуратными рядами; а затем настает весенний день, когда замечаешь, как на каждой лозе загорается зеленое сияние, когда начинают разворачиваться нежные, еще сморщенные листочки. Постепенно листья становятся больше и свисают с лоз, словно виноградники подставляют жарким лучам солнца зеленые ладони. Позже появляются и сами гроздья – сначала как крошечные наросты на веточках; но под действием солнечных лучей они растут и наливаются, пока не становятся похожи на желтовато-зеленую икру некоего неведомого морского чудища.

Теперь настает время опрыскивания. Терпеливые, выносливые ослики выкатывают на виноградники деревянные тележки с большими бочками извести и медного сульфата.

Затем появляются опрыскиватели в специальной одежде, делающей их похожими на существа с далекой планеты: защитные очки и маски, огромные канистры за спиной, от которых идут длинные резиновые шланги, подвижные, словно хоботы слонов. По ним бежит жидкость – смесь голубизны неба и синевы моря, словно в ней растворилось все, что есть голубого и синего на свете. Канистры наполняют, и люди в спецодежде шагают среди кружевных виноградников, окутывая

каждый лист, каждую зеленеющую гроздь тончайшей небесно-голубой тканью. Под этим защитным голубым покровом зреют и наливаются гроздья, чтобы в конце концов быть сорванными знойным днем на закате лета и отдать свой сок.

Сбор винограда настолько важное дело, что вполне естественно, что к этому времени приурочивают поездки в гости, пикники и торжества. В это время достают вино прошлогоднего урожая и размышляют над ним.

Нас пригласил на праздник молодого вина господин Ставродакис, крохотный, весь в добрых морщинах человек с лицом как у истощенной от голода черепахи. У него были вилла и несколько крупных виноградников в северной части острова. Свою жизнь он посвятил виноделию, считая вино самой важной вещью на свете, а посему его приглашение было доставлено со всей подобающей торжественностью и столь же торжественно было воспринято моим семейством. В тексте приглашения, выгравированном на медной пластине и украшенном росчерками и завитушками, отчего билет выглядел словно ажурная чугунная решетка, между прочим значилось: покорнейше прошу привести с собою друзей, которым, по вашему мнению, сие доставит наслаждение.

- Прекрасно, - сказал Ларри, - ходят слухи, что у него лучший на Корфу погреб.

- Ну, если вы хотите, мы могли бы поехать, - с сомнением в голосе молвила мама.

- Конечно, я хочу, - сказал Ларри. - Вино у него должно быть отменное. Предлагаю нанять моторную лодку и устроить пикник.

- Поедем! - восторженно сказала Марго. - У него в имени великолепный пляж. Надо еще покупаться, пока лето не кончилось.

- Мы можем пригласить с собой Свена, - продолжал Ларри, - он к тому времени как раз вернется. Ну и, конечно, Дональда и Макса - отчего не позвать?

- И Теодора, - добавил Лесли.

- Ларри, милый, - сказала мама. - Человек приглашает нас всего лишь посмотреть, как давят его виноград или что там они с ним делают. И мы не можем привезти с собой такое множество людей.

- Но он же сам написал, чтобы мы привезли кого хотим, - возразил Ларри.

- Все равно нельзя. Как бедняга прокормит столь многочисленную компанию?

- Ну, это просто, как дважды два, - сказал Ларри. - Напишем ему, что еду привезем с собой.

- То бишь готовить придется мне? - спросила мама.

- Чепуха какая, - уклончиво сказал Ларри, - возьмем с собою котлет или еще чего-нибудь в этом роде да поджарим прямо на костре.

- Мне ли не знать, чем это кончается, - сказала мама.

- Да ну, организуешь как-нибудь, - ответил Ларри. - В конце концов, нет ничего проще.

- Значит, так, - неохотно сказала мама. - Утром я переговорю со Спиро, и посмотрим, что можно будет сделать.

В результате мама написала изящным почерком письмо Ставродакису, сообщая, что мы будем рады принять его приглашение и привезти с собою нескольких друзей. Еду мы возьмем с собою и устроим пикник на пляже. В ответ мистер Ставродакис прислал нам еще одно письмо - очередной образчик гравюры с завитушками, - в котором сообщал, что польщен тою любезностью, с которой мы приняли его приглашение, и что с нетерпением ждет нашего приезда. В добавление он написал следующее: «Покорнейше прошу приехать не одетыми - мы в семейном кругу». Фраза более чем

озадачила нас, так как Ставродакис долгие годы был холостяком, но наконец сообразили - он всего лишь имел в виду, чтобы мы не одевались особо нарядно и чувствовали себя как дома.

В конце концов компания подобралась в таком составе:

Дональд и Макс, Теодор, Кралефски, Свен, который как раз вернулся из Афин, Спиро и наше семейство. Мы собрались в полседьмого утра на разбитых ступенях позади царского дворца в городе, где, покачиваясь на легких волнах, нас ожидала свежеевыкрашенная лодка с низкими бортами. Погрузка заняла порядочно времени. Прежде всего разместили многочисленные корзины с провиантом и вином, кухонные принадлежности и огромный мамин зонтик, с которым она не расставалась во время летних путешествий. Затем Кралефски, кланяясь и улыбаясь, подал ручку маме и Марго, помогая взойти им на борт.

- Потихоньку, аккуратненько, не споткнитесь - отлично! - говорил он, эскортируя обеих дам на борт моторки с учтивостью венецианского дожа, помогающего новой своей возлюбленной сесть в гондолу.

- По счастью, - молвил Теодор, всматриваясь в голубое небо из-под полей своей фетровой шляпы, - по счастью, похоже, что сегодня... хм... будет, знаете ли, хорошая погода. Я рад, а то, знаете, от малейшего волнения мне становится дурно.

Свен оступился, садясь в лодку, и чуть было не уронил в море свой драгоценный аккордеон, но длинная рука Макса спасла его от гибели в морской пучине. Наконец все были на борту. Лодку столкнули в море, завели мотор - и в путь. В бледной жемчужной утренней дымке, предвосхищавшей жаркий день, город казался игрушечным городком, построенным из детских кубиков. Слегка осыпавшиеся фасады высоких

старинных венецианских домов, окрашенные в бледные оттенки кремового, коричневого, белого и розового, как цикламен, цветов, расплывались в дымке, словно на смазанном рисунке пастелью.

- Славная жизнь на океанской волне! - изрек Кралефски, драматически вдыхая теплый неподвижный воздух. - То, что надо!

- Хоть море и кажется таким спокойным, - заметил Теодор, - однако есть, по-моему, легкое - едва ощутимое - волнение.

- Что за вздор, Теодор, - сказал Ларри. - Хоть ватерпасом измеряй, пузырек не шелохнется.

- Муттер, уютно? - с любовью спросил Макс.

- Спасибо, милый, очень даже уютно, - отозвалась мама. - Только одно меня беспокоит. Я не уверена, захватил ли Спиро чеснок.

- Не волноваться, миссисы Дарреллы, - сказал Спиро, до чьих ушей долетело мамино замечание. - Я захватываю всех вещей, что вы просите меня добывать.

Свен скрупулезнейшим образом исследовал свой аккордеон, дабы удостовериться, что с ним все в порядке, и теперь, приладив его поудобнее, пробежался для проверки по клавишам.

- Моряцкая песня для поднятия духа, вот что нам нужно! - оживился Дональд. - Йо-хо-хо, и бутылка рома!

Оставив их, я отправился на нос моторки и улегся - из лежачего положения интересно было наблюдать, как нос прокладывает себе путь, разрезая стеклянную голубую поверхность моря. Время от времени перед нами вспархивали в воздух стайки летучих рыбок, переливаясь на солнце голубым и лунно-серебристым блеском. Они выскакивали, разбивая водную гладь, и пролетали над водой, словно летние ласточки, охотящиеся за насекомыми над лазоревым лугом.

Мы достигли пункта назначения к восьми утра. Пляж длиной в полмили простирался у подножия горы

Пантократор. Здесь оливковая роща подступала почти к самому морю и отделялась от него только широкой полосой гальки. Приблизившись к берегу, мы заглушили мотор и дальше двигались одной лишь силой инерции. Теперь, когда гул мотора стих, мы слышали стрекот цикад, которые словно приветствовали нас на своем певучем языке: «Добро пожаловать на нашу землю!»

Наконец лодка с глубоким вздохом села на галечное дно мелководья. Владелец суденышка, гибкий смуглый парень, в несколько прыжков перебрался с кормы, где находился мотор, на нос, спрыгнул на берег с якорем в руках и закрепил его среди камней-голышей. Затем он сложил всю нашу коллекцию коробок у носа лодки наподобие шаткого трапа, который в любой момент грозил обрушиться, и мама с Марго, сопровождаемые Кралефски, сошли на берег. Он грациозно кланялся дамам, когда те ступали на гальку, но все-таки смазал эффект, случайно отступив в воду на глубину шесть дюймов и непоправимо испортив складку своих элегантнейших брюк. Наконец мы все со всеми причиндалами были на берегу. Оставив пожитки под оливами, мы, словно экипаж выброшенного на берег судна, который желает побыстрее покинуть место крушения, устремились вверх по склону холма к вилле Ставродакиса.

Вилла оказалась большой, квадратной, тускло-красного цвета, с зелеными ставнями. Нижний этаж занимал весьма вместительный погреб. По аллее, ведущей к дому, тянулись вереницы крестьянских девушек с корзинами винограда на голове; их грациозная походка напоминала гибкую грацию кошки. А вот и сам Ставродакис спешит поприветствовать нас.

– Очень приятно. Очень приятно. Очень приятно, рад вас видеть! – повторял он каждый раз, когда кто-нибудь из нас представлялся.

Он усадил всю нашу компанию на веранде под празднично красным шатром бугенвиллии и откупорил несколько бутылок своего самого лучшего вина. Оно оказалось крепким и терпким на вкус и светилось тускло-красным светом, как будто наши стаканы были наполнены гранатовым соком. Когда мы подкрепились и уже слегка захмелели, он повел нас в свои погреба, мягко скользя впереди, словно добродушный черный жук.

Погреба были столь велики, что самые глухие уголки приходилось освещать масляными светильниками – мерцающими фитилями, плавающими в горшочках янтарного масла. Каждый погреб был разделен на две части, и сперва хозяин повел нас туда, где давили виноград. В тусклом свете, возвышаясь над окружающим, темнели три гигантские бочки. К одной из них тянулся нескончаемый поток крестьянок с корзинами винограда. В двух других работали давилыщики. В углу на перевернутой колоде сидел седой, с виду хрупкий старичок и с большой торжественностью наигрывал на скрипке.

– Это Таки, а это Яни, – сказал Ставродакис, указывая на двух давилыщиков.

Голова Таки едва-едва торчала над краем бочки; у Яни виднелись также и плечи.

– Таки работает со вчерашнего вечера, – сказал Ставродакис, нервно поглядывая на маму и Марго, – боюсь, он уже слегка опьянел.

И впрямь – крепкий дурманящий дух винной массы долетал даже до нас, пьяня и охмеляя. Что же должны чувствовать давилыщики, дышащие насыщенными парами, поднимающимися из теплых глубин бочки? Снизу из бочки неочищенное молодое вино поступало в корыто, где пламенело под слоем пены, розовой, как цветущий миндаль. Оттуда оно разливалось по бочкам.

- Но это уже конец страды, - объяснял Ставродакис. - А это последний красный виноград из небольшого виноградника, что на самой вершине. Из него получается, осмелюсь полагать, одно из лучших вин на Корфу.

Таки на минуту прекратил исполнять джигу на гроздьях, схватился за край бочки и высунулся, словно пьяная ласточка из гнезда. Его руки были окрашены вином и облеплены виноградными шкурками и косточками.

- Мне пора вылезать, - он еле ворочал языком, - иначе я тут захмелею, как сапожник.

- Еще немного. Еще чуть-чуть, мой Таки, - сказал Ставродакис, нервно поглядывая вокруг. - С минуты на минуту придет Костос и сменит тебя.

- Хочу пи-пи, - удрученно объяснил Таки. - Человек не может работать не пописав.

Старик скрипач отложил свой инструмент и, видимо, в порядке компенсации за переносимые страдания подал Таки ломоть серого хлеба, который тот смолотил с волчьим аппетитом.

Между тем Теодор читал Свену обстоятельную лекцию о винах, указывая тростью то на давитьщиков, то на бочки, словно на редкостные музейные экспонаты.

- Кто был тот, - спросил Макс у Ларри, - что утоп в бочке с мальвазией?

- Один из самых здравомыслящих героев Шекспира, - ответил Ларри.

- Помнится, - сказал Кралефски Дональду, - однажды я водил Леди по одному из самых больших винных подвалов Франции. Но не прошли мы и полпути, как я ощутил беспокойство. Предчувствуя опасность, я поспешно вывел Леди наружу, и в следующее же мгновение четырнадцать бочек грохнули, как пушки...

- Итак, здесь вы стали свидетелями процесса давления, - сказал Ставродакис. - Пойдемте дальше, я

вам покажу хранилища.

Он повел нас по сводчатому коридору в другую мрачную секцию погреба. Здесь, за рядом ряд, лежали бочки. Шум стоял невообразимый. Сначала я подумал, что он доносится откуда-то снаружи, но в конце концов понял, что он идет из нутра бочек. Когда вино бродит в их коричневом чреве, бочки булькают, скрипят, переругиваются друг с другом, словно базарные торговки. Звук заинтриговывал, хотя и наводил легкий ужас. Создавалось впечатление, будто в каждой бочке томился в заключении некий страшный демон, проклиная жизнь недоступной пониманию бранью.

- Крестьяне говорят, - сказал Теодор со зловещим наслаждением, слегка касаясь тростью одной из бочек, - крестьяне говорят, что подобные звуки издают утопающие.

- Мальвазия! - взволнованно воскликнул Макс. - Бочки и бочки - мальвазия! Ларри, утопнем вместе!

- Утонем, - автоматически поправил Дональд.

- Здесь у вас, конечно, очень интересно, - сказала мама Ставродакису, покривив душой, - только, если позволите, мы с Марго вернулись бы на пляж, пора позаботиться об обеде.

- Интересно, какая сила образуется там, внутри? - задумчиво молвил Лесли, оглядываясь вокруг. - То есть, если силы будет достаточно, чтобы вытолкнуть затычку, какие могут быть последствия?

- Самые плачевные, - сказал Теодор. - Мне как-то довелось видеть человека, жестоко изувеченного вылетевшей из бочки затычкой. - И, словно желая это продемонстрировать, он с силой ткнул тростью в бочку. Мы инстинктивно отскочили.

- Извините нас, конечно, - нервно сказала мама, - но я думаю, нам с Марго лучше уйти.

- Но остальные-то, - умолял Ставродакис, - остальные-то, надеюсь, поднимутся в дом и отведают

еще вина?

- Ну конечно, - сказал Ларри таким тоном, будто делал хозяину одолжение.

- Мальвазия! - сказал Макс, закатывая глаза в экстазе. - Мы пить мальвазия!

Мама с Марго ушли на пляж помогать Спиро готовить обед, а Ставродакис торопливо повел нас обратно на веранду и напоил всех всласть, так что, когда настало время возвращаться на пляж, мы были румяные, как яблочки, нас разморило и слегка пошатывало.

- Мне снилось, - затыкнул Макс, когда мы вошли в оливковую рощу, ведя с собою довольного Ставродакиса, пожелавшего разделить с нами трапезу, - мне снилось, что живу я в мраморных чертогах с кораблями и лугом под боком.

- Он это нарочно, чтобы досадить мне, - шепнул Дональд Теодору. - Он ведь прекрасно знает эту песню.

У самого моря под деревьями были разложены три костра. Раскаленные уголья чуть подрагивали и выпускали тонкие струйки дыма, а над ними булькала и шипела всяческая снедь. Расстелив в тени большую скатерть, Марго раскладывала на ней ножи и вилки, расставляла стаканы и при этом фальшиво напевала себе под нос. Спиро и мама склонились над кострами, словно колдун с колдуньей, обильно поливая маслом шипящую поджарившуюся тушку козленка и нашпиговывая ее чесноком, и сдабривали лимонным соком огромную рыбину, чья кожа пузырилась, покрываясь соблазнительной корочкой.

Мы расположились вокруг белоснежной скатерти, на которой алели стаканы с вином, и неторопливо вкушали обед. Куски козлятины, перевитые травами, оказались вкусными и сочными, а ломти рыбы таяли во рту, будто снежинки. Разговор то затихал, то оживлялся, то медленно струился, словно дым костра.

- Учитесь любить камни! - торжественно произнес Свен. - Допустим, ты видишь дюжину камней. Так? Так вот... Этот не для меня, этот не подходит, а вот этот милый и изящный, и я влюбляюсь в него, как в женщину. Но когда приходит пора супружества, порой бывает жутко. Дерешься с этим камнем и видишь, какой он твердый. Ты в отчаянии, и вдруг он, словно воск, плавится в твоих руках. Что хочешь, то и лепишь.

- Помнится, - сказал Теодор, - как-то попросил меня Берлинкур - вы знаете, такой французский художник, живущий в Палеокастрице, - попросил он меня пойти к нему и посмотреть его работы. Сказал... э-э, знаете ли, совершенно четко: «Приходи посмотреть мои картины». Что ж, я зашел как-то днем, он очень радушно принял меня. Угощал... хм, знаете ли... чаем с маленькими пирожными, а затем я сказал, что хочу посмотреть его картины, и он показал на большой холст, который стоял на... хм, как это называется, такая штука, которой пользуются художники? Ах да, мольберт. Картина и в самом деле была недурна: Палеокастрицкий залив с четко выписанным монастырем, но когда я, налюбовавшись ею, огляделся, чтобы посмотреть другие его работы, то ни одной не увидел. Так я... хм... спросил его, где же остальные картины, и он показал на мольберт и сказал, хм... «под этой». Оказалось, что ему не на что было покупать холст, так он писал одну картину поверх другой.

- Великим художникам суждено страдать, - мрачно изрек Свен.

- Когда наступит зима, я повезу вас на болота в Бутринто, - с энтузиазмом сказал Лесли. - Там диких уток видимо-невидимо, а выше, в холмах, - чертовски здоровенные дикие кабаны!

- Утки нравятся мне, но дик кабант, полагаю, чуть большой для меня, - сказал Макс с убеждением человека, который знает пределы своих возможностей.

- Я тоже думаю, что Макса туда брать не следует, - подхватил Дональд. - Еще покажет пятки в критический момент. Сами знаете - чужестранец.

- А затем, - сказала мама Кралефски, - кладите лавровый лист и щавель как раз перед закипанием...

- И я сказать ему, мисси Марго, - какой ты, к лешего, французская посол, ты бастарда!...

- Там, где кончается болото, ходить будет потруднее - там слишком мшисто, но зато можно пострелять и глухарей, и бекасов...

- Помню, однажды я побывал в одной деревне в Македонии, где делают любопытную... хм... знаете ли... деревянную скульптуру...

- Знавал я одну Леди, которая готовила это блюдо без лаврового листа, просто добавив немного мяты...

Наступил самый жаркий час дня, когда даже неугомонным цикадам, казалось, стало не вмоготу продолжать свою песню. По скатерти деловито ползали черные муравьи, подбирая крошки. На бороду Теодора уселся слепень - глаза его сверкали, как злобные изумруды, - и, посидев мгновение, с жужжанием улетел.

Разомлев от еды и вина, я медленно поднялся и отправился к морю...

- А иногда, - доносились до меня слова Ставродакиса, обращенные к Марго, - иногда бочки точно кричат. Они шумят так, будто дерутся. Тоца приходится держать ухо остро.

- Ой, не надо, - слабым голосом молвила Марго. - Меня от одной мысли бросает в дрожь.

Море было теплым и гладким, словно отполированное, и лишь крошечные волны лениво ласкали берег. Галька хрустела и перекатывалась, обжигая босые ступни. Волны славно потрудились над миллионами разноцветных голышей и камней, слагавших этот пляж, нежно полируя и тонко шлифуя,

вытачивая самые причудливые формы. Здесь были наконечники стрел и полумесяцы, петушки и лошадки, дракончики и морские звезды. Их расцветка была не менее причудлива – ведь миллионы лет назад они впитали соки земли, а теперь их полировало и шлифовало море. Белые с золотой или красной филигранью, алые в белую крапинку, зеленые, голубые, бледно-бежевые, коричневые, как куриное яйцо, с густым ржаво-красным узором, похожим на папоротник, розовые, как пионы, покрытые белыми загадочными, не поддающимися расшифровке письменами, похожими на египетские иероглифы. Пляж был словно безбрежная сокровищница самоцветов, простирающаяся вдоль кромки моря.

Я долго шагал по теплomu мелководью, пока наконец не смог нырнуть в более прохладные воды. Здесь, если удержишь дыхание и погрузишься на самое дно, мягкое бархатное одеяло моря моментально закладывает уши, на какой-то миг лишая слуха. Но миг проходит – и тебе открываются все краски подводной симфонии. Вот отдаленный стук корабельной машины, приглушенный, словно биение сердца; нежный шепот песчинок, перемешиваемых движением моря, и, наконец, музыкальный звон галек, доносящийся с самого края берега. Чтобы послушать мастерскую моря, где любовно шлифуется и обтачивается несчетное множество голышей, я выплыл из глубины на мелководье и, зацепившись руками за пестрые камни, погрузил голову под воду. Маленькие волны нежно касались гальки, словно певучих клавиш. Я подумал: если бы грецкие орехи умели петь, их песня была бы такой же. Шорох, стук, звон, ропот, кашель (в момент, когда волна отступает) – а затем, с накатом новой волны, вся та же гамма повторяется, но в другой октаве. Море играло на кромке пляжа, словно на музыкальном инструменте. Я лег в теплую воду у

самого края пляжа и немного подремал, а затем, еще не полностью стряхнув сон, поплелся назад в оливковую рощу.

Полянка выглядела словно спящее поле после кровавой брани. Все лежали и спали вокруг остатков пиршества. Забравшись под укрытие корней могучей оливы, я свернулся калачиком и вскоре сам уснул.

Проснулся я от нежного звона чашек, которые мама и Марго ставили на скатерть для чаепития. Спиро сосредоточенно колдовал над костром, на котором находился чайник. Пока я сонно жмурился, крышка чайника чуть приподнялась и, слегка покачнувшись, выпустила облачко пара. Мощной рукой Спиро подхватил чайник и вылил его содержимое в чайник для заварки, затем повернулся и сердито глянул на наши распростертые тела.

- Чай! - громогласно прорычал он. - Чай готова!

Все вздрогнули и мигом проснулись.

- Господи! Может, не надо так громко, Спиро? - жалобно сказал Ларри невнятным сонным голосом.

- О, чай! - сказал Кралефски, проснувшись и оглянувшись вокруг, словно взъерошенный мотылек. - Ей-богу, чай! Превосходно. То, что надо.

- Боже, голова раскалывается, - вздохнул Лесли. - Видно, все из-за вина. Точно мул по голове лягнул.

- Да, меня тоже слегка ломает, - отозвался Ларри, потягиваясь и зевая.

- А я чувствую, как будто утоп, - убежденно сказал Макс. - Утоп в мальвазия, а потом вернутый обратно искусственным вдохновением.

- Дыханием, - раздраженно поправил Дональд. - Ты долго еще будешь издеваться над английским языком? Мало того что тысячи англичан безбожно коверкают его, так не хватало еще, чтобы его калечили иностранцы!

- Помнится, я где-то читал, - начал Теодор, который проснулся мгновенно, словно кошка, и выглядел безукоризненно, будто и не спал вовсе, - помнится, я как-то читал, что где-то в горах Цейлона обитает племя, которое разговаривает на никому не понятном языке. То есть я имею в виду, что даже самые опытные лингвисты не могут понять его.

- И звучит он как английский язык в устах Макса, - заявил Дональд.

Под благотворным воздействием чая, жареных хлебцев с маслом, соленого печенья, сэндвичей с кресс-салатом и огромного фруктового торта, ароматного и рассыпчатого, словно плодородная земля, мы наконец начали просыпаться. После чаепития мы всей гурьбою отправились к морю и плавали в теплой воде, пока не зашло солнце и на пляж не легла тень горы, отчего он сразу сделался холодным и бесцветным. Тогда мы вернулись на виллу Ставродакиса, расселись под шатром бугенвиллии и залюбовались меняющимися и перемежающимися на исходе дня красками моря. Наконец мы оставили Ставродакиса, который настоял, чтобы мы взяли дюжину больших кувшинов самого лучшего вина на память о нашем визите, и направились к лодке.

По пути к морю мы вышли за пределы тени, отбрасываемой горою, и снова оказались во власти теплых лучей заходящего солнца, окрасившего небо позади темной массы горы Пантократор алым костром заката; его отражение в воде было похоже на объятый пламенем кипарис. Редкие небольшие облачка стали розовыми и желтыми, словно виноградные листья; наконец солнце утонуло за горою, и небо из синего превратилось в бледно-зеленое, а гладкая поверхность моря на мгновение вспыхнула всеми волшебными цветами огненного опала. Неумолчно стучал мотор, от винта за кормой тянулся белый кружевной узор. Свен

мягко и нежно взял на аккордеоне первые ноты романса «Белый миндаль», и все мы дружно подхватили:

Солнечным утром коснулась любимая Легкой рукою ветвей белоснежных. Цвет миндаля вмиг осыпал ей локоны, Лег лепестками на плечи нежные, Лег лепестками на темные локоны. Белой метелицей на плечи нежные.

Голос Спиро, глубокий, богатый и мягкий, словно черный бархат, удачно гармонировал с приятным баритоном Теодора и тенором Ларри. Из голубой пучины перед носом нашей лодки выскочили две летучие рыбки, пронеслись над поверхностью и исчезли в сумеречном море.

Стало уже довольно темно, и можно было наблюдать легкое фосфоресцирующее свечение воды. Темное вино с приятным плеском разливалось из фаянсовых кувшинов в стаканы – то самое вино, которое в прошлом году ворчало в свое удовольствие в коричневых бочках. Легкий ветерок, теплый и мягкий, словно лапа котенка, обвевал лодку. Кралекски, откинув голову, с глазами, полными слез, пел бархатно-голубому небу, мерцающему звездами. Море шелестело у бортов лодки шорохом опавших листьев, когда они, гонимые зимним ветром, шуршат о стволы деревьев, подаривших им жизнь.

– Что же ты, милая, в зимнем уборе? – Тихо сказал я, шагнув ей навстречу. Цвет миндаля я на землю отряхивал, Глядя ей локоны, трогая плечи. Темные локоны, нежные плечи.

Далеко-далеко, в проливе между Корфу и материком, сгустившаяся тьма озарилась огнями рыбачьих судов, словно небольшой отрезок Млечного Пути упал со звездного неба в море. Над панцирем Албанских гор медленно выплыла луна, сперва алая, словно заходящее солнце, потом медная, затем светло-

желтая и, наконец, белая. Легкая морская рябь сияла, будто тысячи рыбьих чешуек.

Теплый воздух, пьянящий вкус вина и меланхолическая красота ночи наполнили меня светлой печалью. Так будет всегда, думал я. Сияющий дружелюбный остров, полный тайн. Моя семья и мои звери вокруг меня. И конечно же наши друзья. Бородатая голова Теодора, темнеющая на фоне луны, – к ней бы еще рожки, и будет самый настоящий Пан; Кралейски, рыдающий не стесняясь, словно черный гном, плачущий из-за того, что его выгнали из сказочной страны; Спиро с мрачным смуглым лицом и голосом густым и вибрирующим, словно гул миллиона летних пчел; Дональд и Макс, хмурящиеся из-за того, что им с трудом удастся вспомнить слова песенки и в то же время попадать в такт; Свен, словно неуклюжий белобрысый ребенок, извлекающий задушевные звуки из своего громоздкого инструмента:

Жизнь наша юная лишь начинается, Годы не скоро седыми нас сделают. Не накликай – я тебя умоляю – Зиму холодную с вьюгами белыми. Зиму с метелями, с вьюгами белыми.

Ну вот, думал я, зима все ближе, но после снова придет весна – чистая, сияющая, яркая, как щегол, а потом опять лето с долгими, жаркими днями, желтыми, как нарцисс.

– Не накликай, я тебя заклинаю, Зиму жестокую, зиму метельную, Зиму жестокую, зиму метельную.

Убаюканный вином и стуком мотора, теплотой ночи и песнью, я заснул. Лодка несла нас по теплым бархатным волнам к нашему острову, а вдаль уносились прекрасные дни, которым не суждено было возвратиться.

Эпилог

«Корфу представляет для меня столь великое значение, что потеря его нанесла бы непоправимый удар по всем моим планам.

Помните о следующем: при нынешнем состоянии дел в Европе величайшим несчастьем, которое может на меня обрушиться, будет потеря Корфу.»

Наполеон

Из переписки

Письмо

*«Дорогая миссис Даррелл,
Похоже на то, что войны избежать не удастся, и я думаю, что Вы были правы, покинув Корфу. Остается только надеяться на встречу в более счастливые времена, когда к человечеству вернется наконец здравый смысл. Уповаю на это.*

Если захотите написать мне, то вот адрес: п/я Ионический Банк, Афины.

Желаю Вам и Вашей семье всего самого наилучшего в будущем.

С любовью ко всем вам.

Ваш Теодор»

Открытка

«Мама!

Я переехал в Афины, так что пиши мне сюда. Место великолепное. Акрополь как кусок розового мяса на солнце. Я отправил вам свои пожитки. В сундуке под № 3 найдешь книгу «Анализ Марлоу». Ты могла бы прислать ее мне? Все здесь ходят в стальных шлемах, и похоже, что война уже идет. Покупаю себе большое копье. С любовью,

Ларри»

Письмо

*«Дорогая мама,
Какой-то негодяй итальяшка стибрил все
мои дорожные чеки. Более того, меня чуть было
не арестовали, потому что я вцепился ему в
рожу. Пришли мне греческих чеков, когда
сможешь. Не могла бы ты прислать мне еще
денег по адресу:*

*Гостиница «Магнифика», Плаца де Континна,
Милан. Скоро буду дома. Не беспокойся.*

С любовью,

Лесли

P. S. Тебе не кажется, что пахнет войной?»

Письмо

«Милая мамочка,

*Пишу кратенько – в понедельник я сажусь
на пароход и недели через три буду в Англии.*

*Здесь довольно беспокойно, но чего еще
можно ожидать? Дождей не бывает, идет
только снег. По-моему, то, как ведут себя
немцы, просто отвратительно. Была бы моя
воля, я бы им об этом прямо заявила. До скорой
встречи.*

С любовью,

Марго

*P. S. Прилагаю более чем странное письмо от
Спиро.»*

Письмо

«Дорогая мисси Марго,

Сообщаю вам, что война объявлена.

Никому ни звука?

Спиро»